Луис Бегли

О Шмидте

О Шмидте

Луис Бегли

Аннотация
Луис Бегли. О Шмидте
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV

Аннотация

С тех пор, как умерла жена Шмидта, не прошло и полугода, и вот их единственная дочь пришла сказать, что выходит замуж. И упорядоченная жизнь пожилого преуспевающего юриста катится под откос: его вынуждают раньше срока уйти на пенсию; выбор Шарлотты он не одобряет, но даже самому себе он не в силах признаться, почему; его преследует зловещий бродяга, подозрительно похожий на него самого… Обеспеченная старость безоблачна далеко не всегда, однако неожиданная страсть на склоне лет может подарить крохотный лучик надежды.

По мотивам этой книги американского писателя Луиса Бегли (р. 1933) режиссер Александр Пэйн в 2002 году снял одноименный фильм с Джеком Николсоном и Кэти Бейтс в главных ролях. Меланхолическая одиссея «О Шмидте» — впервые на русском языке.

Луис Бегли
О Шмидте

Посвящается П., А. и А.

* * *

Gia che spendo i miei danari
Io mi voglio divertir.
— «Don Giovanni» [1]

[1] Примечания: 1

«Все свои деньги я уже потратил, но хочу развлекаться» *(ит.).* Лоренцо да Понте, либретто к опере Моцарта «Дон Жуан». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

I

С тех пор, как умерла жена Шмидта, не прошло и полугода, и вот их единственная дочь Шарлотта пришла сказать, что выходит замуж. Шмидт заканчивал завтрак. Он сидел за кухонным столом с «Таймс» в левой руке и, как делал это каждую субботу, просматривал в отделе «Метрополия» котировки международных акций и акций небольшой капитализационной компании, которые, уверенно препоручив остальной капитал агенту, до сих пор вполне успешно им распоряжавшемуся, Шмидт посчитал нужным приобрести, неразумно считая индикатором собственного финансового благополучия положение дел в своем личном финансовом предприятии. На этой неделе акции, вложенные в капитализационную компанию, упали на десять центов. Суммарная потеря 50 центов, подсчитал Шмидт. Упали и международные акции. Отложив газету, он поднял глаза на дочь. Какая она рослая. И мучительно женственная в промокшей после пробежки майке. Я так счастлив за тебя! И когда это случится? сказал Шмидт и заплакал. В первый

раз с того дня, когда врач, обследовавший Мэри, объявил им вердикт, уже известный Шмидту из телефонного разговора: Забудьте об операции. К чему калечить Мэри? Все равно это не даст ей лишнего года нормальной жизни. Лучше постараемся избавить ее от страданий. Ступайте и поживите в свое удовольствие. Шмидт не отпускал руку Мэри, пока они не вышли на улицу.

Было ослепительно солнечное утро. Посадив Мэри в такси — в обычный день она пошла бы домой пешком, но он видел, что разговор придавил ее и она немного не в себе, — Шмидт поймал еще одно до своей конторы, прошел в кабинет, не велев секретарше беспокоить, запер дверь, позвонил доктору Дэвиду Кендэллу, который был для них с Мэри не только семейным врачом, но и другом, и, услышав, что Дэвид обсуждал с тем врачом ситуацию до того, как тот объявил свое заключение, упал ничком на кушетку и плакал, как ребенок, а под горячими веками, как в видеоролике, смонтированном из разных эпизодов, сменяли друг друга картины его жизни с Мэри. В тот день Шмидт оплакивал свое счастье. Теперь же неотвратимо надвинулся конец того сносного существования, которое он, казалось, мог бы себе устроить. Спрашивать, кто жених, не было

нужды: Джон Райкер начал увиваться за Шарлоттой еще задолго до болезни Мэри. В данный момент он, должно быть, бреется в Шарлоттиной ванной.

В июне, папа. Мы хотели наметить день вместе с тобой. Почему ты плачешь?

Она села рядом и погладила его по руке.

От счастья. А может, оттого, что ты уже такая взрослая. Я сейчас перестану. Вот увидишь.

Оторвав кусок бумажного полотенца с рулона у раковины, он тщательно высморкался. Носовой платок всегда лежал у него в кармане брюк, но в последнее время Шмидт избегал им пользоваться, отчего-то опасаясь, что в нужный момент у него не окажется под рукой чистого и он оконфузится. Поцеловав дочь, Шмидт вышел в сад.

Нанятый в этом году садовник по имени Джим Богард выходил на работу со своими помощниками каждый день. Шмидт и сегодня с удовольствием отметил, что палые листья и сухие сучья убраны и с мульчированных цветочных клумб у дома, и даже из-под кустов рододендронов и азалий, куда совсем уж трудно забраться. Увядшие и пожелтевшие лилии, которые сажала Мэри, срезали так низко, что и не подумаешь, будто в земле еще сидят луковицы. Японские марга-

ритки кустились декоративными дикобразами. Живой изгороди с трех сторон сада — с четвертой оставался открытым вид на залив, лежащий вдали за полями Фостера, на которых в эти теплые октябрьские дни начала пробиваться озимая рожь, — придали строгую геометрическую форму. Если Фостер решит продать землю и сюда доберутся застройщики, Шмидт просто посадит кусты и с этой стороны и заслонит новостройку, сколь бы уродливой она ни была, ну а больше двух-трех домов здесь все равно не влепить. С видом, конечно, придется проститься, и простора больше не будет. Такие мысли тревожили Шмидта каждый год, когда фермеры выкапывали картошку и у них появлялось время посчитать доходы и траты. Недавно он специально съездил в садовый питомник и убедился, что цены не так уж высоки, а выбор взрослых растений достаточно широк; может, взять дело в свои руки и самому заговорить с Фостером о планах на будущее? Мэри ни за что не стала бы вкладывать такие деньги в бриджхэмптонскую недвижимость и ему не советовала бы, но вот Шарлотта, вернее, Шарлотта и Джон — надо привыкать к этому словосочетанию, — те могут думать иначе. Когда покупаешь землю, чтобы оберечь свою собствен-

ность, досадовать не о чем.

Шмидт, осматриваясь, обошел вокруг дома и гаража. Кое-где Богардовы говорливые Эквадорцы не убрали яблоки-паданцы. Обходя по очереди гараж, бассейн, покрытый новым, не по Шмидтову вкусу, навесом, и гостевой домик — просто малюсенький сарайчик, который они переделали в бунгало и едва закончили, как разразилась беда: Мэри заболела, — Шмидт подобрал все, сколько заметил, и выбросил на компостную кучу. Это Мэри придумала домик для гостей, а Шмидт хотел, чтобы гости Шарлотты размещались в большом доме, все под одной крышей — никаких неудобств, ведь Мэри отвела молодежи помещения за кухней: спальню и ванную комнату с душевой кабиной — поскольку тогда ему не пришлось бы специально планировать встречи за завтраком с собственной дочерью. Вполне естественно было бы сидеть с газетой у кухонного стола или в плетеной качалке и, слушая, как она говорит по телефону или с приехавшим в гости приятелем, узнавать, что она собирается делать сегодня.

С тех пор как на втором этаже гостевого домика отделали спальни и ванные в сельском стиле и рядом с раздевалками кухню, облицован-

ную красной плиткой, утро стало для Шмидта мученьем. Считалось, что в этом жилище располагается один Джон Райкер, который делит помещение с гостями, когда они с Шарлоттой пригласят кого-нибудь из друзей, но на деле каждое утро Шарлотта завтракала там вместе с Джоном, и Шмидт не мог бы заставить себя просто так взять и войти к ним и сесть с ними за стол. Мэри — та запросто входила и вышучивала церемонность мужа. Но Шмидт терпеть не мог, если к нему вламывались без предупреждения, и сам ни за что не стал бы так поступать. Он считал, что молодым. затем и предоставили отдельный дом, чтобы никто не вмешивался в их житье и не ходил туда без приглашения, а поскольку приглашали его редко, искал способов обойти собственные правила вежливости, звоня и спрашивая, не принести ли газету. Бывало, он привозил газеты слишком рано, пока в гостевом домике не наблюдалось никакого движения. Джон еще спал и Шарлотта, логично предполагать, тоже — в его постели. В такие дни обычный предлог не срабатывал, и Шмидту оставалось только смиренно наблюдать, как Шарлотта забирала привезенную им «Таймс» с кухонного стола и, пересекши лужайку, скрывалась за дверью

запретного дома.

Конечно, гостевой домик очень выручил всех во время болезни Мэри. Джон и Шарлотта, не жалуясь на неудобства, относительно беззаботно жили в своем бунгало, так что и Мэри выходило меньше беспокойства и Райкеру не пришлось своими глазами увидеть, каких унижений — сперва незначительных, а под конец таких страшных, стоила ей борьба с болезнью. Именно тогда Шарлотта сообщила им, что переезжает из съемной квартирки на 10-й Западной улице в квартиру Райкера у Линкольн-центра, и Шмидту пришлось распрощаться с наивным представлением, будто Райкер, пока Шарлотта спит в своей маленькой комнатке, коротает ночь в холостяцкой постели и до позднего вечера сидит над прихваченными из офиса бумагами. Делать было нечего: попросить Шарлотту не привозить Джона сюда было бы глупой провокацией, — после такого предложения она и носа не показала бы из города. В большой дом Шарлотта переселила Джона в тот самый вечер, когда похоронили Мэри; Райкер въехал в солнечную комнату Шарлотты, удобную, в достроенной в начале века капитальной части дома, с арочными окнами и голубым китайским ковром, который Шмидт купил для дочери на

аукционе в Амагансетте. С тех пор дочь и ее любовник жили там, отделенные лестничной площадкой и холлом от комнаты, в которой спал Шмидт, которую он еще недавно делил с Мэри. Шмидт не сказал и слова против: он понимал, что дом принадлежит скорее дочери, чем ему. Шарлотта сказала, что планирует и дальше использовать гостевой домик, когда к ним приедут друзья, чтобы ритмы альтернативного рока и стук беспечно захлопываемых дверей (жену и дочь Шмидт приучал аккуратно затворять за собой двери ванной и спальни) не тревожили чуткий сон отца. Все это было замечательно любезно, и, главное, к радости Шмидта возобновился утренний ритуал выходных. Только вот как избавиться от ощущения, что он мешает им распоряжаться в доме, что он здесь *tiers incommode?*[2]

А дом был очень приличный. Они с Мэри переехали сюда вскоре после того, как Шмидт исхлопотал себе раннюю пенсию. Ходить изо дня в день на работу ему было не то чтобы невмочь — это казалось ему нечестным, поскольку в силу привычки, едва войдя в офис, он немедленно становился деловым и притворно любезным, как

---

[2] Примечания: 2
Зд.: третий лишний *(фр.).*

будто его жизнь не рассыпалась в прах, и, приступив к работе, случалось, настолько погружался в проблемы клиента, что забывал о Мэри, то есть не вспоминал о ней несколько часов кряду, а в эти самые часы она в одиночку претерпевала страшные мучения. Квартиру на Пятой авеню Шмидт выставил на продажу. С того дня, как они перестали принимать гостей, стало очевидно, что эта квартира для них велика, а зимой со стороны Центрального парка сильно дуло; когда Мэри делали первую операцию, от подъезда до такси привратник несколько шагов вел ее, приобняв, иначе ветер сбил бы ее с ног, а кроме того, квартплата и траты на содержание большой квартиры после резкого сокращения доходов Шмидта заметно ударили по карману.

Они понимали, что этот дом на берегу океана нравится им обоим в любое время года и в любую погоду. Мэри беспокоилась, что в Бриджхэмптоне Шмидт будет чувствовать себя в заточении, что без привычных будничных занятий он не найдет, куда себя деть, но Шмидт успокоил ее: за конторским столом он и так просидел много лет, а Нью-Йорк они не бросают. Два часа на автобусе, и ты там — к этому тоже можно привыкнуть, а со временем можно подыскать себе и город-

скую квартиру — может быть, в одном из этих новых кондоминиумов: говорят, это не такая уж дрянь — стильную квартирку на верхнем этаже: за окнами только небо, мурчит кондиционер, новенькие посудомойка и стиральная машина, которых никто до тебя не включал. Оба прекрасно понимали, что времени на это все у них не осталось. Слава богу, Мэри еще держалась, пока перевозили мебель и вещи и устраивались на новом месте. После этого главным занятием для них обоих стало ожидание конца.

Вообще говоря, в Джоне Райкере не было ничего дурного. Шмидт пригласил его в числе нескольких других сотрудников фирмы на обед с двумя джентльменами из хартфордской страховой компании, с которой тогда работали, совершенно не предполагая, что этот Райкер покажется таким уж привлекательным его Шарлотте. Странно, что она вообще пришла на тот обед: Мэри предупредила ее, что это будет деловой прием, обязаловка для старших партнеров в фирме, которые время от времени должны выказывать настырным молокососам расположение и терпеть их у себя в гостях. Но наутро Шарлотта призналась: она рада, что вышла к ним. Джон показался ей похожим на

Сэма Уотерстона,[3] и после этих слов Шмидту все стало ясно. Шарлотта только год как окончила Гарвард и все еще жила с родителями. Вот тогда, в те две-три недели, и объявить бы Шмидту, как он на самом деле относится к Джону Райкеру в роли приятеля дочери. Но он так и не сказал ничего Шарлотте. Кроме «служебной характеристики»: отличный молодой профессионал, со временем практически наверняка станет в фирме партнером, только вот работает слишком много. Где он найдет время водить Шарлотту в кино, не говоря уж о том, чтобы после сеанса отправиться куда-то ужинать? И тогда, и потом Шмидт последовательно сохранял беспристрастность и, в общем, гордился этим: на работе он больше всех продвигал Райкера в партнеры, и, возможно, именно поддержка Шмидта определила исход дела. Райкеру повезло, что это решалось — причем в его пользу — до того, как он стал спать с Шарлоттой, то есть, во всяком случае, до того, как об этом стали говорить и Мэри открыла глаза Шмидту — и руководству компании не пришлось ломать голову, не нарушится ли запрет на непотизм.

Ну а теперь высказать Шарлотте все напрямую

---

[3] Примечания: 3
Сэм Уотерстон (р. 1940) — американский киноактер.

смешно и думать: слишком поздно, да и если бы она и не объявила только что об их решении — а ведь, по идее, Джон мог бы потрудиться прийти к отцу девушки и попросить ее руки? — что у Шмидта было против Райкера, а вернее, против этого брака? Все его возражения, едва они сорвутся с языка, покажутся Шарлотте, да и ему самому, капризом ревнивого и завистливого собственника. Разве сказать, что за дверями конторы ему глубоко наплевать на те замечательные качества, которые со временем сделают Райкера надежным и полезным компаньоном в их любимой фирме — Шмидт уже осознал, что, уйдя оттуда, жалеет только об утраченных доходах и каком-никаком сознании собственной нужности, — и что это совсем не те качества, которые Шмидт хотел бы обнаружить в своем зяте? Арабская пословица — настоящая, как уверил Шмидта коллега, работавший с нефтяными магнатами с Ближнего Востока, — говорит: зять — это камешек в обуви, который нельзя вытряхнуть. Но вот у римлян, как было известно Шмидту, эта приблудная родня была, наоборот, в почете. Любить женщину по-настоящему, говорили римляне, — значит любить ее так, как мужчина любит своих сыновей и зятьев. Жалея, что у него нет сына — лучшие из

молодых сотрудников фирмы легко вызывали его симпатию и даже привязанность, и, как правило, это чувство бывало взаимным, пока парень, которого Шмидт избирал в доверенные помощники и удостаивал своей заботы, не поднимался в компании до статуса партнера и ему больше не нужен был покровитель и «отец», — Шмидт надеялся, что к мужчине, который возьмет Шарлотту в жены, он будет относиться «по-римски». Но как мог он испытывать подобные чувства к Джону Райкеру?

В разборах, которые по правилам, принятым в компании, составлялись по исполнении каждого важного задания, Шмидт писал о Райкере — с учетом специфики дела и с изрядным красноречием — примерно одно и то же: те фразы, что сказал тогда Мэри и Шарлотте и позже раз за разом, как мантру, повторял на совещаниях, где Райкера *обсуждали* в качестве кандидата в партнеры. Те черты Райкера, что были Шмидту не по душе, нисколько не обесценивали отмеченных им достоинств, и упоминать их Шмидт не считал нужным, поскольку они не имели никакого отношения к критериям, по которым оценивали кандидата. Например, недопустимо узкий при таком развитом интеллекте кругозор: думает

ли его будущий зять о чем-то, кроме правовых проблем клиентов, заданий и сроков, развития очередного процесса о банкротстве (банкротства — беспокойная специальность Джона Райкера — всегда были епархией громогласных пестро одетых толстяков; слава богу, Джон ни с виду, ни манерами не попадал в эту категорию законников), спорта по телевизору и финансовых аспектов существования?

У Джона Райкера же мантрой были разговоры о деньгах — он вел их бесконечно, и Шмидту это было противно. Стоило ли Джону, когда он после университета отработал свое в некоммерческих организациях, пойти в другую фирму, где сотрудникам платят больше? Как оценить, сколько ему стоил выбор в пользу «Вуда и Кинга» — если там и вправду был выбор — и компенсирует ли убыток более высокая вероятность стать партнером: ведь если бы ему удалось «войти в обойму партнеров» в другой, более доходной компании, какая это была бы удача — просто золотое дно! Сделавшись, наконец, партнером в «Вуде и Кинге», Джон задавался вопросом, достаточна ли распределяемая молодым партнерам доля прибыли (тут мог явиться на свет и карманный калькулятор, вынутый из аккуратно уложенного атташе-

кейса, подаренного заботливой невестой), и не слишком ли много компания платит старикам («вроде Шмидта» — оставалось невысказанным вслух), которые уже не приносят особой пользы и не имеют совести вовремя уйти? Стоит ли купить квартиру — и какую: кондоминиум или кооператив — или лучше и дальше снимать, и во сколько ему обойдется семья, если Шарлотта после свадьбы оставит работу, и сколько будет стоить каждый ребенок? Никто бы не заподозрил Райкера в том, что он читает книги, хотя Мэри и подарила ему на Рождество первый том воспоминаний Киссинджера. По работе им приходилось много летать, но в самолете Джон либо делал «домашнюю работу», либо изучал последние судебные бюллетени, либо просматривал журналы или просто сидел, уставившись в пространство перед собой. Что ж, вполне почтенные занятия для юриста. Ни в его стряпческом саквояже, ни в кармане элегантного плаща — должно быть, от «Бёрберри» — никогда не водилось завалящей дорожной книжонки. Эти наблюдения относились к первым годам их совместной работы, когда Райкер и Шмидт сидели в самолете бок о бок, и Шмидт, разделавшись с собственной «домашней работой», старался не заснуть над своей контра-

бандной беллетристикой, но и впоследствии, как Шмидту стало ясно из осторожных расспросов, обыкновение Райкера изменилось лишь в одном: счастливый обладатель лэптопа, теперь он мог в полете составлять краткие резюме к документам и заниматься личной бухгалтерией. Ну и кто этот парень, как не *ботаник*, или, на сленге ровесников Шмидта, который на глазах возвращается в обиход, — «шибздик»? Его удивительная, яркая Шарлотта не нашла себе никого лучше этого ботаника, шибздика, еврея!

Шмидт пнул ногой последнюю паданку. Ярость — как дурной привкус во рту.

Это качество Райкера никогда не обсуждалось. Если бы Шмидт только заикнулся о нем, Мэри в момент обвинила бы его во всех злодеяниях Гитлера — ни слова против евреев, пусть речь идет о замужестве дочери, а не о правах человека, национальной сегрегации или, помилуй бог беднягу Шмидта, газовых камерах. За всю свою жизнь от самой колыбели Шмидт ни в чем не перешел дороги ни одному еврею, в этом он был абсолютно уверен, где ни копни. И вот выходит, то, до чего ему не было ровно никакого дела на работе (разумеется, компания «Вуд и Кинг» кишела евреями, и это было ясно видно Шмидту с первого

дня), то, что могло в крайнем случае вызвать удивленную усмешку (как в семидесятые первые евреи, появившиеся в их доме на Пятой авеню и в одном из клубов, где состоял Шмидт), вызвало у него злобу, едва речь зашла его семье, вернее *шю* том, что от нее осталось! Шарлотта была его последним якорем в этом мире, а теперь она будет принадлежать миру чужому, где родители-психиатры, встретиться с которыми Шмидту пока не пришлось, бабка и дед с материнской стороны, которых несколько раз упоминал Джон, возможные дяди, тети и кузены, о которых Шмидт еще ничего не слыхал. Что они из себя представляют? Он был вполне уверен, что встреча с этими людьми не сулит ничего хорошего, и тут его покинут обычное хладнокровие и хорошие манеры. Они очень скоро облепят Шарлотту, как морской ил, они засосут ее и отлучат от него, и никогда больше он не останется в своем доме с дочерью наедине; кухня в гостевом домике и ее запретная дверь — вот все его будущее в «сухом остатке».

Шмидт дернул подвальную дверь. Она подалась — выходит, он забыл запереть после того, как команда Богарда закончила уборку. Может, теперь, когда Богард вполне зарекомендовал себя, разрешить ему запирать подвал изнутри и вы-

ходить через дом? А то и дать ему ключи от дома — как знать, что все время будешь здесь в нужный момент, чтобы открыть садовнику. Шмидт спустился в подвал, и тут на душе у него немного полегчало. Тут все было безупречно: не напрасно он вложил столько сил в благоустройство. Влагопоглотитель, что жужжит у полок с моющими средствами и консервированными продуктами, вытягивает сырость даже из углов и справляется с работой настолько хорошо, что Шмидт попросил плотника сделать еще один стеллаж у противоположной стены и ради эксперимента перенес туда мягкие книжки, перевезенные с Пятой авеню. Их страницы до сих пор ничуть не покоробились, не в пример книгам и журналам в доме; не перенести ли, подумал Шмидт, в подвал все альбомы по искусству и те книжки из библиотеки Мэри, которые не нужны ему под рукой? Температура в подвале опустилась уже почти до минимума — хорошие новости для вина, тоже привезенного из города. Там Шмидту приходилось хранить его на складе, потому что в подвале их дома на Пятой авеню стояла жара и духота, ну а здесь он поместил вино в дальней, лишенной окон части подвала, под пристройкой. Летом там всегда стоит приятная прохлада, такая же, какая была

в жаркие дни в нью-йоркских кинотеатрах в те годы, когда еще не вошли в обиход квартирные кондиционеры. Шмидт опустился в кресло-качалку рядом с верстаком и подвигался в нем. Ни единого скрипа. Прочная вещь, отцовская, как и вот этот овальный плетеный коврик, который когда-то лежал у старика в ванной. Среди инструментов, что лежат на верстаке почти в идеальном порядке, главные: молотки, клещи, похожие на старинные щипцы дантиста, и маленькие пилы — тоже были из отцовского дома на Гроув-стрит. Как не похож нынешний Шмидтов подвал на тот, в доме ремесленника в Гринвич-виллидж! Там никакими силами не удавалось избавиться от сырости, да и, если уж на то пошло, от крысиных набегов, как бы ни старался кот Паша?

Шмидт отыскал на верстаке коробку маленьких сигар и закурил, бросив спичку в корзину для бумаг. Дурная привычка, от которой Мэри так и не смогла его отучить. В следующий раз он придет сюда с пепельницей — в извинение и в память. И тут мысль, которую он гнал от себя еще в саду, оформилась с окончательной ясностью — ее уже нельзя было отложить на потом, до вечера, когда сядешь у проигрывателя со стаканом в руке и поставишь музыку, под которую можно

забыться. Конечно, ему придется уехать из этого дома, только нужно исхитриться сделать это так, чтобы Шарлотта не догадалась, что причина в Джоне, а если и этого не избежать, то нужно хотя бы выдать этот отъезд за знак добрых перемен: мол, к отцу вернулась радость жизни, и он, в полном согласии с устремлением детей дать начало новому поколению рода, решил пожить для себя. Оправдание совершенно бредовое, но ему не впервой притворяться и врать ради блага близких — справится.

Проблема с домом возникла не вчера. Еще в кабинете Дика Мёрфи, ведущего у «Вуда и Кинга» специалиста по доверенностям и завещаниям, к которому они с Мэри пришли, решив, что пора оформить свою последнюю волю, едва отзвучали непременные шуточки насчет здравого ума и твердой памяти, Шмидт увидел, что с домом не все ладно. Он спотыкался об это всякий раз, когда вносил в завещания исправления и дополнения, вызванные увеличением их с Мэри состояния или изменениями в налоговом законодательстве, а когда они еще раз собрались у Мёрфи перед тем как Мэри легла на диагностическую операцию — врачи тогда еще сохраняли оптимизм, — речь о доме зашла снова. Дело сводилось к следующему:

дом не принадлежал Шмидту и слишком дорого стоил. Это был дом Марты, незамужней тетки Мэри по отцу, которая взяла ее на воспитание в сорок седьмом, когда мать Мэри умерла от пневмонии.

Мэри было десять. Отец ее погиб в волнах у плацдарма Омаха в первую высадку, и у нее осталась только Марта да была еще дальняя родня в Аризоне. Поженившись, Шмидт и Мэри каждый отпуск проводили с Мартой, и со временем Марта стала крестной матерью их дочери Шарлотты, а потом юрист Марты, употребив весь свой дар убеждения, едва отговорил ее от намерения оставить четырехлетней Шарлотте дом. В итоге все имущество Марты — а кроме недвижимости там была только небольшая даже в долларах 1969 года сумма денег: Марта жила весьма свободно и тратила свой капитал, а доверительный фонд, с которого она получала доход, по смерти Марты ликвидировался, и деньги отошли той самой аризонской родне — полностью перешло в собственность Мэри. Но к началу семидесятых Шмидт уже зарабатывал достаточно, чтобы содержать этот дом на побережье, так что сумма, унаследованная Мэри в наличных, понемногу росла, и заметную часть ее редактор-

ской зарплаты, которую платило ценившее ее несомненный литературный вкус, а в остальном беззастенчиво коммерческое издательство, Мэри могла откладывать. Они условились, что Мэри сама покупает себе одежду и платит в парикмахерской, при необходимости — в такси и в ресторане, сама тратится на подарки, которые захочет сделать (нередко — вызывающе дорогие), и благотворительствует тем организациям, которые не нравятся ее мужу, а об остальном заботится Шмидт. И при всем этом у Мэри, сказал им Мёрфи, оставалось чуть больше миллиона долларов. Тетя Марта воспитала в Мэри старомодное отношение к деньгам: она полагала, что вкладывать нужно только в драгоценности и в самые доходные муниципальные облигации. С другой стороны, дом в таком месте уж точно стоит двух миллионов; если Мэри завещает дом и деньги Шарлотте, налог, причитающийся с наследницы, составит более миллиона, и выплатить его Шарлотта сможет только продав дом, а это полностью противоречило бы воле Мэри, единственный разумный план, сказал тогда Мёрфи, — завещать деньги Шарлотте, а дом Шмидту. Если дом наследует супруг, объяснил Мёрфи, это не облагается налогом. Когда же Шмидт умрет

и Шарлотта унаследует все его имущество, там будет достаточно денег, чтобы уплатить налог. И еще останется столько, чтобы она могла содержать этот большой дом. И тут Мёрфи — Шмидт готов был придушить ирландского болвана — задал Мэри вопрос, который задавал Шмидту наедине и который Шмидт просил больше не затрагивать. Бог с ними, с налогами, но почему она не хочет, чтобы дом остался ее мужу, который вот уже более четверти века проводит там каждое лето и большинство выходных и вложил в этот дом кучу своих денег? Мёрфи упомянул установленную на деньги Шмидта современную систему отопления, бесчисленные ремонты крыши и самое недавнее благоустройство — новый большой бассейн и домик для гостей. Пока Шмидт жив, ничто не помешает Шарлотте, ее мужу и детям, когда они появятся, пользоваться домом так же, как пользовались им при тете Марте Шмидт с Мэри, а после Шмидтовой смерти Шарлотта получит дом в собственность!

Шмидт не хотел загонять Мэри в угол, по меньшей мере, по трем причинам. Во-первых, Мэри была нездорова, во-вторых, вопрос столь очевиден, что его и задавать-то смешно, и, в-третьих, печальный ответ на него Шмидт знал наперед.

Она никогда ему этого не говорила, и, конечно, это не предназначалось для ушей Мёрфи, но Шмидт знал, что Мэри хочет, пока жива, вернуть старый долг. Налоги ее не беспокоили. Она не сомневалась, что Шмидт сам уплатит налог, не дожидаясь того, чтобы Шарлотта стала продавать дом. Когда Мэри стала рассказывать о своем торжественном обещании Марте и говорить, что Шарлотта может выплатить налог, получив закладную, Шмидта передернуло, как потом передернуло еще раз, когда Мёрфи вдруг предложил идею, которую не озвучивал прежде и на которую его, не иначе, вдохновили выпитые за обедом в Теннисном клубе две водки-мартини. Как ловко! Мэри завещает дом Шарлотте, но оговорит для Шмидта пожизненное право пользования! И тогда все устраивается! Она не нарушит слова, данного Марте, потому что фактическим наследником будет Шарлотта, но это наследование не будет облагаться налогом из-за того, что у Шмидта остается его пожизненное право, а уж когда Шмидт умрет, налог можно будет выплатить из его денег.

Только вот Шмидту совсем не улыбается жить приживалом на земле собственной дочери. Шмидт хотел было сказать Мёрфи, что если бы

тот придержал язык за зубами, Мэри, скорее всего, в конце концов завещала бы дом мужу, но спорить не было уже никакого смысла. По всему выходило, что придется ему остаться рабом дома, который никогда не будет ему принадлежать.

В общем, когда Мэри обернулась к нему и, улыбаясь — а в уголках ее глаз стояли слезы, и Шмидт не мог в тот миг не подумать о ее линзах, а еще о том, как это хорошо, что она все еще не перестала заботиться о своей внешности, — спросила: А ведь мистер Мёрфи прав, как ты думаешь? — он улыбнулся в ответ и сказал: Да, это отличный выход.

Что ж, вышло как вышло. Но Шмидт знал, как развернуть дело. Он подарит дом Шарлотте на свадьбу. Откажется от права пользования и выплатит налог на всю стоимость дома: он не сомневался, что правильно представляет налоговую схему на этот случай. На рынке недвижимости застой, но такая собственность всегда будет в цене, так что ему придется выложить немалую сумму Надо бы позвонить Мёрфи и выяснить точные цифры, впрочем, каковы ни окажутся они, для себя Шмидт уже решил, что он в состоянии заплатить столько и сделает это. Только нужно продумать еще кое-что. Если быст-

ро найти новое жилье и поскорее купить его для себя, можно сэкономить на другом налоге — налоге на прибыль с продажи квартиры на Пятой авеню. Шмидт купил ее в тот год, когда они с Мэри поженились, — на деньги, унаследованные от матери. Это была большая и роскошная квартира, так что Шмидту не пришлось искать новую, когда он стал в фирме партнером. Но какой бы умопомрачительной ни была та цена, за которую квартира досталась Шмидту, сегодня она казалась просто ничтожной; теперь можно выручить ни много ни мало в пятьдесят раз больше. Следя за тем, как растет цена его недвижимости, Шмидт злорадно потирал руки — хороший подарок на старость. Да, с точки зрения «сохранения родового достояния», как любил это называть Шмидтов консультант по вложениям, затея получалась неплохая: он заплатит семьсот тысяч налога за Шарлотту, сэкономит около миллиона на налоге на прибыль с продажи квартиры на Пятой авеню и поспешит передать дом Шарлотте, пока налоги на недвижимость и на дарение, и так достаточно высокие, не выросли до совсем уж удручающих значений.

Только в одном задуманная Шмидтом комбинация отклонялась от образцово успешного

капиталистического предприятия — в динамике его доходов: ведь сначала-то он собирался уплатить все налоги, а что останется с вырученной за квартиру на Пятой авеню суммы, добавить к своему капиталу. И вовсе не намеревался покупать столь же запредельно дорогое жилье, как на Пятой, а только так можно избежать уплаты налога на прибыль с продажи той квартиры. Да если уж на то пошло, покупать себе жилье и вовсе не входило в его планы — если у него вообще были какие-то планы, — он просто хотел бы остаться там, где он сейчас, в доме, который он привык считать своим, к которому был привязан, в котором видел исполнение права — или это все же скорее мечта? — каждого американского пенсионера, права на дом, где все оплачено. Шмидт вернулся к подсчету. Чтобы осуществить то, что он планирует, придется почти три миллиона долларов из наличных средств потратить на уплату Шарлоттиных налогов и на новое, в принципе, ненужное жилье, о котором ему совсем не хочется хлопотать. В муниципальных облигациях эти деньги могли бы в год приносить до ста пятидесяти тысяч дохода, не облагаемого налогом. Но теперь уж этого не будет. У него остается пенсия от фирмы — сто пятьдесят тысяч в год и доходы с

остатков капитала, если он поместит их в муниципальные облигации, еще где-то сто пятьдесят. Шмидт подумал, что с точки зрения среднего американца одинокому старикашке, которому ни о ком не надо заботиться, и желать больше нечего, но представляет ли средний американец, к какой жизни привык Шмидт и сколько он работал?

Кроме того, недружелюбные сограждане, должно быть, не знают, что по системе, принятой у «Вуда и Кинга», отставному партнеру платят только до семидесяти лет. Пять лет, если выходишь на пенсию в обычный срок. Шмидт вышел в шестьдесят, но ему удалось договориться, что платить ему будут хоть и меньше, но до положенного рокового возраста, можно сказать, фирма проявила великодушие. Причины великодушия были вполне прозрачны: Шмидт благородно освободил место, когда мог бы, как другие партнеры его возраста, еще пять лет снимать самые густые сливки с доходов компании. Хотя в разговоре с Джеком Дефоррестом, председательствующим партнером «Вуда и Кинга», они обошли эту сторону дела молчанием, Шмидт был уверен, что молодые партнеры — и не с Джоном ли Райкером во главе? — уже осаждают Джека, твердя ему, что в оставшиеся пять лет дела у Шмидта пойдут под

гору. Никто не стал бы говорить, что он бездельник; более чем достаточно было намекнуть на то, как сказывается на нем болезнь жены и напомнить, что в формировании доходов компании работа, вроде той, которой занимается Шмидт, играет все менее заметную роль. Но Шмидт и сам уже тяготился бременем своей профессии и не заставил выталкивать себя за дверь. Что ж, одной заботой меньше для Джека.

Шмидт вспомнил, как молодым сотрудником, только что принятым в партнеры, голосовал за эту пенсионную схему и как смеялся над чудной — как ему тогда показалась — статьей о прекращении выплат после семидесяти. На официальном обеде он сидел рядом с Джеком Дефоррестом, своим однокашником по университету и на тот момент лучшим другом. Шмидт прошептал Джеку: Как ловко! В совете сент-джемсского прихода не сомневаются в словах Давида, что дней лет наших — семьдесят лет.[4] Дело в том, что и мистер Вуд, и мистер Кинг — а за столом в тот день присутствовали оба — были членами этого высокого нью-йоркского собрания и оба уже перешагнули библейский рубеж, но

---

[4] Примечания: 4
Пс, 89, 10

поскольку они были основатели фирмы, к ним авторы пенсионного регламента, которым всегда почтительный к старшим Шмидт мысленно за это аплодировал, проявив такт и учтивость, отнеслись иначе, чем к остальным партнерам. Что же до него самого, мог ли Шмидт в свои тридцать пять представить, что придет срок, и немыслимый рубеж — семидесятый день рождения — окажется совсем не далек и ему придется раздумывать о финансовых трудностях, которые грядут за этим рубежом? Он видел одно: у него все устраивается как нельзя лучше — и не боялся, что счастье или удача когда-нибудь его оставят.

Раскачиваясь в кресле, Шмидт все яснее видел, как он должен поступить, и все отчетливее осознавал, что другого выхода и быть не могло. Бог с ними, с налогами, наплевать, что упадут доходы — он отдаст этот дом дочери и уедет отсюда. Жить под одной крышей с Джоном Райкером, теперь мужем Шарлотты, проводить с ними двумя все отпуска, все летние выходные и вообще все выходные, в которые им захочется побыть здесь, Шмидт согласился бы, только если бы был здесь хозяином, если бы дом и земля принадлежали ему, и он задавал бы правила. Но в нынешнем противоестественном сообществе он

будет считать себя обязанным по любому поводу советоваться с ними: когда вызвать сантехника, в какой цвет перекрасить ставни, выкорчевать ли старую сирень… Никогда! И не будет он экономить на налоге. К чему вбухивать два миллиона в покупку дома вроде этого? Продаст квартиру и купит себе хижину в Сэг-Харборе, по соседству с коллегами Мэри из издательства, перестанет бриться и стричься, станет расхаживать в одежде от «Л.Л. Бин», а питаться будет на издательских фуршетах, если, конечно, приглашения на них не иссякнут. И если Райкер в один прекрасный день решит, что, наконец, может позволить себе произвести потомство, Шмидт будет рад при случае куда-нибудь сводить внуков. Перспектива большого приключения замаячила перед ним: провести конец жизни, не заботясь ни о чем.

Шмидт поднялся по лестнице в дом и прошел на кухню. Райкер сидел за столом над тарелкой с недоеденными пашотами и черкал в бумагах. На носу слегка затемненные очки в металлической оправе, у ног на полу — атташе-кейс.

Шарлотта в душе. Она уже сказала тебе? Вообще-то она хотела, чтобы я сказал, но я-то знал, что тебе будет приятнее узнать от нее. Надеюсь, ты рад, что она станет честной женщиной?

Райкер встал и протянул руку, и Шмидт взял ее. Эти длинные, у основания поросшие волосами пальцы щупали тело Шарлотты. На какой руке носят кольцо — на левой или на правой? Несомненно, Джон будет носить кольцо. Уже не в первый раз Шмидт отметил, что граница волос на лбу статного красавца Райкера меняет форму. Наверняка это его беспокоит, и, пожалуй, в одном из кармашков атташе-кейса скрывается маленькое ручное зеркальце.

Хорошо сказал! И хорошо, что уважаешь старинные приличия. Спасибо. Поздравляю вас.

Ты первый, кто узнал, Ал. Я даже родителям еще не сообщил.

Шмидт не любил, когда его называли Ал. Уж лучше Альберт, раз уж его так зовут, тут ничего не поделаешь. Он подумал, что Райкеру следовало бы обращаться с ним поласковее. Может, у них с Шарлоттой вышла размолвка за завтраком, пока уязвленный родитель сокрушался в подвале? Или Джону нечаянно вспомнились те дни, когда он только пришел в фирму и побаивался Шмидта, а теперь он решил подчеркнуть, что они ровня? Или он уже передумал?

Так позвони! Уже больше десяти. Звони отсюда, не трать карточку.

Спасибо, Ал. Я пойду позвоню из комнаты, пока Шарлотта еще там, пусть тоже поговорит с ними.

Валяй. А с каких это пор ты зовешь меня Ал?

Да это я так, попробовал. Проверяю, что может себе позволить зять. Не будь таким брюзгой!

Шмидт собрал со стола тарелки, счистил с Райкеровой остатки желтка и сполоснул. Ему по-настоящему нравилось мыть посуду. С самого начала, когда они с Мэри разделили домашние обязанности — ей было важно, чтобы муж наравне с ней занимался домашними делами и ухаживал за Шарлоттой, — Шмидт попросил, чтобы посуда досталась ему. Мытье посуды успокаивало его, как и мытье пола на кухне, протирание столов или подметание — где бы то ни было. Простая и нужная работа, которая дарит — если потратишь на нее достаточно времени, и, отступив назад, окинешь взглядом сияющие поверхности — чувство завершенности и иллюзию того, что порядок восстановлен. Шмидт рассматривал эти занятия как своеобразную психотерапию.

Конечно, в будни им почти не приходилось возиться с ребенком или заниматься домашней работой, отягощавшей быт многих друзей. Когда

они поженились, Мэри начинала работать в издательстве, была помощником редактора и все время брала домой рукописи, а Шмидт, как всякий нью-йоркский юрист, допоздна засиживался в конторе, так что с первых дней они наняли домработницу, которая ежедневно прибирала квартиру Когда родилась Шарлотта, в доме сразу появилась няня, мрачная, но исключительно деликатная толстуха из Техаса, побывавшая замужем за авиационным уоррент-офицером,[5] оставалась в доме, пока Шарлотта не пошла во второй класс, и это была единственная известная Шмидту безупречно белая няня-южанка, и началась череда экономок, сменявшихся соответственно растущим доходам Шмидта. По выходным няня с экономкой не работали, а обеды экономка готовила, но не подавала, потому что Шмидт с Мэри обедали слишком поздно. Так что с понедельника по пятницу почти вся домашняя работа, оставшаяся на их долю, исчерпывалась мытьем посуды, причем убирать со стола недоеденные блюда, соусы, горчицу или чатни, когда к ужину было карри, входило в обязанности Мэри — она прекрасно с этим справлялась. Шмидт

[5] Примечания: 5

Категория командного состава между унтер-офицером и офицером, в российской армии соответствует прапорщикам и мичманам.

же был абсолютно неспособен к сортировке, и возня с покрытыми фольгой тарелками и блюдцами лишний раз напоминала ему об этом. По выходным было посложнее. Если не было приема или концерта, который действительно никак нельзя пропустить, они отправлялись за город. Но Шмидту, пока он чувствовал себя младшим и не требовал, чтобы документы присылали ему домой с курьером, удручающе часто приходилось ходить на работу по субботам и воскресеньям, и тогда Мэри с Шарлоттой уезжали без него, вызвав подменную няню. Этих тоже перебывало немало: сначала студентки Хантер-колледжа, зарабатывавшие на аренду жилья и мелкие расходы, а потом, когда решили, что Шарлотта должна учиться французскому, — гувернантки. Одной из них была Коринн.

Когда ему случалось застрять на работе в субботу с утра, он старался успеть на дневной поезд. А если не успевал, то мог поехать и рано Утром в воскресенье — все-таки будет время на партию в теннис или долгую прогулку по *пляжу,* Да и Мэри нужно сменить за рулем на обратном пути в город. В доме Марты, пока она была жива, разделение обязанностей между Мэри и Шмидтом не действовало. По мнению Марты, Шарлотта

должна была оставаться под опекой женщин: самой Марты, Мэри или няни, — и только в некоторых ситуациях, вроде прогулки по пляжу, урока верховой езды на пони или по ездки в кино в Ист-Хэмлтон, надлежало появляться отцу. А уж сунуть нос на кухню, где распоряжались кухарка Марты с помощницей — обе столь же кондовые ирландки, сколь их неумеренно пьющая и дымящая хозяйка, — это и думать было нечего.

Кухарка и потом до самой пенсии работала у них: расстаться с ней было выше их сил. Может теперь, когда Шмидта выгонят на подножный корм, она вернется из Флориды, чтобы позаботиться о нем? Заманчивая идея, что и говорить. В последнее время содержать дом в порядке помогал отряд польских гусарш. Раз в неделю они прикатывали на видавших виды «шевроле» — бигуди, банки с диетической колой в руках, внушительные зады и бюсты, обтянутые пляжными маечками и шортами, в расцветке которых преобладают оранжевый, убийственно розовый и ядовито-зеленый, — проносились циклоном по дому и саду и через три часа уезжали, покрыв влажными поцелуями и Мэри, и Шарлотту, и самого Шмидта.

Шмидт сам удивлялся: всю жизнь он считал

абсолютно необходимым каждую неделю возить Шарлотту за город, томился и скучал в городе по выходным, страдая от городских запахов, от воскресного вида улиц. Все эти склонности он приобрел только после женитьбы. В его семье загородного дома не было. Родители никогда не ездили в отпуск, если не считать за отпуск поездок на встречи однокашников и загородные пикники коллегии адвокатов. Отец не любил отдыхать, а мать не могла смириться с расходами. И субботы, и воскресенья проходили в городе; деревья и траву маленький Шмидт видел только в Центральном парке, плавать учился в большом, заросшем камышом пруду, которым вроде как владел детский лагерь под названием «Круглое озеро», куда Шмидта отправляли на отдых с восьми лет и где он позже — вплоть до второго курса Гарвардского колледжа — работал вожатым.

Под струей горячей воды Шмидт стал оттирать высокий бокал для шампанского, испачканный Шарлоттиной помадой, и тут стекло треснуло под его пальцами. Он выгреб осколки из раковины бумажным полотенцем, и полотенце на глазах окрасилось в темно-красный. Порез на ладони был чистый, но глубокий, такой, очевидно, бесполезно зажимать комком бумаги. Шмидт поискал

глазами пластырь, последний раз он как будто видел его на полочке над раковиной, но теперь его там не было. Тем временем жирные кровяные кляксы множились и множились на полу, на крышке стола и на открытой дверце шкафчика, и Шмидт не успевал подтирать их губкой, которую держал в здоровой руке. Дурацкое положение, точно экзамен на престидижитатора. Шмидт растерялся.

Папа, что ты с собой сделал? Ну-ка сядь, сожми кулак и подними руку повыше. Я сейчас перевяжу.

Просто разбил бокал. От «Гончарного сарая», четыре доллара семьдесят пять центов. Кстати, ведь на еврейских свадьбах бьют бокалы на счастье, так ведь? Вот я как бы потренировался.

Он поднял взгляд на Джона.

Ну это ты пальцем в небо, Ал. Это жених, а не огорченный отец невесты разбивает бокал и не рукой, а каблуком, а сначала жених с невестой пьют вино. Заметь, вино, а не кровь. Евреи не очень любят пить человеческую кровь, но очень любят чувство вины. Вино пьют, чтобы показать: они вступают в пору самых главных радостей жизни, и тут же жениху надо разбить бокал — в память о разрушенном Храме. Тут всем

становится совестно своего ликования, и они возвращаются к реальности.

Шарлотта закончила бинтовать, налепила пластырь и поцеловала Шмидта в макушку — ласка, от которой он неизменно млел.

Тарелки я сама домою, сказала она, и пока рана не затянется, руку не мочи. А может надо пойти к врачу да зашить?

Ни за что! Ни разу за всю жизнь меня не зашивали, и чтобы теперь из-за такого пустяка? Спасибо тебе, девочка, что возишься со старым ворчуном. И тебе, Джон, за то, что просветил. Кстати, как твои родители относятся к тому, что ты женишься на *шиксе?* Они позволят тебе? Вы говорили об этом?

Во всяком случае, не так убиты горем, как ты из-за того, что она за меня выходит. Альберт, не пора ли тебе остыть? Мы с Шарлоттой больше четырех лет вместе. Мы любим друг друга. Мы живем в одной квартире! А меня ты знаешь уже десять лет!

Конечно, конечно, Джон. Я очень рад. Мне просто нужно освоиться с этой идеей.

Папа, родители Джона хотели бы, чтобы ты вместе с нами приехал к ним на День благодарения.

Что ж, самое естественное развитие событий,

а Шмидт совершенно не предусмотрел такого поворота. Над Рождеством, Пасхой и Днем благодарения властвовала Мэри. Пока была жива Марта, они, конечно, встречали все эти праздники с нею и потом продолжали проводить их в ее доме. Все, кроме одного Дня благодарения, когда Шарлотта болела ветрянкой. В лучшие годы они обычно приглашали в гости молодежь из фирмы Шмидта. И вопроса не возникало, чтобы Шарлотта оказалась в такой день не с ними. И если Райкер верно подсчитал продолжительность своего присутствия, значит, по меньшей мере, четыре Рождества, четыре Пасхи и четыре Дня благодарения подряд они встречали вместе.

Очень мило. Я не в претензии на родителей-докторов за то, что они захотели хотя бы разок залучить сына к себе на праздник, но мне, боюсь, еще не с руки ездить в гости на День благодарения. Тебя, девочка, это волновать не должно, тебе, конечно, надо быть с Джоном.

Тут же в голову ему внезапно пришла идея и он добавил:

А может, ты пригласила бы Райкеров сюда, Шарлотта? Между нами говоря, я уверен, что мы сумеем зажарить индейку.

Ты их обидишь, сказал Джон. Они говорят,

что даже мои бабка и дед, вместо того чтобы устраивать традиционное семейное сборище в Вашингтоне, приедут сюда. И брат будет.

Шмидт совсем забыл про брата — нужно и его добавить в семейный альбом. Парень, который не доучился в Уортоне[6] и работал в торговой ассоциации тоже в Вашингтоне. Женат ли он? А может, он гомик — ведь Мэри, как будто, что-то говорила на эту тему…

Давайте не будем решать сегодня. Сейчас только третья неделя октября. Впереди еще много времени.

Отлично. Только, пожалуйста, Альберт, не испорть его нам, да и себе тоже.

---

[6] Примечания: 6
Школа финансового менеджмента Пенсильванского университета.

II

В следующий вторник Шмидту позвонила секретарша Джона Райкера. Джон просит передать, что они с Шарлоттой останутся на выходные в городе и не приедут к мистеру Шмидту, и спрашивает, ожидать ли его родителям мистера Шмидта в половине третьего на праздничный обед в День благодарения.

Вас понял, ответил Шмидт веселым и бодрым, едва ли не восторженным голосом человека, с которым только что произошла самая большая радость, какая только может быть. Этот тон Шмидт отточил в «неурожайный» период своей практики: он прибегал к нему, когда потенциальный клиент звонил и говорил, что презентация Шмидта была великолепна и очень всем понравилась, но работать с проектом, который Шмидт надеялся заполучить для «Вуда и Кинга», будет другой юрист.

Ради бога, скажи мне, не удержался от вопроса Шмидт, ты у Джона теперь и на личных звонках? Едва сказав это, он тут же устыдился: секретарша была замечательная женщина, она работала в

компании много дольше Райкера, и оскорбление, содержавшееся в словах Шмидта, было столь же очевидно ей, сколь и ему самому. Конечно, она не могла знать — во всяком случае, Шмидт на это надеялся, — что ее звонок был своеобразной пристрелкой со стороны Райкера. Да нет, все в полном порядке, поспешил добавить Шмидт, просто хотел тебя подразнить. Знаешь, нас, стариков, хлебом не корми, дай позубоскалить.

О, мистер Шмидт, вы уж нас простите! Вы же знаете, как у Джона. Утром он пришел рано, оставил мне распечатку с инструкциями на весь день и отправился на встречу с клиентами, которая затянется до позднего вечера. И так всю неделю! Вот я и решила, что чем напоминать ему, лучше сама вам позвоню. Он, конечно, расстроится, когда узнает, что вы рассердились.

Вот этого-то он и не должен знать. Ты ведь меня прикроешь, как настоящий секретарь? У бывших партнеров свои привилегии. Так что молчок, ладно? А теперь, будь добра, соедини меня с мистером Дефоррестом.

Шмидт решил, что поскольку звонок оплачивает фирма — а он готов был поспорить, что Райкер дал секретарше указание проводить все звонки и факсы бывшему партнеру Шмидту, пусть и без

пяти минут собственному тестю, как деловые, — грех не воспользоваться этой возможностью. Его-то рентабельность «Вуда и Кинга» больше не заботила.

Иметь дело с Джеком Дефоррестом — сплошное удовольствие, кроме тех случаев, когда тебе предстоит доказать свою нужность для фирмы, которую властительный принципал оценивает по количеству часов работы, вписываемых в счет клиенту, или приходится, буде твои доказательства вышли неубедительными, обсуждать условия, на которых ты покидаешь фирму. Например, Джек сохранил обыкновение лично, как в свое время господа Вуд и Кинг, отвечать на телефонные звонки, если, конечно, в кабинете не было посетителя и он не работал над сложной задачей, не позволяющей отвлекаться. Сейчас могучий ум, должно быть, позволил себе на минутку расслабиться: не отзвучал и первый гудок, как в трубке после знакомого вступительного дружелюбного всхрапа раздалось: Шмидти, сукин сын, а ну не томи, немедленно скажи, что придешь к нам на День благодарения. Дороти будет ужасно рада! А то ведь мы тебя так ни разу к себе и не заполучили!

А я и звоню сказать, что здесь перспектива

неважная. Джон Райкер пригласил меня к своим родителям. А я совсем не уверен, что собираюсь туда. Если я вместо того отправлюсь праздновать к тебе, он не на шутку рассвирепеет.

Ага, Джон наконец поставил вопрос ребром!

Ну да, вроде того. Только, пожалуйста, не рассылай про это пресс-релизы!

Ну это уж пусть он сам. А что *если* мы с Дороти используем служебное положение? Мы можем и их с Шарлоттой пригласить, раз такой случай! Ты же в курсе, я старался звать на такие сборища только дирекцию да кое-кого из стариков. А в этот раз, думаю, можно от этого отступить, и, пожалуй, обсужу-ка я это дело с Гарри.

Не надо. Райкеру, конечно, это польстит, но сейчас не самый удачный момент. Почему бы вам с Дороти не выдать мне приглашение с открытой датой?

Без вопросов! Когда захочешь! Прихвати только зубную щетку и пижаму, чтобы заночевать. У тебя есть минута? Не дожидаясь ответа, Джек продолжил — все более дружелюбно: Думаю, Джон сказал тебе, что дирекция пересматривает пенсионные планы? Тут есть устойчивое ощущение — и не только у молодых партнеров: нужно убедиться в том, что нагрузка распределяется

по справедливости. Мы назначили комиссию, которая изучает вопрос, они пригласили консультанта по актуарным расчетам подсчитать кое-какую статистику и информировать нас, как подходят к делу в других фирмах, вроде нашей. Работа только началась, мы еще не сформулировали никаких выводов и не знаем, что будем рекомендовать руководству, но для начала мы бы хотели собрать на борту всех отставных партнеров.

На борту чего?

Процесса. Понимаешь, здесь главный принцип такой, чтобы изменения, которые мы предложим, ни у кого не вызвали возражений, ведь мы стремимся, чтобы система стала справедливее.

Ты лучше напиши мне, Джек. Как я буду обсуждать какие-то изменения, если не знаю, каковы они. И потом, не понимаю, какое это ко мне имеет отношение: моя пенсия оговорена в контракте, который мы с тобой вместе и составляли. Шмидти, ты же знаешь, что она все равно подпадает под регламент. Договор предусматривает, что фирма может вносить изменения по своему усмотрению, просто мы не хотим, чтобы кто-нибудь остался недоволен. Потому мы вас всех и просим участвовать. Знаешь, меня удивляет, что

ты завелся. Уж кто-кто, а ты имел возможность скопить приличную кубышку. И тебе фактически не на что тратиться и не на что откладывать!

Я еще не заводился. А может, и не буду вообще. Надо посмотреть, что вы придумали. Опять же, не понимаю, как вы собираетесь применить это ко мне.

Ну ладно. Надеюсь, ты не станешь дуться, Шмидти: не таким, как ты, обижаться, у тебя прошли здесь хорошие годы, не надо их зачеркивать. Тебя еще с кем-то соединить? Приглашение на День благодарения остается в силе — ты не передумал?

Нет на оба вопроса. И еще раз спасибо за приглашение.

Многозначительный совет не зарываться произвел впечатление. Шмидт отправился на кухню, налил себе приличную порцию бурбона и сел к кухонному столу. Утренняя анемичная морось превратилась в ливень, который колотил по стеклам. У Шмидта не было ни собаки, ни кошки, ни какого другого животного, чтобы вспомнить о нем в непогоду. Крышу на доме перекрыли в конце лета. Новая «технологичная» крыша гостевого домика еще на гарантии. Вроде бы нигде не протекает. Во всяком случае, и в подвале, и в

гараже, где бок о бок с его «саабом» дремлют подаренная им Мэри «тойота» и купленный Шарлотте «фольксваген-гольф», сухо — это точно. Беспокоиться решительно не о чем. Наоборот, проливной дождь, который дает деревьям, кустам и тем многолетникам, что посолиднее, возможность лишний раз напиться перед заморозками, только на пользу. И при этом все просто ужасно, хуже некуда.

Ожесточенное противоборство, когда запугивание и давление сменяются подобострастием и соперники чудом ускользают от хитро расставленных ловушек, все эти драмы, разыгрывающиеся в переговорной между большими боссами на фоне груды недоеденных бутербродов и единственного допущенного в комнату адвоката, эти игры, опасные, как манипуляции с ручной гранатой, или, напротив, скучные до зевоты, потому что все предопределено заранее, — главные роли здесь писались не для Шмидта. Эти сценарии создавались под Джека Дефорреста или скорее даже под вездесущего Лью Бреннера, их еврейского Аль Пачино, у которого всегда наготове для нужного человека и мед, и яд, и других таких же непоколебимо самоуверенных и притом безудержно алчных парней из бесчисленных юридических

контор, каждый из которых громко объявляет себя лучшим в своем ремесле и требует права первым входить в любую дверь. Шмидт тоже был одним из лучших, но самый высокий пик, на который ему удалось взойти — он представлял две крупнейшие американские страховые компании в их самых сложных сделках с заемщиками — двадцать лет, протекших с тех пор, превратили в осыпавшийся, едва заметный в окружающем зеленом пейзаже холм. Чтобы сохранить былой статус покорителя вершин, Шмидту пришлось бы найти новую вершину и новый подъем такой крутизны, чтобы никто не смог взойти следом. Ничьей вины тут нет. Переворот на рынке ссудного капитала и в соответствующей правовой практике низверг многих крупных нью-йоркских юристов: старые схемы, в применении которых Шмидт достиг виртуозности, разом отошли в прошлое: деньги страховых компаний потекли другими путями, подобно реке, вышедшей из берегов и не вернувшейся в старое русло. Множество юристов калибром поменьше в Нью-Йорке и других городах, в том числе в тех, где находились главные офисы крупных страховых компаний, умоляли, чтобы им хотя бы за ничтожную плату поручили провести планировавшиеся сделки.

Клиенты Шмидта были люди благодарные и порядочные, но и они предлагали ему все меньше и меньше работы и, бывало, торговались, краснея от смущения, о гонорарах. Никто не отрицал, что работа Шмидта безупречна, но стоила ли его особая виртуозность, нужная разве что в самых запутанных случаях, которые становились все более редки, а в обычных — лишь немного увеличивающая коэффициент безопасности сделки, таких больших денег? А всевидящие партнеры в «Вуде и Кинге» мотали на ус. Он был гордым человеком. Если бы не зашли в тупик переговоры с Джеком Дефоррестом, если бы не болезнь Мэри, если бы удержать высокий статус среди партнеров «Вуда и Кинга» было для него делом жизни и смерти — эта мысль казалась ему абсурдной теперь, когда он столько узнал о смерти, — он непременно попытался бы еще раз взойти на Гималаи. Но он видел, что деловые качества, из-за которых клиенты раньше изо всех сил старались его заполучить: скрупулезный логический и правовой анализ каждой фразы, устранение любых неясностей, сверхъестественная точность и лаконизм формулировок, позволявшие ужать текст договора до одной трети того объема, что он занял бы у любого другого юриста, и обеспе-

чить кристальную ясность каждой фразы даже для непосвященных, а также полная приверженность тем жестоковыйным установлениям, которым он служил, — уходят из обращения, так же как и финансово-правовые схемы, на которых он оттачивал свой подход и свои умения. Чтобы выигрывать на переговорах, Шмидту не приходилось ни льстить, ни давить: за него играла его правота, всегда абсолютная и доказуемая. И когда на обеде в клубе «21» по случаю завершения очередной сделки юристы компании-клиента преподнесли ему металлическую пластину с изображением рыцаря в доспехах, на которой сверху было вырезано его имя, а снизу слова *«Dieu et mon droit»*,[7] директор сказал, что это дань уважения Шмидтову здравому смыслу и — со смехом добавил он — сокрушительной честности, Шмидт был растроган, как никогда за все годы работы.

Нет, он не станет ссориться с Райкером. Его первейшая забота — жить в мире с дочерью и сохранить то молчаливое взаимопонимание, которое подобно редкому затишью на океане, когда гремящий галькой атлантический прибой вдруг превращается в мелкую сверкающую рябь,

---

[7] Примечания: 7
«Бог и мое право» *(фр.)* — девиз английской короны

и можно с открытыми глазами лежать на воде, запрокинув лицо в предоктябрьское небо. А вместо этого он заедается с ее парнем — Шарлотта явно поняла это именно так, — и причем как раз в то день, когда дочь объявила, что они решили пожениться. Пусть скверный мальчишка сам его спровоцировал, если дурной нрав выказывает Шмидт, этого не забудут и, пожалуй, не простят. И если по каким-то причинам, которых не откроешь без того, чтобы не усугубить конфликт, он не сможет относиться к Райкеру по-старому, как он относился к нему на работе, да и здесь, в этом самом доме, когда они сходились за завтраком и обедом — ведь, в конце концов, все эти годы Райкер спал с Шарлоттой, — если он не будет вести себя так, будто они с Мэри давно предвидели и вполне приняли это закономерное и радостное для всех развитие событий, Шарлотта с полным правом станет целиком на сторону Райкера и будет так отвечать Шмидту, будто он хотел оскорбить именно ее. Мэри легко справилась бы с этой бедой, она всегда могла распутать безнадежно запутавшуюся бечевку змея и улаживала любые недоразумения между Шмидтом и Шарлоттой: поговорив с ним, поговорив с ней, выслушав их обиды, рано или поздно, через несколько часов

или долгих дней, она всегда уговаривала кого-то из них сказать те необходимые, ничего не значащие, но восстанавливающие безоблачное согласие слова.

А распря с Дефоррестом и его пенсионной комиссией? Можно себе представить, как Райкер представит Шарлотте суть спора. Та никогда не усомнится, что денег у отца более чем достаточно. Разве могло быть иначе? Они с Мэри никогда не стали бы вести при Шарлотте разговоры о деньгах, да и вряд ли они вообще когда-нибудь о них говорили: в детстве ни дня не проходило без унылых жалоб матери, постоянно недовольной нехваткой денег, так что Шмидт постарался, чтобы в той жизни, которую он сам для себя устроил, не возникало о том и малейших напоминаний. Вообще-то, в разговорах с Шарлоттой он пару раз обмолвился, что небогат, правда, звучали эти заверения, как прекрасно понимал Шмидт, не убедительнее дежурного предостережения не гнать на восточном конце лонг-айлендской трассы — «Тебя обязательно оштрафуют!» — да и могла ли Шарлотта, которая как будто никогда не слыхала о существовании счетов, видя, как свободно живут они с Мэри, и ничего не зная о том, как заработано это благополучие, не убедить

себя в том, что на деле Шмидт очень богат, а все его заявления — не более чем обычное ерничанье и самоуничижение? Что она подумает об отце, когда узнает, как он упирался изо всех сил, пытаясь — да еще к тому же безуспешно, как оно, скорее всего, выйдет, — воспрепятствовать тем благоразумным мерам, которыми компания по рекомендации тщательно изучивших вопрос экспертов хотела добиться того, чтобы пенсионеры не висели камнем на коллективной шее молодых партнеров?

Шмидт поднял глаза на часы на стене. Урок танцев после работы у Шарлотты, должно быть, уже окончился и теперь она дома, с микроволновкой наготове, ждет Райкера с затянувшегося делового свидания. Что, интересно, у нее в печке? Явно не стейки, скорее, запеченный тунец. Или вот — замороженные суси! Или тортеллини быстрого приготовления? Как мудро бедняжка Мэри запрещала им обеды в коробках: мороженую телятину под пармезаном с картофельными крокетами, развозную пиццу и этих китайских цыплят с водяными каштанами из «Китаянки» на Третьей авеню… Льняные салфетки, обед, сервированный как для разборчивого взрослого, даже если она обедала одна, а такое бывало часто,

ибо Шмидт много лет задерживался на работе допоздна, а Мэри приходилось посещать презентации и книжные фуршеты, и после всего этого их дочь выросла в женщину-яппи, пыхтящую со штангой! Их дочь в колготках с лайкрой поджидает домой своего профессора по банкротствам! А вот и он — не иначе, садится к столу прямо в своей офисной рубашке с коротким рукавом, с торчащими из кармана карандашом и ручкой, не побрившись, не приняв душ!

Спокойно, Шмидти. Это не лучший способ сохранить мир и спокойствие в доме.

Не позвонить ли Шарлотте сейчас, пока Райкера нет, наверное, лучше застать ее дома, чем звонить в офис: не хочется висеть на трубке, пока она ответит на более важные деловые звонки. С другой стороны, чтобы сказать, что он с удовольствием принимает приглашение старших Райкеров отведать их индейки, а иначе говоря, познакомиться с ними и с остальной родней, он может позвонить в любое время, и будет хорошо, если его звонок застанет дома самого Райкера, нужно только сдержаться и не добавить к словам признательности парочку колкостей. Понятно, что иронию ему придется спрятать, даже если дома будет только Шарлотта. Тут Шмидта осенило:

он ответит адекватно через секретаршу, и ему не придется разговаривать ни с Райкером, ни с Шарлоттой!

Шмидт набрал номер, попал на голосовую почту и, сдерживая смех, надиктовал: Пожалуйста, передайте мистеру Райкеру, что мистер Шмидт с удовольствием принимает любезное приглашение родителей мистера Райкера пообедать у них в День благодарения.

Дело сделано. Теперь остался лишь один способ уклониться от всей этой праздничный оргии: умело и в последнюю минуту разыгранный приступ бронхита или ангина. Причина печальная, зато железная. Ну а до тех пор он еще позвонит Шарлотте в офис и пригласит ее на обед в первый же ее свободный день. Немыслимо предстать перед Джоном Райкером, его родителями и кучей родни, не поговорив прежде с Шарлоттой. О чем? Это он успеет придумать, да и разве нельзя пообедать с дочерью, даже если нет никакого важного или срочного разговора? Пусть она расскажет, как живет: должно быть, у нее есть много о чем порассказать ему. Шмидту казалось, что он действует тонко, как если бы он попросил совета у Мэри и последовал ему.

Шмидт ненавидел недоеденную еду и забитые

холодильники. Продукты он покупал к каждому обеду и раз в две недели закупал оптом в продовольственном кооперативе в деревне. Погода и навалившаяся тоска целый день удерживали его дома. Теперь купить еды можно было только в кулинарии, непонятно отчего названной русским именем и торгующей холодным мясом и бессовестно дорогой бакалеей. Холодное мясо Шмидта не прельщало. Можно пообедать сардинами, яйцами и хлебом, которые у него есть и за которые уже заплачено. А запить бурбоном или остатками «Кот-дю-Рон», бутылку которого он открыл прошлым вечером к собственноручно приготовленным гамбургерам. Отвращение к остаткам еды не распространялось у Шмидта на недопитое вино при условии, что бутылка стояла открытой не больше двух дней, и — если на улице тепло — хранилась в холодильнике. Сардины, крутые яйца и хлеб он уже ел на ланч, но однообразие его не смущало: в конце концов, изо дня в день он ест на завтрак одно и то же, и сардины с яйцом ему по вкусу. Иначе же придется куда-нибудь пойти — не к друзьям, поскольку его никто не приглашал, а в ресторан. Шмидт достал лед, бутылку виски, стакан и двинулся в гостиную. В камине сложены дрова: Шмидт приготовил их еще с утра,

после того, как вымыл посуду и застелил постель. Дрова занялись с первой спички. Шмидт плеснул себе виски и сел на диван перед камином.

И вдруг ему остро захотелось поговорить с кем-нибудь, пусть даже только с официанткой, услышать собственный голос. Если остаться дома, заснуть получится, наверное, не скоро. Дело совсем не в горячей пище — ничто не мешало ему вместо крутых яиц пожарить омлет. Цены в местных ресторанах, хотя они были, если учесть качество еды и обслуживания, непомерно высоки, не отпугивали его. После медитации в подвале он успел подсчитать кое-что еще и убедился, что ему не придется выписывать в муниципалитете продовольственные талоны или питаться акридами. При условии, что он переселится в простой недорогой дом, разница в годовых расходах на содержание жилья обеспечит многие его обеды и выходы. Но если идти в «О'Генри», а пойти нужно, конечно, туда, поскольку ему нравится болтать с Кэрри, официанткой, чье имя он недавно узнал, есть риск по дороге к столику попасться на глаза Мойрам. Мойрами Шмидт звал трех старух, писательских вдов, которые постоянно — Шмидт готов был поспорить, что каждый день, кроме тех случаев, когда какая-нибудь из них или другая

ведьма, оказавшаяся в таких же обстоятельствах, но не в их тесной компании устраивала прием у себя дома, — обедали и ужинали в «О'Генри». Шмидт знал Мойр уже много лет и, минуя их стол, улыбался и махал им рукой. Если Мэри, у которой могли быть с Мойрами общие темы, задерживалась перекинуться с ними парой слов, Шмидт поджидал на почтительном расстоянии. Он понимал, что его самого Мойры едва замечают: юрист, женатый на редакторше, которой не выпало чести публиковать произведения их покойных мужей. Но теперь его образ потерял четкость очертаний, и Шмидта тревожило, не последует ли за очередным обменом улыбками хриплый призыв подсесть за их стол? Сможет ли он отказать, не обидев? В первый раз увильнуть можно, но вежливость обязывает, чтобы в следующий приход в «О'Генри» он сам пригласил их к себе за стол, если только они не будут к тому моменту уже явно заканчивать обед. Если его цеховая принадлежность не окажется для них неодолимым социальным барьером, его присутствие не станет прецедентом. Двоих из тех, что сиживали там, Шмидт знал: местные писатели, оба высокие, поджарые и нервные, они, должно быть, работали рано утром до того, как у них

начнется полдневное потребление мартини, или же глубокой ночью, хорошенько проспавшись после него.

Шмидт понимал, что в этом серале ему будет неуютно. Он опасался, что кроме тех случаев, когда им понадобится бесплатная консультация юриста: как вернуть предоплату, внесенную за тур на Шри-Ланку, заказанный прямо накануне очередного выступления тамилов и отмененный за два дня до вылета, или в какой суд подавать иск, чтобы запретить украинскому издательству печатать биографию покойного мужа, содержащую намеки на его пристрастие к маленьким мальчикам, у старых ведьм, а тем более, у их приятелей для Шмидта наготове только одно: снисхождение того толка, что должно заставить Шмидта как можно скорее пожалеть о том, что он богат — уж это Мойры могли о нем предполагать — и находится в хорошей форме, а главное — о своей ничем не искупленной неспособности добиваться расположения капризной Музы. Были и другие опасности. Хочет ли он, например, чтобы бесцеремонный хозяин ресторана, который лично рассаживает гостей, если не отошел пропустить рюмочку и не отвлекся на острый момент в телетрансляции бейсбольного матча, всякий

раз провожал бы его прямиком к столу Мойр? Готов ли Шмидт подсчитывать, когда придет пора разделить на всех сумму счета и жалких чаевых, кто сколько и чего выпил? В общем, как раз тот самый случай, когда напрашивается применение правила Граучо Маркса:[8] «Если этот клуб согласен принять меня в члены, мне не хочется в него вступать». Конечно, «люди» могут подумать, что он пропащий старик — готовый клиент «Анонимных алкоголиков» и социального работника. Но разве могли в «О'Генри» оказаться какие-то люди — кроме официантки Кэрри да мистера Уиттмора, хозяина магазинчика через дорогу, у которого Шмидт, неизменно оказывая ему уважение и встречая то же в ответ, покупал виски, — чье мнение заботило бы Шмидта хоть самую малость?

Нет, не припомнить никого. Подруги Марты, принимавшие их с Мэри с изысканной любезностью старых леди, уже умерли либо доживали в приютах да в отдаленных поселениях для престарелых. Конечно, теоретически в «О'Генри» может зайти любой из местных домовладельцев, да и среди случайно заехавших могут быть те, кто

[8] Примечания: 8

Граучо (Джулиус) Маркс (1890–1977) — американский комический актер.

легко узнает Мойр или поймет что они за птицы: приходят ради гамбургеров с чили, которые здесь хороши, да как местные обыватели и дачники посмотреть на писателей. Только вот Шмидт — после того как местный теннисный клуб отказался принять в члены еврея-отоларинголога, с большой переплатой купившего дом напротив входа в клуб, поближе к кортам, на которых он надеялся играть, — перестал поддерживать отношения с соседями. Мэри входила в комиссию и, когда оказалось, что черных шаров подано больше, ради семьи вышла из клуба. Шмидта это не огорчило — даже то, что жена не спросила его совета. Позже теннис перестал их волновать: Мэри бросила играть, они думали — временно, после серьезного приступа стенокардии, который их не на шутку перепугал, потому что в роду у Мэри все были сердечники, а ходить на корт в одиночку Шмидт не хотел: это значило бы предать Мэри, которая страстно любила теннис. Их светская жизнь тем временем протекала целиком в кругу знакомых Мэри: писателей всех мастей, редакторов, литературных агентов и их прихлебателей. В общем и целом, это общество было интереснее Шмидтовых знакомых-бюргеров, и многие жили здесь же в Бриджхэмптоне и хорошо играли в

теннис. Были там люди богатые и широкие, которые легко могли устроить турнир на собственном корте. И Шмидту, сказать по совести, вовсе не было неприятно, когда он узнал, что партнеры в компании завидуют его изящным знакомствам, о которых им стало известно после заметки в светской хронике, где упоминался один обед на террасе с видом на океан. Сами-то они, подчиняясь неписаным правилам, указывающим, кому где селиться, жили в ближайших окрестностях города, в основном, в Вестхэмптоне, и никто не забрался так далеко в леса, как он. Недавно Шмидт подумал, что теперь его социальный статус изменился и он мог бы снова вступить в теннисный клуб, но замужество Шарлотты грозит поставить крест на этих помыслах: Шмидт не собирался становиться Райкеровым троянским конем.

Шмидт хорошо понимал, что в уютном кругу их с Мэри приятелей не было его друзей: он принимал у себя друзей и коллег Мэри только потому, что был ее мужем, и в этом качестве эти люди принимали его у себя. У них любили бывать: на популярность Шмидтов работало то, что у них необычный, старый дом, а еда и выпивка на две головы выше того, что обычно подают на издательских фуршетах. Вместе с тем Шмидт

понимал, что к ним ездят и приглашают их в ответ только из-за Мэри. Она была влиятельным редактором, да и просто нравилась людям. Конечно, постоянно бывали те авторы, с которыми работала Мэри, как и те, кто еще только мечтал издаваться у нее. Приглашения на приемы и коктейли поступали все лето, когда Мэри уже умерла. Чаще всего Шмидт отклонял их, а если принимал, то в последнюю минуту решал все же остаться дома. Ему было не по себе, когда он обнаруживал, что стоит со стаканом в руке на широкой лужайке или под сенью тщательно постриженных деревьев поодаль от гудящей толпы, будто вытолкнутый центробежной силой общего веселья, от неловкости и огорчения не способный проталкиваться к хозяйке или вклиниться в чей-нибудь разговор: ведь беседующие компании не звали его к себе, и журналисты не бросались с приветствиями — все это не имело никакого отношения к его горю. Кроме того, он хорошо понимал, что каждый его шаг обернется терзаниями, не допустил ли он неуважения к памяти Мэри. С большей охотой он пошел бы на междусобойчик посреди недели или воскресным вечером, на какие часто ходил с женой, но подобных приглашений было лишь два-три, и

причиной, как он легко мог догадаться на месте, всякий раз служило присутствие среди гостей одинокой дамы, а в остальное время телефон молчал. Его не звали. Может быть, оттого что не видели на больших приемах, люди вполне могли подумать, что он отправился путешествовать. А то, что приглашения на большие приемы продолжали поступать, тоже легко объяснялось: его имя значилось у супругов Икс и супругов Игрек в списках приглашенных на традиционные летние тусовки, а приглашения по этим спискам обычно рассылает секретарь хозяина или хозяйки. На одной из немногих презентаций, которые он посетил в последнее время, хозяйка, агент нескольких авторов, с которыми работала Мэри, едва высказав Шмидту слова соболезнования и обычные гнусные извинения в том, что не выразила этих соболезнований письменно, отпустила замечание, которое оскорбило Шмидта и надолго застряло у него в памяти.

Сегодня вы здесь самый лакомый кусочек! Свежий вдовец, годный в женихи, с собственным домом в Хэмптонах! Ребенок только один, да и то уже взрослый. Женщины, должно быть, разбивают палатки у ваших ворот!

Я слишком старый, — сказал Шмидт, но хозяй-

ка отмела его возражение как полную чушь, и привела в пример Эда Тайгера и Джека Бернстайна: оба старше Шмидта и оба недавно произвели на свет потомство.

Если вы влюбитесь в молодую женщину, все будет возможно!

Может, это и правда, но Шмидт к такому не готов. Годится ли женщина ему в дочери и имеет детей, которых нужно воспитывать, или, того хуже, одержима желанием обмануть бег времени — так, кажется, говорят в таких случаях. Шмидт вряд ли способен был соблазниться кем-то из тех одиноких дам, ради которых его трижды звали на обед, или бодрой литератрессой, или любой другой знакомой женщиной, которая, даже будучи замужем или *en ménage*,[9] сочла бы уместным забраться к нему в постель или искать *его* руки лишь потому, что он, в принципе, свободен и еще не на пособии. И дело не в том, что к ним время отнеслось с особой суровостью, нет, утрата способности привлекать мужчин была, как казалось Шмидту, общей напастью у всех его ровесниц, такой же, как редеющие волосы, желтеющие зубы и белки глаз, запах изо рта, обвисшие или раздув-

---

[9] Примечания: 9

Зд.: состоять в любовной связи *(фр.)*

шиеся груди, дряблые надутые газами животы, бурые пятна и синие закорючки воспаленных мелких сосудов вокруг колен и на икрах, искривленные почти до уродства кошмарные пальцы на ногах, выглядывающие из сандалий или рвущиеся наружу из тюрьмы тесных бальных туфель. Чтобы поддразнить Мэри, Шмидт, бывало, говорил ей — и сам верил в свои слова, — что утратил либидо (на влечении к Мэри эта утрата никак не сказывалась почти до самого конца, до тех пор, пока жалость не стала пересиливать и желание, и привычку) не оттого, что постарел сам, а оттого, что постарели все женщины вокруг.

Кто, спрашивал Шмидт, поминая какую-нибудь из их знакомых, мог бы польститься на такое, особенно если он видит это в первый раз? Представь, говорил он, какой кошмар, повозившись с крючками и пуговками, обнаружить что? у нее под одеждой! Как ужасно то, на что наткнутся твои пальцы, когда просунешь руку ей между ног!

Шмидт первым признал бы, что и в его лице, губах, торсе или конечностях особо нечего рекомендовать. В молодости он не пропускал ни одного зеркала без того, чтобы не посмотреться — дурная привычка, от которой ему со временем удалось избавиться, да так, что, бывало, в конце

дня он не мог вспомнить, брился ли сегодня, и, чтобы проверить, трогал щеку ладонью. О собственном теле он думал так, что, будь он женщиной, не порадовался бы, обнаружив в постели мужчину таких статей. И если не каждая реагировала на него таким образом, то лишь потому, что природа в этом отношении закалила женщин, наградив их умением быть невосприимчивыми к отвратительному. Дар столь же бесценный, сколь и способность принимать обычную любезность за вожделение. И почему только природа не даровала такого счастья мужчинам?

Ободренный этими воспоминаниями, Шмидт почистил зубы, положил в карман брюк деньги и кредитную карточку и отправился в «О'Генри». В таких ситуациях Шмидт был способен двигаться, как пума. В дверях ресторана он скинул дождевик и, держа его в высоко поднятой правой руке, чтобы скрыть лицо, проскользнул через бар. Нарочито спокойным и невыносимо медленным шагом двинулся через зал к вешалке и шел так, пока не миновал опасное место перед эстрадой. В дальнем конце зала Кэрри, привстав на цыпочки, избавила его от ноши. Шмидт пожалел, что это не тяжелый, пахнущий мокрой шерстью венецианский плащ, край которого он мог бы

поднять так, чтобы осталась только узкая щель для глаз, сквозь которую он глядел бы неотрывно прямо в глаза Кэрри. Девушка проводила его к столу, откуда отлично были видны Мойры и сизое облако дыма, повисшее над их головами. Их пиршество продолжалось в полной невозмутимости — значит, отметил довольный Шмидт, маскировка сработала.

Когда он дошел до главного блюда, рубленого бифштекса, в баре было уже людно и шумно, но в обеденном зале царило беззаботное и дремотное спокойствие позднего вечера. Два азиата, подручные официанта, стелили бумажные скатерти и салфетки для завтрашнего ланча. Задержавшись у Шмидтова стола, Кэрри опустила руку на спинку свободного стула. Он никогда не Упускал случая поразглядывать Кэрри: ее кожа при таком освещении кажется почти зеленой, черные волосы в крутых кудряшках собраны в длинный тугой хвост. Большие темные глаза, под ними тени от усталости — из-за них она когда-нибудь, если ее черты сохранят теперешнюю чистоту, станет абсолютной копией «Гладильщицы» Пикассо. Моложе Шарлотты, подумал Шмидт, не старше двадцати, и притом такая бесконечно усталая. Латиноамериканских кровей. А может, есть и

примесь негритянской: По ее голосу Шмидт не мог определить ничего: хриплый, будто сорванный криком, выговор ровный, не рафинированный и не простонародный. Шмидт гадал, какие у нее ноги. Официантки в «О'Генри» ходили в черных брюках и длинных белых фартуках.

У вас был трудный день, сказал Шмидт.

Ага. Она вскинула голову, словно очнувшись от дремы. В обед толпа и вечером толпа. Слишком для такого паршивого дня.

Ее шея тоже была восхитительна — шея усталого лебедя.

Вам есть где передохнуть между обедом и ужином?

Шмидт представил, как она спит в машине: голова запрокинута, рот приоткрыт, над верхней губой блестят капельки пота.

Если не надо в магазин, я могу съездить домой. Я живу в Сэг-Харборе.

Есть такие дома в Сэг-Харборе, где во дворе погруженные на прицепы стоят облезлые моторные лодки, а в саду задолго до Рождества появляются электрические Санта-Клаусы, которые потом так и мигают до самой весны. Наверное, в одном из таких домов можно снять комнату. А может, она чья-нибудь дочь? Или живет с темным, как хал-

ва, мужем, который развозит баллоны с газом? Или муж из тех, кто работает руками, скажем, налаживает садовые поливалки? Впрочем, нет, тогда они бы жили в Хэмптон-Бэйз, который Шмидт наблюдал, проезжая мимо по шоссе; там, по его представлениям, должны были обитать все местные «синие воротнички». Он никогда там не останавливался.

А, очень удобно. Там мило.

Мне нравится. Моя подружка помогла мне найти там квартиру.

Ага, значит, она не замужем и живет не с родителями. Но — «моя подружка»? Могла бы Шарлотта так сказать? Впрочем, наверное, могла бы. Шмидт слышал, как у них в конторе молодые адвокатессы так говорили о планах на отпуск: «В отпуске я собираюсь бродить в горах Бутана с моей подружкой». Должно быть, это выражение вскоре широко распространится.

А я раньше жил в Нью-Йорке. Теперь здесь.

Я знаю. Она усмехнулась. В Бриджхэмптоне вы популярная фигура. Тут, наверное, все вас знают.

Понятно…

Он так это себе и представлял: синедрион местного жулья, злорадствующего о том, какие деньги они сделали на Шмидте. Чтобы приобре-

сти репутацию, а тем более — популярность, в Бриджхэмптоне мало просто платить по счетам. Мистер Шмидт, победитель летнего конкурса транжир, самый широкий транжира среди всех многоуважаемых дачников! Ему захотелось сказать: Ну так передай им, что вечеринка закончилась. Мне было весело, и я рад, что вам тоже понравилось.

Что такое? Я сказала что-то не то?

Толстяк за дальним столиком перестал размахивать кредиткой и защелкал пальцами. Кэрри поморщилась было, но тут же заулыбалась, и только в легком наклоне головы и выгибе ее восхитительной шеи читалось недовольство. Отходя, она как бы невзначай скользнула рукой по плечу Шмидта и шепнула: Я сейчас!

Тянулись долгие — и растягивавшиеся все дольше по мере того, как он, закончив есть, курил и чашку за чашкой пил эспрессо — минуты; Кэрри уходила и возвращалась и, стоя у Шмидтова стола, как ни в чем не бывало рассказывала о себе. Он узнал, что Кэрри — уменьшительное от Каридад, что ее мать пуэрториканка и говорит с ней только по-испански. Отец — другое дело. Его фамилия — тут Кэрри захихикала — Горчук (ясно, белый, подумал Шмидт, наверное, русский, и, со-

образив это, подумал, уж не еврей ли), он работал в системе школьного образования в Бруклине. Кэрри проучилась там год в колледже, но поскольку родители не в состоянии ее содержать, временно бросила учебу, чтобы подзаработать. Собирается выучиться на социального работника и найти место в Нью-Йорке, но подлинная ее мечта — стать актрисой.

Банальная история, думал Шмидт, но все же лучше, чем услышать, что Кэрри — внебрачная дочь мексиканского инвестиционного банкира. Такие же истории, наверное, у половины тех ребятишек, что разбирают почту в его родной фирме, но только Кэрри работала шесть дней в неделю, по десять часов каждый день проводя на ногах, а это совсем не то, что валять дурака в адвокатской конторе «Вуд и Кинг». Шмидт видел в Кэрри замечательное умение не унижаться. Напротив, ее отличало изящество и какая-то дерзость, едва ли не гордость, которые Шмидт разглядел сразу, только увидев, как она выслушивает заказ и носится по залу с грудами картошки фри на тарелках.

Задержавшись у его стола в очередной раз, Кэрри зевнула, потом еще — вечер окончен, понял Шмидт. Но еще предстояло оставить чаевые,

и Шмидт оставил бессовестно щедрые, против обычного. А что ему было делать? Ведь она работает за чаевые, разве нет? И еще пумы! На обратном пути Шмидт позволил себе гнать по черной, блестящей от дождя дороге.

III

Нет, ни одного свободного дня до самого Дня благодарения, так что Шарлотта не сможет пообедать с отцом: их команда день и ночь обслуживает табачную кампанию.

Ну так приезжайте с Джоном на выходные, предложил Шмидт. Он, наверное, как всегда, наберет работы, так пока будет корпеть над бумагами, мы с тобой прогуляемся по берегу. Мы сто лет не разговаривали. Мне этого не хватает.

Пап, ты что, перестал читать «Таймс»? Идет настоящий крестовый поход против курения. Мы должны обуздать его, пока тебя не отправили в лагерь на перевоспитание.

Шмидт заставил себя посмеяться.

Ну правда, пап, ты же лично выигрываешь от того, что я делаю! Знаешь, я практически уверена, что оба уик-энда просижу в офисе. Джону, скорее всего, тоже нужно будет в контору, если вообще не пошлют в Техас. А не понадобится на работу, буду дрыхнуть без задних ног.

Ну тогда тем паче нужно найти время для отца. Встретимся в городе, а обедать необязательно. Я

заговорил про ланч, потому что хотел угостить тебя суси, но если ты отказалась от сырой рыбы, можем поесть чего-нибудь другого, чего ты хочешь. В общем, мне нужно с тобой поговорить, Шарлотта, а обед — дело второе.

Ничего не получится, пап. У меня нет ни минуты, чтобы расслабиться или подумать о чем-то, кроме табака. Какой смысл разговаривать со мной сейчас? Если хочешь говорить про нас с Джоном, так лучше подождать до встречи с родителями. Кстати, Джонова секретарша сказала, как они там взволновались? Просто в восторге, что ты придешь.

Да, и такое сообщение я получал. А знаешь, было бы славно — чтобы не вспоминать слово «вежливо», — если бы об этом мне сказал Джон или ты сама.

Папа, сделай мне маленький подарок, а? По десять долларов за каждую телефонограмму твоей миссис Куни от тебя или от мамы! В основном, конечно, от заботливого папочки! Да в колледже над этим смеялись все, кому не лень! Эти постоянные записки, которые получаешь из рук соседки по комнате или от администратора в «Кримсоне»: Мисс Шмидт, из фирмы вашего отца опять звонили сказать, что машина будет

ждать вас в Айслипе, секретарь мистера Шмидта надеется, мисс Шмидт приятно будет узнать, что для нее есть два билета на концерт «Грейтфул *Дэд»*, результаты анализа крови мисс Шмидт находятся у миссис Куни, не соблаговолит ли мисс Шмидт позвонить… Ну а самое милое сообщение — миссис Куни ставит мисс Шмидт в известность о том, что мистер Шмидт сегодня после четырех готов поговорить с ней о ее матери! Это когда мы впервые испугались за маму! Так что давай не будем трогать Джона!

Да, я был и остаюсь тебе заботливым папочкой и я делал для тебя все, что мог. И это было особенно нелегко тогда: приходилось разрываться между работой и маминой бедой, заниматься квартирой и домом, и при этом я старался сохранить контакт с тобой.

Ну что ж, а я твоя заботливая дочь, и я очень занята, а Джон скоро станет тебе заботливым зятем, и он занят так, как ты и представить себе не можешь!

Это он так говорит?

Это я сама вижу. Я с ним живу, ты забыл?

Говорю с тобой и все больше сомневаюсь, что нам есть какой-то смысл встречаться, и мне — приезжать к этим Райкерам, которых так

взволновал мой предстоящий визит.

Папа, мы можем встретиться и поговорить после праздника, когда у меня будет время. Только вот не думаю, что в этом есть смысл, покуда ты не перестал изображать, как ты несчастен оттого, что мы с Джоном собрались пожениться пока ты не захочешь, чтобы мы с ним были счастливы вместе. Я не про последнее воскресенье. Ты не перестаешь так себя вести со дня маминых похорон. Ты совсем не разговариваешь с Джоном. Ты обращаешься к нему, только чтобы сказать какую-нибудь гадость, а в остальное время старательно его не замечаешь.

Подумай-ка! Не думал, что у тебя столько обид на меня — и новых, и старых! Нам, наверное, лучше закончить разговор, а то вовсе перестанем разговаривать.

Гроза наконец унеслась в океан, и в кухне все было желтым от солнца. Шмидту вдруг стало больно смотреть. Он повернул стул спиной к окну и закурил сигару. Торговец, с которым Шмидт вел дела, присылал ему эти сигары в коробках без марки, а реклама намекала, что это настоящие кубинские. Впрочем, Шмидту было все равно: за их цену вкус был совсем неплох. Табачная кампания, ну да! Она, видно, забыла, что Шмидт и не

притрагивается к той дряни, которую продают ее клиенты. Кто бы мог подумать, что диплом с отличием по современной литературе, безупречный французский и летние практики, которые Мэри находила для нее в тех знаменитых маленьких газетках, все старания, все надежды их дочь так легко выбросит на помойку! Да, адвокаты «Вуда и Кинга» защищали ответчиков по «асбестовым делам» — Шмидту об этом напоминать не нужно, — и, конечно, гордиться тут нечем. В конце концов, они и серийных убийц пытались спасать — *pro bono!*[10] — от смертного приговора. Но никогда не пытались внушать людям, что асбест — это хорошо. А кроме того, какое отношение его работа или то, как его фирма покрывает накладные расходы, имеет к выбору образа жизни, который делает его дочь? Вот для самого Шмидта кто-то потрудился расчистить дорогу? Никто! И уж точно не отец.

Шмидт устал, едва способен шевелиться, кости ломило. Долго ли ему терпеть? Ему шестьдесят, при крепком здоровье. Десять лет? Пятнадцать? Или двадцать три, если проживет сколько отец? И каждый день, как этот или хуже, возможно,

---

[10] Примечания: 10
Ради общего блага *(лат.*

несравнимо хуже. Зачем они все явились к нему — застарелые душевные боли и разочарования, давно проигранные споры — и столпились вокруг, дразнясь и показывая языки? «Карьера пиарщика»! Его дочь выбрала занятие одновременно торгашеское и паразитическое. Конечно, это ее огрубило понизило чувствительность к подлости и вульгарности. Ну а брак с Райкером довершит дело. Об этом убедительно свидетельствует мелкий шантаж, которому они подвергли Шмидта. Конечно это придумал Райкер, а не Шарлотта. Интересно, а с родителями он тоже посоветовался? Пришла пора сломать твоего папашу, наверное, так он сказал ей. Скажи старику, что если не будет ходить по струнке, больше не увидит тебя. Та самая твердокаменность позиции и охотничий инстинкт — эти слова Шмидт лепетал на совещаниях, когда обрезанного паршивца принимали в партнеры.

Он услышал, как во дворе хлопнула дверца машины. Среда — не иначе, славянские чистильщицы. Побриться не получится: Шмидт слишком разнервничался, и в доме с польками не останешься — слишком расстроен. Передовой отряд в составе миссис Чельник и миссис Новак тем временем проник на кухню и подхватил Шмидта

под руки. Мокрый от поцелуев, он сбежал наверх, утираясь рукавом. Постель в комнате Шарлотты не убрана. Это кстати: польки поймут, что пора сменить простыни на брачном ложе. В углу Шмидт увидел Райкеровы кеды и брошенные сверху толстые носки, нестиранные, конечно, решил он. Прихватив носки кончиками пальцев и держа на вытянутой руке, он отнес их в ванную и бросил на пол. Потом, не глядя, опустил сиденье и крышку унитаза и спустил воду — на всякий случай. На полочке он заметил снаряд для чистки десен — прежде он видел такие только на витрине в аптеке, а в доме такого до сих пор не водилось. Испугавшись замыкания и пожара, Шмидт выключил машинку из розетки. Рядом в одном стакане мокли две пластиковых насадки: одна с голубым, другая с розовым основанием. Супружеская гигиена! Пока один тужится на унитазе, другой выполняет современную процедуру промывания рта. Шмидт вернулся в спальню и сбросил на пол одеяла. И вот они, воскресные пятна, будто следы ночных поллюций на раскладушке бойскаута.

Когда Шмидт, облачившись в толстый свитер, спустился по главной лестнице в холл, там уже вовсю жужжали пылесосы. Помахав полькам

рукой, а другой показывая на ухо, мол, для разговора слишком шумно, Шмидт выскользнул за дверь и благополучно избежал очередного сообщения о состоянии экземы миссис Чельник и мочевого пузыря мистера Новака — уже повод благодарить судьбу.

Рев океана он услышал еще с дороги, подъезжая к стоянке для местных машин. Истерзанный штормовыми волнами пляж превратился в узкую каменистую насыпь. Аккуратные комочки водорослей, как маленькие коричневые бутоньерки выложенные параллельными волнистыми линиями, отмечали подвижную границу бушующего моря. Шмидт сбросил туфли и зашагал на восток по кромке прибоя, где самый плотный песок. Шум волн сливался в сплошной рев: шипение откатывающейся волны, не успев умолкнуть, сменялось грохотом новой. Немыслимо было бы одолеть этот прибой, этот кипящий песок, воду, крутящуюся в момент перед новым броском на берег хаосом пенных колец. Почему он не сделал этого сразу после ухода Мэри так, как он это представлял? Это была бы сцена из фильма, вудиалленовская карикатура на Бергмана, а персонажем на экране был бы Шмидт: высокий худощавый мужчина, судя по осанке, немоло-

дой, в легких брюках и широкой зимней куртке смотрит с берега вот в такое же — только свет сумеречный и мягкий, похоже на утреннюю зарю — море. Вот неожиданно высокая волна до колен залила его ботинки «топ-сайдер». Человек не отступает. Рукавами он отирает с лица не брызги прибоя, а слезную влагу. Потом он все же пятится на несколько шагов, смотрит направо, налево, потом на небо и бегом бросается к воде, бежит тяжело, увязая в сыром песке — мокрые ботинки, как гири, — и бросается в воду. Даже в этих смешных одеждах он действует уверенно, как опытный пловец. Будто плескаясь с внуками, он легко выскакивает на гребень и первой, и второй волны. Третья слишком велика, и он подныривает под нее и показывается на поверхности как раз вовремя, чтобы встретить следующую волну, потом следующую — и наконец преодолевает полосу прибоя и может свободно плыть. Невозможно смотреть, как тяжело и неритмично он выбрасывает вверх руки, облепленные мешковатыми рукавами, как беспорядочно, лишь по воле стихии, ныряет в волнах его голова. И вот в какой-то момент — необычность происходящего сбивает счет времени и для воображаемого зрителя и, видимо, для самого пловца — запал

кончается и человек поворачивает к берегу. Он действует разумно и осторожно. Усталый пловец дрейфует на спине, внимательно следя за волнами. Но вот накатывает особенно крупная. Человек повторяет свой трюк, подныривает, но в какой-то миг не вписывается в волну, отчаянная рука срывается с ритма. На короткий, как вскрик, миг он еще раз показывается на волнах, уже не плывет, а беспорядочно бьется в воде. Потом уже ничего не происходит…

Почему он не сделал этого?

Несколько чаек стремительно промелькнули над головой. Такой ясный день! Можно разглядеть дома в Джорджике. Жаль, что кроме него никто не выбрался на пляж прогуляться по солнышку, но, впрочем, кого здесь ждать? Местные прочищают туалеты и заливают солярку в бойлерные, или рассылают счета за подобные услуги, писатели пишут или попивают кофе в кондитерских, Мойры болтают по телефону, пенсионеры, обосновавшиеся в Нью-Йорке или Париже, сейчас в своих городских квартирах одеваются к ланчу, а прочие старые пердуны утратили кто привычку, а кто и самую способность к ходьбе. Эти, должно быть, сейчас режутся в канасту в мотеле «Чайка». Мэри любила прогулки по этому бесконечному

пляжу еще больше, чем Шмидт. Дорога, которая так недолго хранит отпечатки подошв; почему океан не избавил его от этого одинокого шатания, зачем голова его полна несвязных тяжких мыслей? Не хватило мужества? Видимо, так, и трусость маскируется под сожаление о теле, еще крепком и полном энергии, которое, как пес, что не желая идти у ноги хозяина, носится галопом, сжимая в зубах сдувшийся теннисный мячик, не готово кататься по океанскому дну и биться о камни, раздуваться от воды и лопаться, выпуская внутренности на корм голодным рыбам. *Pace,*[11] Вуди Аллен, можно выбрать не столь отвратительный способ. Есть, например, таблетки, все эти не выпитые Мэри таблетки, что так и лежат в бумажных стаканчиках. Оказалось, не все, что выписывал врач, ей было нужно. Шмидт тогда уверил себя, что сам должен хоронить Мэри, что неправильно, а в сущности, жестоко было бы бросить на Шарлотту уборку после обоих родителей, мусор мертвых, вещи, о которых невыносимо говорить. Но вскоре он осознал истинные корни своего малодушия: любопытство и стремление к одиночеству — и то, и другое неприлично, как

[11] Примечания: 11
Зд.: иди с миром *(лат.).*

зуд. Столько лет — по сути, всю свою взрослую жизнь — он жил рядом с Мэри. Сможет ли он в одиночку уплыть за Геркулесовы столбы и отведать яблок Гесперид прежде, чем волны сомкнутся над головой?

Он никогда не обещал Мэри, что покончит с собой, хотя соблазн был велик. Но забота о ней — Мэри была так слаба — и неприязнь к патетике удержали его. У Мэри осталось слишком мало мужества, чтобы тратить его в пустых словопрениях: Нет, ты не должен этого делать, ты еще молод! Подумай о Шарлотте! Нет, я должен, я не смогу жить без тебя! Но до самого конца он все же намеревался сделать это, не причиняя Мэри лишних страданий и не затягивая.

Ха-ха! Океан все такой же мокрый, а болеутоляющее все так же лежит в сухом прохладном месте.

Польская команда пробудет в доме еще целый час, сообщили Шмидту его наручные часы. Поесть в их присутствии — нечего и думать. Комментарии насчет его рациона. Или задница миссис Субицки, валиками свисающая со стула, ее отдыхающие от туфель чудовищные ступни в капроновых гольфах, ее приехавший с места предыдущей уборки в пакете с лейблом «Гэп»

недоеденный бутерброд с колбасой и майонезом, который миссис Субицки задумчиво дожевывает, по-приятельски подвинувшись ближе к Шмидту. Так что сардины и крутые яйца подождут до ужина или до завтрашнего ланча.

В «О'Генри» его загарпунили не Мойры — он и не заметил, занят их столик или свободен. Ускользнув от приветствия хозяина, Шмидт уверенно и проворно заскользил в счастливом направлении, нацеливаясь на какой-нибудь столик поблизости от того, за которым сидел вчера и который теперь занимали два каких-то типа, мелкие страховые агенты или кто-то в этом роде; ведь сесть не у Кэрри и заставить малютку переживать, что она была слишком приветлива с ним или, наоборот, недостаточно любезна, когда кратко поблагодарила за чаевые, было столь же немыслимо, как и, сев к другой официантке, изобразить полную безучастность и попросить ушлого хозяина, чтобы ему прислали Кэрри. И тут раздался знакомый с университетских лет насмешливый голос. Навстречу Шмидту поднялся, распахнув объятья, по-хорошему коренастый мужчина с лицом Майкла Кейна, с головы до ног облаченный в бежевый кашемир. Счастливый жребий при распределении комнат свел их в

первые дни учебы, искренняя привязанность удерживала вместе последующие четыре года.

Ну наконец! А то моя вера чуть не зашаталась. Половина третьего, а Шмидти нет как нет! Уж миссис Куни такого бы не допустила никогда.

Твоя правда. Не знаю, что и сказать. Только знаю, что должен извиниться.

«Миссис Куни II», или «Миссис Куни возвращается». Какое название предпочитаешь? Давай посадим эту святую женщину с ее телефоном в твоем гостевом домике. Я скучаю по ее звонкам: Так мы вас ждем на ланч в двенадцать тридцать? Или вот мой любимый: У нас сейчас телеконференция с клиентом. Вы извините нас, если мы опоздаем на пятнадцать минут?

На столе у Гила стояла начатая бутылка. Жаль, не вышло с Кэрри — теперь, когда Гил уже сделал заказ, как убедить его пересесть? Но, возможно, это к лучшему. Она будет посматривать на них из дверей кухни, а кто такой Гил, она, видимо, знает — а нет, так скоро выяснит, и тогда престиж Шмидта в ее глазах подскочит до небес.

Дешевого красного? На нормальное вино тут цены нереальные.

Гил налил Шмидту вина.

Благодарю, но я больше не пью днем. Да нет,

наливай. Гил, я не просто опоздал. Представляешь, я забыл, что мы сегодня с тобой обедаем. Я все-таки оказался здесь и не подвел тебя только потому, что мне пришлось уйти из дому: у меня сейчас эскадрон Сикорского гоняет грязь из угла в угол. Я теперь так мало встречаюсь с людьми, что и не заглядываю в календарь.

Тем более стоит вернуть миссис Куни. А если тебе совсем нечего делать, почему ты не позвонил нам? Ты же знаешь, мы с Элейн будем рады заполучить тебя на обед. Мы будем рады тебе хоть каждый день.

Ничего такого я не знаю. Вы с Элейн все время работаете. Не хочется мешать рождению нового шедевра.

Но мы тоже едим!

Гил лицемерил, но Шмидту совсем не хотелось говорить об этом вслух. Он-то знал, что если бы не научился неукоснительно соблюдать некоторые правила, они с Гилом ни за что не смогли бы остаться близкими друзьями. Одно из таких правил — очевидно, его теперь придется пересмотреть — состояло в том, чтобы все верили, будто где-то в глубине души Элейн любила Мэри и Шмидта больше, чем своих настоящих друзей, тех знаменитостей, с которыми они с Гилом об-

щались каждый божий день, и жалела — о, как горько! — о том, что какие-то таинственные, но непреодолимые силы мешают им «водиться» со Шмидтами. На ее языке это значило проводить время вместе, занимаясь тем, чем могут заниматься супружеские пары, связанные особой тайной связью: не просто видеться со Шмидтами на предпремьерных просмотрах Гиловых фильмов и устраиваемых по этому поводу приемах, но время от времени бывать вместе на бродвейских шоу и где-нибудь обедать потом, ездить в отпуск в Анды и все в таком роде. Другое правило регулировало совместные обеды Гила и Шмидта. Вскоре после того, как его «Риголетто» поехал в Канны и выиграл приз, Гил стал отпускать насчет некоторых друзей такие замечания, из которых Шмидту стало ясно, что он ни в коем случае не должен первым приглашать Гила на обед, а только дожидаться приглашения от него. Но при этом опыт обескураживающе долгих периодов молчания, когда ничто как будто не давало повода считать, что Гил чем-то обижен, и ничто не указывало на то, что он уехал с Побережья, научил Шмидта: наступает такой момент, когда, если он не хочет по-настоящему рассориться с Гилом, нужно самому сделать шаг навстречу. В этой политике

Шмидт уже не сомневался: ее молчаливо одобрила сама миссис Куни, которая во многих вещах разбиралась гораздо лучше, нежели можно было подумать. Бывало, будто невзначай — но, вероятно, в полном соответствии с одним из графиков, лежавших в ее столе, — миссис Куни замечала Шмидту, что в его календаре в ближайшие дни есть несколько окон, и спрашивала, не хочет ли он, чтобы она позвонила помощнику мистера Блэкмена, от которого давно не было никаких вестей, и договорилась «как всегда». Это означало: ланч в половине первого в Шмидтовом клубе, если была его очередь приглашать, либо — если очередь была Гила — в небоскребе «Сигрэм», в ресторане, который считался чем-то вроде клуба у Гила и некоторых других блестящих мужчин и женщин с непростыми предпочтениями в еде, наизусть заученными или, быть может, занесенными в компьютер метрдотелем.

Почему Гил находил эту рассчитанную сдержанность вполне естественной в старом друге Шмидте, почему он как ни в чем не бывало внезапно и без объяснений пропадал из виду — Шмидт думал, что знает ответ, и этот ответ огорчал его. Дело было в прогрессирующей рассеянности Блэкмена, сочетавшейся с безразличием

столь глубоким, что, если бы секретарша не напоминала Гилу — в соответствии с ее собственным графиком, — что настало время для Шмидта, или если бы его не посещало иногда — в последнее время все реже — внезапное желание о чем-то посплетничать, подобное, как это видел себе Шмидт, внезапно вспыхнувшей охоте съесть чесночных сарделек с картофельным салатом, он и вовсе перестал бы вспоминать о Шмидте. Забывчивость того же свойства, думал Шмидт, что и у него, когда он забывает о ежегодном взносе в свой гарвардский колледж, в Ассоциацию планирования семьи, на Фестиваль армянского джаза, на герлскаутов и в другие тому подобные учреждения; забывчивость, которую ему не позволяют только получающие за это высокие зарплаты, хоть и старающиеся не надоедать слишком частыми напоминаниями миссис Куни всех этих организаций. Своим знакомством с Гилом Шмидт дорожил настолько, что мирился с унижением, как с плохой погодой. Например, это не мешало ему тешиться мыслью — в то время, когда он еще не был так близко знаком со смертью, — что когда придет его час, Гил будет тем человеком, которого Мэри без колебаний позовет к смертному одру мужа. Теперь эти приятные раз-

мышления больше не имели никакого значения. Если Джон с Шарлоттой и решат кого-то позвать, когда отправят его околевать в больницу, та это будет клоун Мёрфи или еще какой-нибудь законник той же породы.

Ну что, делаешь какой-нибудь новый фильм?

И да, и нет. У меня есть серьезное предложение и сценарий, но что-то мне там не нравится. Элейн тоже кое-что предложили — выставку в музее Уитни.[12] Но мы пока отсиживаемся здесь, бездельничаем и пьянствуем, играем в бирюльки. Я пишу, да все зачеркиваю. Ну а ты?

А у меня и бирюлек не осталось. Довольно трудно, оказывается, отучить себя быть юристом. Я все думаю о своих клиентах, о фирме, нравится ли миссис Куни жить в Санта-Фе, ну и так далее. Можно сесть в автобус до города, приехать на корпоративный обед и все выяснить, но мне тошно входить в контору, и тошно вспоминать бывших коллег. Чувствую себя привидением, которого все шарахаются. Помню, отец, как вышел на пенсию, говаривал: А все крутится и крутится без остановки.

Ведь я же говорил тебе, чтобы ты не вздумал

---

[12] Примечания: 12
Музей современного искусства в Нью-Йорке, осн. в 1930 г.

уходить! Взял бы в фирме отпуск и ухаживал за Мэри, сколько понадобится. Есть такая порода людей, чиновники, банковские служащие, большинство дантистов, которые просто рождены для пенсии. Начинают мечтать о ней с первого дня жизни. Молодость, любовь, карьера — все это лишь необходимые промежуточные этапы на пути к пенсии: личинка, куколка, гусеница и вот, наконец, чудесная метаморфоза завершается, и миру является бабочка — пестрокрылый пенсионер. Гольф-клуб, смешные туфли, солнечные очки от модного дизайнера — это для дантистов, домик на колесах и жаровня — для тех, у кого доходы невысоки. Но мы с тобой принадлежим к более высокой расе. Мы не согласны выходить в тираж, пока невзгоды и современная медицина хорошенько нас не обработают. Хвала господу, я вижу, что ты еще не готов в живые мертвецы! Тебе нужно занятие, работа. Я для тебя что-нибудь придумаю.

Сердце Шмидта заколотилось. Гил собирается предложить ему работу, например, попросит вести переговоры от имени его продюсерской компании о финансировании нового фильма. Или консультировать. Впрочем, возможно, он имеет в виду не чисто правовую работу, тогда

Шмидт мог бы спокойно взяться за дело, не нарушая содержащегося в пенсионном договоре «Вуда и Кинга» запрета на юридическую практику после ухода из фирмы.

Черта лысого. Дружеский совет терпеливо выносить все испытания — это все, что Гил мог ему предложить: Ведь этот парень Дефоррест, который управляет фирмой, твой друг, да? Разве вы не можете вдвоем придумать что-нибудь подходящее? Если они не хотят заново перераспределять партнерские доли, почему бы тебе не стать партнером на зарплате? Кем-нибудь вроде старшего советника?

Шмидт рассмеялся.

Уже поздно. Слишком много необратимых действий совершено. По меркам нашей конторы, я выторговал себе весьма приличные условия. Клиентов у меня не осталось: они тоже перераспределились и вроде бы ничуть не страдают от этого. А где я буду жить в городе? Давай лучше поговорим о чем-нибудь приятном, например, о юных Блэкменах!

Да с ними все в порядке. А вот с тобой нет. Серьезно, Шмидти, разве ты не хотел бы чем-нибудь заняться? Может, тебе устроиться в какой-нибудь фонд? Или лучше стать где-нибудь попечителем?

Как звали того адвоката с нездоровой кожей, который собирал деньги для Рейгана? Вот он так сделал.

Ловко ты разобрался с моими проблемами! Да я только и делал в жизни, что работал на «Вуда и Кинга». Я — неходовой товар! Меня нельзя снова выставить на витрину. И о фондах я думал. Но даже если какое маленькое безобидное предприятие и захочет меня взять, не думаю, что я соглашусь. Во-первых, это элементарно невыгодно: зарплата даже не покроет того, во что мне обойдется переезд обратно в город и поиск этой работы. И к тому же я никогда терпеть не мог благотворительные организации и тот тип людей, который там заправляет. Настоящий ад, вот что. Находишь деньги, отделяешь солидную часть на зарплаты и накладные расходы и тут же начинаешь придумывать «программу», на которую можно потратить то, что осталось. А потом все сначала! Челюсти сводит от тоски!

Увидев, как помрачнел румяный Блэкмен, Шмидт поспешил добавить:

Я не говорю, что все некоммерческие учреждения таковы! Конечно, нет. Например, тот дом для актеров с болезнью Альцгеймера, который ты поддерживаешь, — нужное дело, да и не всех

президентов благотворительных фондов я не могу терпеть, а только большинство из них. А суть моей проблемы проста: как я сказал, я никому не нужен. Ни своей старой фирме, ни фондам, ни попечительским советам: данные неподходящие — я ведь никогда не занимался никакой общественной деятельностью.

Ах, Шмидти, одного тебе не хватает — правильной позиции!

Да уж ты поверь. Я как пассажир автобуса, который пошел пописать, а вернувшись, обнаружил, что его место занято и во всем автобусе ни одного свободного места нет. Что делать? Выходить? Но если это единственный рейс и автобусов больше не будет? Лучше уж доехать, болтаясь дурак дураком на поручне. Что мне от того, что я буду глупо выглядеть?

Глупо было выходить пописать в тот момент, когда твой друг Дефоррест устраивал себе избрание в президенты компании. Этого мне никогда не понять. Не ты ли говорил мне, что это кресло с тем же успехом *могло* достаться тебе? Нужно было только сказать, что ты этого хочешь. И сейчас ты бы всем заправлял, и это ты спрашивал бы остальных, нужны ли они своим клиентам или вообще кому-нибудь!

Шмидт посолил картошку. Он деликатно брал ломтики кончиками пальцев, будто собираясь оставить на тарелке. А что, совсем неплохи! К черту диету — он съест картошку без остатка! Ради чего он отказывает себе в лишней капле жира? Память Гила Блэкмена не только восхищает, но иногда и раздражает. Вы не видитесь несколько месяцев, и вот он продолжает разговор точно с того места, где вы закончили в последний раз, заговаривает о вещах, которые ты хотел бы забыть и больше никогда ни с кем не обсуждать.

Да, так все и было. Дефоррест хотел занять место президента. Больше, чем я. По правде говоря, я даже не знаю, были у меня причины хотеть этого или нет. Наверное, я просто хотел убедиться, что гожусь, а этого мало.

А Дефоррест?

Ну он много лет мечтал стать президентом, иногда это выглядело просто по-детски. А кроме того, он уже подустал от юридической практики. Это случается с очень многими юристами, но меня миновало. Так что по всему выходило быть президентом Джеку, а не мне. У него было много идей по поводу компании — целый манифест. А у меня не было, я бы, наверное, постарался оставить все как есть, и только.

Ну и что тут плохого? Тебе нравилось, как поставлено дело, и доход у тебя был достаточный. Не жалеешь, что оказался таким сговорчивым?

Нисколько. Дефоррест полез бы в драку и, глядишь, победил бы. Это дорого обошлось бы мне и навредило бы фирме. И уйти бы мне пришлось все равно — тогда же. И я оказался бы там, где сейчас и есть.

Другого ответа у Шмидта не было. Какой смысл признаваться в том, что отступился *он* только потому, что Джек Дефоррест доконал его своими беспрестанными увещеваниями и разглагольствованиями о том, что каждый получит то, что ему нужно: Шмидти, ты хочешь совершенствоваться в практике, значит, этим тебе и стоит заниматься, а административные заботы оставь мне, ты ведь этого не любишь! Этакий неофициальный всех устраивающий дуумвират. Но на деле из этого ничего не вышло — Джек ничем не хотел делиться. На другое же утро Шмидт оказался не у дел, и ни один человек в фирме не мог не заметить, что с ним вышло неладно: Шмидт остался кем был, при своих старых клиентах и усыхающей практике, чтобы такие, как Райкер, травили его.

Шмидт улыбнулся Гилу и вылил себе в стакан

половину оставшегося в бутылке вина.

Давай закончим на этой радостной ноте. Как там твои сиятельные барышни?

А, все так же пропадают почем зря на своей бесперспективной журнальной работе — не хотят становиться взрослыми. У Лайзы нет парня, и она от этого сходит с ума. А у Нины — новый, который даже на себя не зарабатывает и никогда не будет. Сейчас он переставляет себе голос — с баритона на тенор, — потому что считает, что больше похож на тенора. С преподавателем-албанцем! А отец у него — православный священник в Скрэнтоне. Хотел бы я послушать, каков его святоотческий голос! Лайза с Ниной никак не бросят играть в куклы, наверное, мы накупили им слишком много игрушечной посудки.

А дочка Элейн?

Шмидт забыл ее имя. С Гилом подобного никогда не случалось.

Лилли. Милашка Лилли. Все такая же — безобидное глупенькое дитя. Я бы хотел, чтобы она больше времени проводила у отца. Чтобы мы с Элейн могли свободно ездить. Ведь у него все подружки практически ее ровесницы! Я говорю Элейн, что это папа со встроенным детским садом, наверное, такому удобно воспитывать дочь. Но

Элейн думает иначе. Почему мы с тобой все время носимся с нашими детьми, как две наседки?

Потому что мы их любим.

Нет, здесь дело в чувстве вины. Мне-то есть в чем повиниться: своих дочерей и их мать я бросил, ушел жить с глупой Лилли и ее мамой и так и не стал взрослым человеком, отцом взрослых дочерей. Но ты? Вы с бедняжкой Мэри жили душа в душу, и теперь ты, по крайней мере, получил награду, которой заслуживал — прекрасную, умную и абсолютно преуспевающую дочь. Что у нее новенького?

В прошлый уик-энд объявила, что выходит замуж. Ничего неожиданного — за Джона Райкера.

Ну и здорово! И самое время! У тебя снова будет семья. И это вот мне пришлось тянуть из тебя клещами!

Я хотел тебе сказать, но мы же стали копаться в моих несчастьях.

Такая удача! У них обоих серьезная взрослая работа, и они решили пожениться, а не играть в дом. Да, я ошибся, тебе не нужно искать работу, она у тебя уже есть! Ты будешь незаменимой нянькой! Думаю, Мэри предвидела это. Должно быть, для нее это были счастливые мысли. Элейн тебе позвонит. Она будет в восторге! И будет

немного завидовать!

На самом деле я не знаю, догадывалась ли Мэри. Больше похоже, что они это решили уже после. И если хочешь знать, меня эта новость не порадовала. Мы поссорились — без ругани, но в пух и прах, и я не знаю, как с этим быть.

А ну-ка, расскажи мне все!

Гордый и склонный, как и Гил, к сухому изложению фактов Шмидт нипочем не заставил бы себя сказать, что жалеет о былой дружбе с Гилом, или признаться, что вот только сейчас был момент, когда он ждал от Гила какого-то делового предложения. Но все остальное было в порядке вещей: один сообщник признается другому. И потому в разговорах они не сдерживались. Например, Шмидт рассказал Гилу про Коринн. А Гил, только что приобщившийся к миру богатых и знаменитых, именно к Шмидту пришел с просьбой заняться разводом: Я должен уйти от Энн, я хочу быть счастливым, но вместо того я самый жалкий человек, — несмотря на то, что Шмидт был шафером на свадьбе Гила и Энн и не занимался разводами, он взялся за дело с таким рвением, будто речь шла о его собственных деньгах и его детях, и добился полного успеха, так что ничуть не удивлялся, что Энн после этого

перестала разговаривать и с ним, и с Мэри.

Шмидт хотел поделиться с Гилом, но не собирался говорить ему всего, например, что у него не остается денег. Он рассказал Гилу, что дом, по сути, принадлежит не ему, что он не сможет, когда Шарлотта с Джоном поженятся, жить с ними по их правилам, что они пытались заставить его выказывать восторг, хотя это выше его сил; рассказал и о праздничном обеде с родителями Райкера, который должен превратиться в крещение огнем.

А ты уже сказал Шарлотте, что съезжаешь и отдаешь ей дом?

Нет. По телефону все рассказать у меня не получится, а если я не смогу вполне объяснить свои мотивы, боюсь, Шарлотта увидит в моем намерении импульсивное проявление враждебности. Она не обойдется без моих денег, и об этом я тоже намерен с ней поговорить. Я не хочу, чтобы она отказалась от них.

Думаю, как бы ты ни объяснялся, раз ты не хочешь жить с ними под одной крышей, для нее это все равно враждебность. Может, тебе стоит поуспокоиться и просто определить какие-то правила для тех дней, когда они будут приезжать? В конце концов, они же бывают только на уик-энд,

да и то если погода хорошая. Не думаю, что они будут торчать тут с тобой все выходные.

Мы с Мэри проводили здесь все выходные и отпуска, даже когда Марта была жива.

Но это вы с Мэри! Вы только что родили Шарлотту, и это было давным-давно, в Хэмптоне шестидесятых! Прекрасное кино в «техниколоре»! Чистенькие и приодетые белоголовые детишки возвращаются с пляжа или с прогулки на пони. Отец семейства после трех джин-тоников спит, открыв рот, в вагоне-баре. Загорелая мамочка со свежепобритыми ногами ожидает его на станции в «шевроле» с откинутым верхом — или она взяла «форд-универсал»? — беспокоясь об оставленной в духовке лазанье и гадая, безопасный ли у нее сегодня день. Гувернантка-француженка успевает понежиться в хозяйской ванне и накрасить ногти на ногах. Эх, где моя камера? Я готов начать съемки! А теперь будет другой сценарий. Джон с Шарлоттой на бурной реке Колорадо или по пояс в колючем снегу в Альте — эти удовольствия вам с Мэри были неведомы. А ты тем временем занимаешься садом или заделываешь трещины в бассейне.

Очень мило. Сделай такой фильм. Одна беда — если я починю в доме еще какую-нибудь сло-

манную вещь, мне будет труднее съехать. Сейчас это все еще летний домик, даже для меня, и в этих мощах еще есть кое-какой запал. Но не в этом суть. Ты же знаешь меня — если поблизости есть угол, я обязательно туда забьюсь, пусть даже меня никто не трогает. Просто я так себя чувствую и не знаю, что тут можно поделать.

Но пока ты еще ничего не говорил ни Шарлотте, ни Джону? И ты еще не знаком с его родителями?

В глаза их не видел. Мы не интересуемся семейными обстоятельствами своих сотрудников, даже когда принимаем их в партнеры, и уж, конечно, не приглашаем родителей на собеседование, чтобы убедиться, что не ошиблись в выборе. Вроде бы они оба психиатры — из тех, что аналитики.

Ты принял Джона, не интересуясь, кто у него родители? Но с этим парнем твоя дочь живет уже не один год!

Когда стало ясно, что у них это всерьез, Мэри уже была нехороша. А я не только не интересовался его родителями, я на самом деле не принимал Джона. И не понимаю Шарлотту — это еще одна моя боль.

Ну как ты можешь быть недоволен Шарлоттой? Она же идеальная дочь! Она всегда делала

все, чего вы с Мэри от нее хотели, и делала это безукоризненно. А этот парень — он же твой партнер! Партнер в престижной нью-йоркской фирме «Вуд и Кинг», как об этом написали бы борзописцы из «Таймс». Думаю, это достойно всяческого уважения.

Это на поверхности. Я никогда не думал, что увижу, как Шарлотта превратится в самодовольного трудоголика-яппи! Уж лучше бы, право, пустая журнальная работа, только бы это на самом деле ей нравилось. Работа, как у Мэри, как у твоих девчонок — наверное, вот в чем я тебе завидую…

Шмидти, ты не соображаешь, о чем говоришь! То, что нашли для себя Лайза и Нина, — предел их способностей. Ну, конечно, им нравятся журналы и люди, которые в них пишут. Но они не могут ни писать, ни редактировать, а производство изучать отказываются. В этом журнальном мире они как туристы на сафари, что восхищаются слонами, сидя в «лендровере». Разница только в том, что они-то смотрят с самой нижней ступеньки информационного отдела. Того, что они получают, не хватает даже на квартплату, не говоря уж про нешлифованный рис для здорового питания и вонючие камешки, которыми они кор-

мят своих абиссинских кошек! Я содержу и их, и сынка православного попа. Единственный выход — богатый муж или дружок. Но такой зверь пока не попадался мне на глаза.

Но ты можешь себе это позволить, и я мог, хотя и не в такой степени. Ладно, выбрось из головы, это ведь не экранизация Ибсена. А если хочешь знать про Джона, то с ним, конечно, все в порядке, вот только он совсем не тот человек, которого я надеялся увидеть своим зятем и отцом моих внуков, и не тот, с которым я согласен делить дом, принадлежащий, по сути дела, моей дочери.

Давай выпьем еще кофе, сказал Гил, а может, и бренди? Работать я сегодня больше не собираюсь, а разговор у нас, вижу, долгий. А что не так с Джоном? Разве он не твоей породы — не то же, чем был ты в таком возрасте? Блестящий молодой юрист на пути к славе и богатству?

Я не нашел ни того, ни другого. И нет, я не был таким, как он. В душе, я имею в виду, и уж кто-кто, а ты-то должен понимать, что внутри я не только юрист. Я тебе открою одну стыдную тайну. В колледже я был романтиком, большим романтиком, чем ты в момент нашей встречи. И я не перестал им быть. Джон же не был таким никогда. Это существенная разница. У него есть

все, что нужно партнеру в «Вуде и Кинге», но есть и другие вещи, на которые фирме плевать, а вот мне — нет. Например, то, насколько человек ценит материальные блага. Или воспитание — предмет, не подлежащий обсуждению в офисе.

Воспитание? Его отец и мать врачи, и ты с ними даже не знаком! Я начинаю думать, что это приглашение на День благодарения для тебя — дар божий. Окажи им любезность, приди на обед и будь самим собой. Эти родители не устоят перед твоим скромным обаянием! И в сочетании с домашней едой это поможет тебе выбраться из твоего угла. Не очень-то верится.

С этого момента Шмидта больше не заботило, нарушает ли он какие-либо правила общения с Гилом Блэкменом.

Гил, сказал он, я остался один, и я сбился с пути. Не изводи меня. Я уже и так чувствую себя большим дураком. Мэри бы не допустила такого. Без нее я ничего не стою.

Давай все же выпьем бренди.

Гил выпил и заказал еще. Ты прав, сказал он Шмидту. Без Мэри ты сбился с пути — я имею в виду твои чувства. Насчет дома ты, наверное, тоже прав. Если ты заимеешь новое жилье, которое сам устроишь, тебе легче будет начать новую

жизнь. Станешь приезжать, чтобы повозиться с внуками. Но в твоем неприятии Райкера чувствуется какой-то подтекст, которого я не могу понять. Что ты имеешь против него? Знаешь, я, кажется, кое-что уловил. Родители-психоаналитики, воспитание, не романтик… Шмидти, ты что, намекаешь, что этот малый — еврей?

А он и есть.

И это выводит тебя из себя? То, что последняя из Шмидтов с Гроув-стрит выходит за еврея? Ну это самое безобидное…

Гил допил второй бренди.

Шмидти, я чего-то не пойму. Может, пора вспомнить, что сейчас ты говоришь с евреем? Покраснеть и сказать: «Ой! Тебя я не имел в виду, ты совсем другое дело».

Ты и правда другое дело.

Имеешь в виду, что я знаменитость, что ты знаешь меня сорок три года и, главное, я вроде как художник?

Ну и разве это не лучше?

Нет. Чем? Ладно, я все равно не собираюсь к тебе в зятья. Позвони, как вернешься с того обеда. Если родители твоего Райкера не уложат тебя на кушетку, я попробую уложить тебя на свою.

Кроме них двоих в зале уже никого не осталось.

Официант куда-то исчез. Гил рассчитался в баре с хозяином, оторвав того от неторопливой беседы с задумчивой полной леди в зеленом шерстяном платье и таких же, почти в цвет платья, галошах. В одной руке дама держала стакан с сильно разведенным виски, в другой горящую сигарету, а кожа на ее руках вся растрескалась до крови. Пепельница на стойке была полна окурков: судя по помадным отметкам на фильтрах, все они были оставлены зеленой курильщицей. Через несколько табуретов от нее сидели, в молчании уставившись в свои стаканы с бочковым элем, парень из магазина видеокассет и какой-то тип, в котором Шмидт заподозрил торговца детской порнографией. Шмидт подумал, что дама в зеленом может быть сестрой хозяина, приехавшей из Монтока, где у нее мотель для мелких мафиози и подобной публики — несколько домиков в дюнах, а может быть, и его бухгалтером. Первая гипотеза опиралась на то, что у обоих были одинаково бесцветные поросячьи глаза без ресниц, вторая — на то, как внимательно слушал хозяин свою собеседницу.

На улице было еще совсем светло. Шмидт сутулился больше обычного, оттого что Гил обнимал его за плечи — красноречивая вывеска дружеско-

го общения, которому лучше не мешать.

Здравствуйте, мистер Шмидт!

На тротуаре стояла Кэрри — не в обычной униформе, а в красной лыжной куртке и черных шерстяных лосинах. А ноги хороши, подумал Шмидт. Длинная шея и длинные тонкие ноги. Тонкие, но стройные: ровные икры, колени, не привлекающие лишнего внимания, и крепкие мускулистые ляжки, возносящиеся в тайную область, скрытую ее легкомысленным костюмом. Конечно, бедное дитя тоскует по теплому климату, но если так, почему не носить брюки? Ах, Шмидти, дареному коню в зубы не смотрят! Не исполнилось ли только что твое желание? Наконец-то ты видишь ее ноги.

Было видно, что Кэрри не собирается переходить дорогу. Не значит ли это, что она ждет кого-то, кто бы ее подвез?

Я увидела, что вы уже расплачиваетесь, подумала, надо поздороваться.

Это Гил Блэкмен. Гил, это Кэрри. Она иногда задерживается поболтать с этим одиноким стариком, когда он, жуя свой гамбургер, спросит себе еще стаканчик сверх обычного.

Приходите поскорее, ладно?

Ага, оказывается, ее хрипота — не маска для ве-

чера. Шмидту захотелось, чтобы она сказала еще что-нибудь, просто несколько слов, каких угодно. Поздний вечер, застольные гаммы. Поодаль стояла грязная «хонда-сивик» с мятым задним бампером и царапиной на водительской двери. Кэрри распахнула дверцу и, махнув на прощанье, легко, с поистине лебединой грацией скользнула внутрь. Завела мотор, тронулась и, отъезжая, опустила стекло и крикнула: Всего доброго! Второй раз за каких-то пять минут исполнилось его желание.

Что ж, не так уж все плохо.

Милое дитя.

Рука об руку Шмидт с Гилом дошли до стоянки.

Ну вот я и пришел.

Гил остановился возле длинного «ягуара». Со вздохом вскинув брови, он обнял Шмидта. Что это, приступ атавистической сентиментальности? Или следствие скорого приобщения Шмидта через Шарлотту — пусть даже только в качестве члена-корреспондента — к избранному народу? Священника мадиамского[13] Бог одарил семью дочерьми. Что стало с ним, когда он породнился

[13] Примечания: 13

Имеется в виду тесть пророка Моисея Иофор, о котором говорится в книге Исхода.

с Моисеем? Умножились ли его стада? Теперь Шмидту предстоит испытать такое на себе.

Не вешай нос, Шмидти. Думай о внуках, представляй, как ты будешь с ними возиться: в бассейне, на берегу океана. Кстати, это не значит, что пора поискать новую Коринн, старый ты сатир!

Шмидт двинулся к своей машине. Лучше бы Гил не говорил этого. Далекое воспоминание по-прежнему волновало — Шмидт берёг его и старался не вызывать слишком часто, как стараются не откупоривать лишний раз бутылку старого коньяка. То лето началось плохо: лили дожди, расплодились комары. Необычайно ранний ураган лишил их лодочной пристани, которую Фостер разрешил им построить в заливе, и парусного ялика, а еще повалил медный бук, который был ровесником дому. Рухнувший бук завалил ворота гаража, и, если бы машина Шмидта не стояла на станции, где он ее держал всю неделю, им пришлось бы, пока работник Фостера не распилил огромное дерево на дрова, которых потом хватило на две зимы или даже больше, арендовать машину или ездить на велосипедах. В том году Мэри впервые разрешили июль и август работать дома, так что они смогли обойтись без дневного лагеря и устроить Шарлотте настоящий

морской сезон. Но едва Мэри с Шарлоттой и новой гувернанткой Коринн обосновались в доме (у Шмидта отпуск намечался только в августе), как у Мэри начались жестокие, как никогда, мигрени, после которых наступали слабость и тошнота. Первый приступ заставил ее отказаться от участия в клубном теннисном турнире и от прогулок по пляжу: плеск волн, яркий свет, ветер были ей невыносимы. Западную веранду занавесили, чтобы Мэри могла несколько часов в день читать рукописи. Когда приехал Шмидт, она прямо на станции спросила, не думает ли он, что у нее опухоль. В тот же вечер Шмидту удалось дозвониться в Уэстчестер Дэвиду Кенделлу, а тот позвонил в Нью-Йорк знакомому неврологу. Миссис Дурбан, женщина, которая приходила прибирать дом, согласилась ночевать у них и приглядывать за Шарлоттой и Коринн, и в воскресенье вечером Шмидт увез Мэри в город на обследование. В среду они вместе пришли к неврологу. Анализ, как тот и ожидал, оказался отрицательным. А мигрени, видимо, были следствием легкой депрессии, вызванной напряженной обстановкой в издательстве «Уиггинз». Депрессию, конечно, нужно лечить, но тут придется подождать до осени, пока вернутся из Уэллфлита нью-йоркские

психиатры. Ну а пока он выпишет им транквилизаторы — для нормального самочувствия днем — и снотворное, чтобы гарантировать Мэри здоровый ночной сон. Врач советовал ей вообще как можно больше спать. Тоже форма психотерапии, притом не самая худшая.

Хотя договор ипотеки на судно, который в те дни готовил Шмидт, имея под рукой только одного молодого, первый год работающего сотрудника — фирма, как всегда, завалена заказами, а половина штата в отпусках и работать некому, — нужно было закончить к концу месяца, Шмидт в тот же день повез Мэри обратно в Бриджхэмптон. Предлагать ей подождать до пятницы было бесполезно: она уже рассказала ему, каким встревоженным голоском говорила с ней по телефону маленькая Шарлотта, сообщила, что забыла захватить с собой рукопись, а миссис Дурбан, по ее подозрениям, пасется в шкафчике с напитками. Отправить Мэри одну тоже было нельзя — заметив, каким страданием исказилось ее лицо, когда он спросил, поедет ли она со станции на его машине или лучше заказать такси, Шмидт тут же осекся. Конечно, он тоже сядет с ней в поезд и проведет ночь в Бриджхэмптоне. Конечно, ему хочется повидать Шарлотту. Глупо,

что он сразу не подумал про утренний поезд — если сесть на утренний, он как раз успеет на встречу в банке.

Мэри поблагодарила его и добавила: Удобно, правда? Теперь ты можешь оправдываться перед партнерами и друзьями не только переутомлением. Теперь у тебя еще и жена, больная на голову. Все тебе будут сочувствовать.

Этот выпад удивил Шмидта — прежде в их разговорах не было ничего подобного, — и он не мог понять, чем вызвал такую злобу. Может, Мэри двинулась серьезнее, чем показалось доктору? Шмидт решил, что это был один из тех моментов, когда обжигающе горькая желчь внезапно поднимается из желудка и выплескивается в рот. При депрессии случается потеря самоконтроля. Интересно, какие еще тайные мысли вынашивает его жена?

После того, как Шарлотта пожелала родителям доброй ночи, Мэри тоже отправилась наверх, и пока она готовилась ко сну, Шмидт сделал ей бутерброд с сыром и налил тарелку томатного супу. Когда она поела, он подал ей выписанное врачом снотворное. Оно подействовало почти сразу. На спине, с открытым ртом, Мэри спала и храпела. Так храпел отец Шмидта: всегда, где

бы и в какой бы позе ни уснул, и каждую ночь, сколько помнил Шмидт. В их доме на Гроув-стрит был слышен каждый скрип половицы, каждый кашель. В своей комнате, отделенной узким коридором с красной ковровой дорожкой от родительской спальни, Шмидт, представляя, как покорная и всем недовольная мать ежится на краешке черной кровати, слушал этот звук, он изучил его. Звук начинался как едва слышное, почти приятное жужжание, вроде моторчика авиамоделиста или очумелой мухи, такой шум никому не досаждает, ведь он прекратится, как только у моторчика кончится завод. Но нет, звук набирал силу, становился угрожающе резким и настойчивым, он был гораздо больше умиротворенного и расслабленного тела, которое его издавало. И только осиновый кол, вбитый в сердце спящего, мог бы остановить этот рев.

А теперь это была Мэри — та, которая никогда не позволяла себе уснуть в автобусе или в поезде, считая, что спать на людях неприлично. Шмидт присел на кровать. Зная, как она смутится, узнав, что храпела, он потряс Мэри за руку, потом попытался перевернуть на бок. Бесполезно. В ней будто спрятался буйный пьяный сатир, выводящий без устали одну и ту же трель на визгливой дудке.

Шмидт забрался рукой под легкое одеяло, отыскал край ее ночной рубашки, поднял его и стал гладить ее бедра. Нажав посильнее и потянув к себе, он слегка раздвинул ее ноги. Мэри начала брить ноги еще девчонкой, но в последнее время перешла на воск. Наверное, из-за своих головных болей она забыла об этой процедуре — жесткая щетина напомнила Шмидту то время, когда Мэри впервые позволила ему забраться к ней под юбку. Не сводя глаз с ее лица, следя за сменой эмоций, Шмидт отбросил одеяло с ног Мэри. Бедра, как и ягодицы, были у нее массивными — хоть под седло. Мэри стыдилась их, но Шмидту зад и ляжки жены доставляли много радости. Все еще опасаясь разбудить, Шмидт согнул ее ноги в коленях — чтобы можно было лечь на Мэри сверху — и продолжил ласкать ее бедра с внутренней стороны. Поднимаясь все выше, он, наконец, коснулся губ и раздвинул их. Сухо. Шмидт омочил палец слюной и начал водить по кругу. Храп не учащался, да и вообще не менял ритма, но Мэри вдруг начала обильно мокнуть, и пальцы Шмидта, один, потом два вместе, легко скользили вверх и вниз между ее губ, а потом в ней, глубже и глубже. Внезапно его охватило наслаждение такой силы, что он даже не успел сунуть свободную руку в

брюки. Когда содрогания отпустили, Шмидт взял руку жены, которая все это время покоилась на ее животе, и положил туда, где только что была его рука, укрыл Мэри простыней и выключил настольную лампу. Дни стояли еще долгие, и даже при задернутых шторах в комнате было светло, лицо Мэри сохраняло полную невозмутимость. Шмидт испугался, не может ли такой громкий и продолжительный храп — ведь он думал, что, как его старик, Мэри будет храпеть до самого утра, — навредить голосовым связкам, но потом решил, что, видимо, связки в этом деле не участвуют, а все эти жернова и пилы визжат и скрежещут где-то в носоглотке. Шмидт еще раз проверил ее руку: она осталась на прежнем месте, но пальцы, казалось, расположились свободнее и удобнее. Мэри утверждала, что никогда не забавляется сама с собой. Шмидт же хотел, чтобы она научилась мастурбировать — в надежде, что это поможет стронуть лед, и ей легче будет кончать и не придется великодушно просить его не беспокоиться, потому что ей, будто, и без того хорошо.

Шмидт немного поплавал в бассейне, переоделся и отправился на кухню: на него напал зверский аппетит. На кухне никого не было — наверное, Коринн все еще укладывает Шарлотту или уже

ушла к себе; она занимала комнату по другую сторону буфетной. От выпивки — Шмидт налил себе бурбона — ему стало тепло. Стоя у плиты, он доел за Мэри томатный суп и остаток сыра и уже собирался сложить тарелки и кастрюлю в машину, как вдруг услышал: Мсье не должен мыть тарелки. Это моя работа.

Заинтересовавшись, он посмотрел на нее. Девочка была босиком, видно, потому он и не услышал, как она вошла. Эти слова стали, наверное, первой фразой, с которой Коринн обратилась к нему лично. С самого начала июня, когда она у них появилась, Шмидт приходил домой поздно, а на даче девочка держалась застенчивее всех своих предшественниц. Хотя по-английски она говорила практически без акцента, и французский у нее, если верить Мэри, был чистым. Возможно, стеснялась своего азиатского происхождения. Мэри что-то говорила об отце Коринн, который работал во французской администрации в какой-то из тех стран, от которых так устал Шмидт: в Камбодже, Вьетнаме или, вероятнее всего, в Лаосе. Как бы там ни было, этот француз взял в жены местную даму из знатной семьи, а спустя много лет, через несколько лет после

Дьен-Бьен-Фу,[14] привез ее и дочку во Францию, где вскоре умер.

Мне совсем не трудно убрать за собой, ответил Шмидт. Я думаю, каждый должен это делать.

О нет, пожалуйста! Мсье следует быть в гостиной.

Шмидт налил себе еще бурбона, подумав захватил бутылку и ведерко со льдом и, не заходя в гостиную, отправился в библиотеку. У них с Мэри это была любимая комната, а летом, если распахнуть все окна, там особенно хорошо. Увидев, что она зажгла свет, Шмидт решил, что Коринн просто находка: насколько можно судить, она умеет обращаться с Шарлоттой, прекрасна, молчалива и хорошо заботится о доме. Откинувшись на диване, Шмидт закрыл глаза. Не заснуть ли здесь? Или расположиться в большой гостевой комнате и сказать Мэри, что он ушел, чтобы не тревожить ее? Заснуть под ее храп было бы немыслимо и равно немыслимо — если он хотел, чтобы Мэри продолжала следовать предписаниям врача, — было бы сказать ей, что она храпела.

Извините, мсье.

---

[14] Примечания: 14

В долине Дьен-Бьен-Фу 7 мая 1954 г. произошло решающее сражение между вьетнамской народной армией и французскими войсками, в котором французы были разбиты

Коринн вошла с маленьким стеклянным подносом яичных канапе. Шмидт заметил, что она успела обуться в сандалии и переодеться: вместо джинсов на ней было белое хлопчатобумажное платье.

Я подумала, что, может быть, мсье захочется. Ведь мсье не обедал.

Спасибо. Мне хочется.

Она поставила поднос перед ним и заговорила снова. Позволит ли мсье немного побыть с ним?

Разумеется.

Не возражаете, если я включу музыку? Я очень люблю Моцарта.

Она произнесла это имя на французский манер..

Пожалуйста, включайте, что вам нравится.

Очевидно, она не раз слушала здесь пластинки, потому что сразу вынула нужную. Концерт для валторны. Шмидт сказал ей, что и сам любит эту музыку.

Спасибо.

Она села на диван рядом с ним. Шмидт, почувствовал стойкий запах миндаля. Увидев, как он потянул носом воздух, она объяснила, что это ее крем для рук. Некоторые люди думают, что азиатская кожа неприятно пахнет.

Ужасно такое слышать. Но какой же вздор!

Я вас рассердила. Но приходится беспокоиться и об этом.

Я ничуть не рассердился. И ваш крем очень приятно пахнет.

Улыбнувшись Шмидту, она понюхала свое предплечье.

Заигрывает? Если так, то у него не будет лучшей возможности. Этот случай нельзя упустить. Еще не вполне уверенный, он предложил ей выпить — бурбона или вина. Можешь попробовать из моего стакана, сказал он ей. Если понравится, я налью тебе.

Она отхлебнула, сказала, что это очень крепко, но ей нравится сладкий вкус, сходила на кухню за стаканом и протянула его Шмидту, чтобы наполнил.

Теперь давай послушаем музыку, сказал Шмидт.

Она кивнула, как-то вдруг насторожившись. Все в порядке. Ты не помешаешь. Мы можем слушать и разговаривать понемногу.

Она улыбнулась Шмидту с благодарностью. Он угадал: девчонка флиртовала с ним. Потянувшись к подносу с канапе, он придвинулся к девушке поближе.

Отлично! Лучшая закуска к виски.

Он опустил руку ладонью вниз на диван между ними. На подносе оставалось два канапе.

Почему бы нам их не прикончить? спросил Шмидт. Голос его неестественно зазвенел. Но, может, Коринн, не заметила этого.

Она снова кивнула.

Шмидт опустил руку на прежнее место. Через секунду, взглянув туда, он увидел, что между его рукой и рукой Коринн почти не осталось расстояния. Что дальше?

Не хочешь посмотреть какой-нибудь альбом, пока мы слушаем?

О да. Какой?

Выбери ты.

Здесь у нее тоже уже были свои предпочтения. Без колебаний она сняла с полки альбом с фотографиями Большого Каньона.

Шмидт рассмеялся. Эту книгу хорошо рассматривать вместе. Мне стыдно, что я там не был. Наверное, стоит свозить Шарлотту.

Альбом был большого формата. Коринн открыла его так, что он лег на колени им обоим, и начала переворачивать страницы. Ее платье было без рукавов. Шмидт сделал большой глоток бурбона: он не мог думать ни о чем, кроме

этого теплого и пахнущего миндалем плеча. Она рассматривала снимок, изображавший обрыв в пропасть. Показав пальцами на крохотные фигурки туристов верхом на мулах, Коринн спросила:

А мне мсье разрешит поехать?

Я буду на этом настаивать, Коринн. И перестань звать меня мсье. Не хочет ли мсье, не будет ли мсье… Пожалуйста, зови меня Шмидти, как все.

Я не смею.

Да все нормально. Мы в Америке.

Он придвинулся так, что их плечи соприкоснулись, плоть к плоти. Коринн посмотрела на него, и Шмидту показалось, что она краснеет, но как тут скажешь точно?

Что он делает? Неужели клеится к гувернантке? Мыслимо ли, чтобы она это приняла? Катастрофа неизбежна. Ведь это как спать с секретаршей: сначала берешь ее по-скотски на полу, если в офисе нет дивана, а потом уж везде, где придется. В ее однокомнатной квартире в Джексон-Хайтс. Вечером уходишь из конторы за две минуты до нее, в двух кварталах дальше по улице ловишь такси, чтобы коллеги, которые тоже задержались на работе и ждут такси у подъезда, не заметили вас. Шмидт вспомнил дикую историю Калтера, у которого в кармане брюк жена, отдавая в чистку

его костюм, нашла использованный презерватив. Вот теперь и он опустился до уровня Калтера.

Можно я буду иногда разговаривать с вами? спросила Коринн. Я такая нерешительная…

Ага, так она просто дразнит его. Шмидт отодвинул свою руку. Разумеется, ответил он, когда захочешь. Шарлотта без ума от тебя, и мы с Мэри тоже очень рады, что нашли тебя. Или это ты нас нашла.

Голос у него вновь пришел в норму. Через секунду он сможет закрыть альбом и подняться с дивана и отправится спать в гостевую комнату. Может быть, прихватит с собой наверх еще один стаканчик бурбона.

Сегодня вы были так добры к мадам. Я наблюдала за вами. Вы ко всем добры. Но, кажется, на меня вы сейчас злитесь.

Вовсе нет. Как я могу? Да и за что на тебя злиться?

Вы злитесь, потому что я вас люблю, а вы боитесь, что об этом узнает мадам. Но она не узнает. Пожалуйста, не волнуйтесь. Вам не о чем волноваться.

Он хотел было рассмеяться ей в лицо, но она потянулась к нему, и ее намерение было так искренне, что Шмидт не рассмеялся, а взял и по-

целовал ее. И в тот же момент миндальные руки сплелись у него на шее, и неведомо как она очутилась у него на коленях и всем телом прилипла к нему. Шмидт почувствовал, как она ответила на поцелуй, крепко прижалась губами к его губам, и тут же как будто весь ее язык оказался у него во рту. Прошло несколько секунд, и, ни слова не говоря, чтобы не прерывать поцелуя, она потянула Шмидта за руку и увлекла в свою комнату.

Я падший человек, прошептал он ей.

Через пару недель Мэри решила сопровождать одного из своих авторов в рекламной поездке на Западное побережье: его книга неожиданно стала продвигаться в верхнюю часть списка бестселлеров. Мигрени прекратились: помогло ли волнение, вызванное большим коммерческим успехом, таблетки или отдых, а может, сказались все три фактора сразу, неизвестно, они не особенно задумывались над этим. Было начало августа. Мэри сказала ему, чтобы он брал отпуск, как и собирался, и не менял из-за нее своих планов. Так ей не пришлось беспокоиться, справятся ли Коринн с Шарлоттой одни в Бриджхэмптоне.

Пока Мэри не уехала на Запад, Шмидт каждый вечер ложился с ней в постель. Они отправлялись в спальню сразу после раннего ужина. Таблетки

по-прежнему действовали моментально, но Мэри не хотела откладывать прием снотворного и оставлять время на секс: она боялась лежать в постели без сна.

Давай делать это, пока я засыпаю, говорила она ему. Мне нравится так, это уютно. Кажется, я и сплю от этого лучше. А после ты можешь почитать. Хочешь — зажигай лампу, хочешь — спускайся вниз.

Шмидту нравилось и это. Он поворачивал Мэри на бок, прижимался к ее холодным ягодицам, входил в нее и забывался в наслаждении. Вот где поистине волшебная флейта! Воодушевление, граничащее с болью, нарастающее и спадающее по его воле, не нарушаемое ничем до самого апогея. К счастью, храпеть Мэри почти перестала. Шмидт вытирался о простыню, чтобы оставить отметку для Мэри, и, не моясь, на цыпочках спускался вниз.

Какой есть, я иду к моей чародейке-искусительнице, говорил он про себя. Время остановилось.

Можно было не тревожиться, что дочь услышит, как он ходит по дому: на лестнице лежал толстый ковер, и сам он двигался осторожно; Шмидт боялся, что Шарлотта увидит страшный сон и прибежит прямо к Коринн.

А та успокаивала его: Шарлотта всегда стучит. Я выйду и отведу ее наверх. А ты просто лежи тихонько, будто я тебя заколдовала.

Еще Шмидт боялся, что Коринн забеременеет: она никак не предохранялась и однажды расплакалась из-за того, что Шмидт раньше времени вынул, чтобы не кончать в нее. Шмидт считал, что если сначала он эякулирует в Мэри, с Коринн у него меньше риска, но это не могло бы спасать их весь год, что Коринн собиралась у них пробыть.

Если это случится, сказала она, я уеду, и ты никогда больше обо мне не услышишь.

Перед возвращением Мэри они повезли Шарлотту в Монток есть лангустов в ресторане на пирсе. На обратном пути девочка заснула в машине и оттого дома, оживившись, долго не хотела укладываться. Было новолуние, и Шарлотта попросилась у него немного посмотреть на падучие звезды, которые то и дело в разных направлениях перечеркивали небо. Шмидт устал с дороги а в ресторане выпил больше полбутылки немецкого белого вина. Он пожал плечами и сказал что они с Коринн могут делать, что хотят, а он отправляется к себе. Еще одна радость для Шарлотты. Ветер утих. Девочки хихикали под

открытым окном Шмидта. Он лежал и слушал их шушуканье и голос прибоя вдалеке. Потом стукнула дверь-сетка, должно быть, Коринн повела малышку спать. Теперь она еще почитает ей. Чтение затянулось надолго, но вот, наконец, дверь его спальни отворилась. Он протянул руки и обнаружил, что Коринн уже голая.

Подожди, прошептала она, нужно подстелить полотенце. И потом: Иди сюда. Скорей же!

Не надо, зашептал он в ответ. Мы испачкаем постель. Но Коринн положила на него руку и Шмидт понял, что не в силах сопротивляться.

Коринн думала, что ей удалось оттереть пятна крови на матрасе, но утром в день приезда Мэри, пока Шмидт играл в клубе в теннис с хирургом-чемпионом прошлогоднего турнира, миссис Дурбан предъявила их хозяйке.

Шарлотта в своей комнате бесится оттого, что я только что погрузила Коринн и ее чемодан в нью-йоркский поезд, сказала Мэри, когда Шмидт вернулся домой. Если тебе так уж нужно трахнуть какую-нибудь сучку в моем доме, по крайней мере, не оставляй следов на моей постели.

Все правильно, ответил Шмидт и пошел плавать в бассейн.

В тот же день Мэри рассчитала миссис Дурбан.

Эта женщина — пьянчужка, объяснила Мэри Шмидту. День труда на носу. Я договорюсь с польками, пока мы не найдем кого-нибудь с надлежащей квалификацией.

В тот же вечер, накормив Шарлотту ужином и отправив спать — Мэри не выходила, запершись в спальне, — Шмидт вышел покурить на заднее крыльцо. Он думал, что придется лечь в комнате для гостей, думал, что сказать Мэри, и гадал, оставит ли Коринн какую-нибудь весточку в конторе. Лучше бы не оставляла, думал он, тогда он уж точно не сможет найти ее никогда.

Услышав шаги, он обернулся. Мэри.

Прохладно стало, сказала Мэри. Тебе не кажется, что пора в кровать?

IV

Клуб, в котором Шмидт обычно коротал время между приездом в город и обедом, был закрыл вряд ли кто-то из его членов собирался есть традиционную индейку не дома и не в гостях у родных или друзей. Конечно, бывает, что у кого-то нет ни семьи, ни родни, ни приятелей. В таком случае, стал размышлять Шмидт, ты постараешься скрыть это стыдное обстоятельство: будешь избегать общественных мест и появишься на люди, когда обед, который в этот день следует посетить каждому уважающему себя человеку, уже должен окончиться, да не забудешь проследить за тем, чтобы твой костюм отвечал моменту. А если ты живешь в доме, где привратник и лифтер видят всех входящих и уходящих и не преминут с ернической дотошностью отметить про себя, что мистер такой-то находился в городе и в добром здравии, но в праздник не выходил из дому и никого не принимал? Наверное, такие бедняги, чтобы спасти собственное достоинство, отправляются куда-нибудь в китайский ресторан в пригороде, где не вызовут — сколь бы удивитель-

но их присутствие там ни было для них самих — ни удивления, ни жалости среди веселых шумных едоков? Или проще пойти на ранний сеанс в какой-нибудь кинотеатр на Бродвее, где темнота надежнее обеспечит анонимность? Что бы он сам стал делать, если бы по-прежнему жил в старой квартире, если бы не решил переехать в деревню, где, в общем, легче спрятаться, если бы собственная дочь сегодня не зазвала его к родителям мужчины, который решил сделать ее «честной женщиной», и если бы его не приглашал, черт возьми, сам бывший президент его фирмы?

Красота и сложность задачи обеспечили Шмидту несколько секунд радостного волнения и ускорили его прибытие в Гарвардский клуб — храм стадности, расположенный всего в нескольких кварталах от того места, где автобус препоручил Шмидта городу. Вспомнив, как в былые дни он получал рекламки, зазывно описывающие обеденное меню клуба, Шмидт решил, что там должно быть открыто, а особой спеси по отношению к нечленам клуб очевидно не проявлял: Шмидт уже много лет не состоял в нем, но это не помешает ему по старой памяти заскочить в комнату для джентльменов, а может, и подремать полчасика в свое удовольствие в библиотеке. Пор-

тье был уже не тот, что во времена Шмидта либо он побывал в руках пластических хирургов. Обменявшись с ним рукопожатием, Шмидт прошел в большой зал. Там, где прежде только постукивали игральные кости в кожаном стаканчике, да раздавался колокольчик, отчаянно призывая официанта с новым мартини для угрюмого игрока в триктрак, что склонился над доской, теперь вовсю гомонили маленькие девочки в светлых лосинах — внучки, дочки и племянницы. Пробираясь, как слепец без палки, сквозь этот детский сад имени Говарда Джонсона,[15] Шмидт наконец вышел на пивной запах писсуаров, мыла и замоченных в дезинфицирующем растворе дешевых черных расчесок, одной из которых, промыв ее и высушив, он прошелся по волосам. Зеркало в рост человека, в котором придирчиво изучали себя десятки тысяч похмельных выпускников Гарварда, никому не льстило: в нем Шмидт выглядел еще хуже, чем тот кислый субъект, который ответил на его взгляд из магазинной витрины на Пятой авеню. В последнее время Шмидт похудел, и особое сожаление вызывали у него вваливши-

[15] Примечания: 15

«Говард Джонсонз» — сеть недорогих семейных мотелей и придорожных ресторанов, основана бизнесменом и рестораторомГовардом Дирингом Джонсоном (ок. 1896–1972) в 1929 г.

еся щеки и ничего не обещающая складка губ, которые он, любитель сигар, привычно смыкал, пряча неровные прокуренные зубы. Шмидт попробовал раз-другой растянуть рот в улыбке. Два часа на сиденье автобуса привели в беспорядок и его одежду. Шмидт распустил ремень, расстегнул брюки, встряхнул их за пояс, расправил полы рубашки и аккуратно застегнулся снова. Поправил узел галстука. Твидовый пиджак был отцовский — он никогда нигде не морщил. Ботинки сияют.

На мне надето роскошных вещей на такую сумму, подумал Шмидт, что какой-нибудь бездомной семье можно было бы целый месяц питаться и снимать квартиру. Итак, прочь отсюда, и поскорее доставим все это великолепие к Райкерам!

Шмидт не угадал. Дом на 57-й Восточной улице, где жили Райкеры, не был вычурным безвкусным строением из белого кирпича и не кишел квартиросъемщиками в спортивных костюмах. Старик-ирландец указал в дальний конец полутемного вестибюля, откуда лифтер, близнец швейцара, после нескольких фальстартов поднял Шмидта в лифте на верхний этаж. Проходите прямо туда! — сказал он Шмидту, открывая дверь. Кабина открывалась прямо в переднюю квартиры Райкеров — квадратное помещение с

белыми стенами, на которых висели освещенные утопленными в потолке лампочками гравюры, изображающие какие-то грандиозные здания. Будто не решаясь уехать, не убедившись, что привез не маскирующегося под респектабельной внешностью грабителя, а нормального гостя, который высморкается и направится прямиком на звуки веселого праздника, ирландский близнец переминался с ноги на ногу, но Шмидт задержался рассмотреть Райкерову галерею — вот тебе готовый безобидный предмет для разговора. Если бы он успел пропустить стаканчик! И почему в клубе он не заказал себе выпить — назваться можно было любым удобным именем, например, Джек Дефоррест.

Наконец звякнула, закрываясь, решетка лифта, и низкий женский голос отвлек его от раздумий.

Нравится? Это «Тюрьмы» Пиранези.[16] Не все их понимают.

Интересные. Я Альберт Шмидт.

Я так и поняла — все остальные уже здесь. А я Рената, мать Джона.

Заметив, что он попытался взглянуть на свои часы, она поспешила добавить: Вы точно вовре-

---

[16] Примечания: 16

Джованни Баттиста Пиранези (1720–1778) — итальянский архитектор и график

мя. Я попросила остальных прийти пораньше, чтобы вы увидели нас всех сразу, как на фотографии.

Крупная и статная женщина. Одета в бордовую юбку и черно-бежевый балахон из грубой ткани поверх белой рубашки с длинными рукавами, в котором Шмидт, ориентируясь на ее серебряные украшения с синими камнями, опознал индейское пончо. Ее седеющие черные волосы были собраны на затылке в узел. Шмидт отметил большие густо-карие глаза.

Мы так рады, что вы пришли, продолжала Рената, входите и познакомьтесь с вашей новой семьей… Это мой муж Майрон… Лиа и Рональд Литтманы, мои родители из Вашингтона. Обычно мы проводим День благодарения у них, но сегодня особый случай… Моя сестренка Сьюзи и ее муж Боб Уоррен, их близняшки Мэрилин и Мег.

А вот об этом Шмидта не предупреждали! Гой, такой же, как он, но толстяк. Не мелькнула ли на его губах, когда они жали друг другу руки, быстрая улыбка сообщника? Девочки были русые, неотличимые друг от друга, близорукие и похожие на отца.

Младший брат Джона Сет… И наконец, счастливая пара!

Ну да. Шмидт пожал протянутую Джоном руку и поцеловал в щеку дочь. Как славно, подумал он, я надел пиджак отца, а она — платье своей матери. Только вот Мэри никогда не пришла бы на такой обед в темно-синем. Что творится в этой аккуратной голове? Почему она не обнимет меня, не возьмет за руку, не встанет рядом?

Выпьете что-нибудь, Альберт?

Второй доктор Райкер, помельче Ренаты и более соответствующий Шмидтовым представлениям о нью-йоркском психоаналитике, выступил из фотографии. Как и Рената, он тронул Шмидта за руку. Шарлотта была увлечена беседой с родителями будущей свекрови. Как она их зовет? Лиа и Рональд? Мистер и миссис? Или какими-нибудь смешными домашними именами?

Пожалуйста, зовите меня Шмидти, отвечал благодарный Шмидт. Это ко всем относится. Только люди, пытающиеся продать мне по телефону муниципальные облигации, говорят мне Альберт или Ал. Если вас не очень затруднит, джин-мартини.

Однако затруднения, конечно, возникли. Две представительные чернокожие леди обходили гостей с подносами: одна разносила вино, красное и белое, другая — что-то вроде маленьких

ватрушек. Доктору Майрону Райкеру придется собственноручно приготовить напиток для Шмидта. Но, кажется, момент для такого альтруизма неподходящий. Бог помогает тем, кто сам себе помогает. И почему доктор не попросит принести мартини Сета, Джона или гоя Уоррена, вместо того чтобы смиренно потрусить туда, где хранятся нужные ингредиенты?

Майрон вернулся с маленьким блестящим серебристым подносом в руках. На подносе блестел крошечный шейкер, рядом — бокал для мартини. Майрон наполнил бокал — в жидкости замерцали пластинки льда. На дне бокала покоилась маслина. Приятный сюрприз. Шмидт тут же заметил Майрону, что это самый холодный и вкусный мартини, который ему приходилось пробовать в гостях.

Тогда выпейте еще, что осталось в шейкере. До обеда есть время.

Да, время. Этот обед продлится никак не меньше двух с половиной часов, а то и все три. Если взять такси прямо до автобуса — и, наверное, так и будет, поскольку Шарлотта не проявила никакого желания пообщаться после обеда, — он успеет на семичасовой рейс. И вечером съест гамбургер и выпьет сколько захочет мартини в

«О'Генри». Поздно в кровать, поздно вставать. Для старика-пенсионера тут нет ничего дурного. Купол из прозрачного хрусталя — как тонкий винный бокал, который то сожмешь в пальцах, то отпустишь, то сожмешь, то отпустишь, — опустился на Шмидта, отделив его от остальных, установив между ним и остальными достаточную, но не вызывающую дистанцию. Купол не разбился и когда он сел за стол между Ренатой и бабушкой Лией.

Последнюю, к его радости целиком захватил разговор с внуком Сетом. Шмидт верно угадал — парень тоже из Вашингтона, и, судя по всему, проводит в бабушкином доме немало времени. Может, он остается следить за домом, когда старики уезжают, а может, постоянно живет у них на заднем дворе? В данный момент у Шмидта не было ни времени, ни желания выяснять это. Он почувствовал на себе взгляд Ренаты и улыбнулся ей в ответ через хрустальную стенку.

Похоже, я слегка захмелел, сказал он. У вашего мужа такой крепкий мартини. Я приду в себя, лишь только отведаю вашей индейки.

Она улыбнулась в ответ.

Да, он у него убийственный. Он держит джин в морозилке, а вермут в холодильнике. Лед в таком

питье почти не тает. Ну и, кроме того, я думаю, вы волнуетесь.

Теперь уже нет, но волновался. Очень волновался. Даже не могу припомнить, когда меня последний раз приглашали на обед, где я никого не знаю. Может, и никогда.

Тут она рассмеялась.

Ну уж Шарлотту с Джоном вы знаете. Джон проводит у вас столько времени, что в этом доме стал уже чужаком.

Знаю ли? Понимаете, я сомневаюсь, что знаком хоть немножко с этой их ипостасью. Не представляю, как с ними себя вести. Наверное, мне нужно кого-нибудь попросить, чтобы меня им представили. Вы не могли бы?

Так грустно, что мамы Шарлотты с нами нет. Мне кажется, женщины инстинктивно видят правильную линию поведения в таких ситуациях. Она бы во всем разобралась. Ужасно, что вам пришлось одновременно переживать такое огромное горе и эту важную перемену в жизни дочери.

Вы очень добры, что прислали соболезнования. Я помню ваше письмо. Хорошее. Полагаю, в силу вашей профессии вы знаете, как правильно сказать то, о чем большинство людей вообще

не может говорить. Кажется, я вам не ответил. Я никому не ответил. И, боюсь, никогда не отвечу.

Это и не нужно. Выпейте еще Майронова вина, пока не подали шампанское. Мне кажется, Майрон собрался сказать немало тостов. И, пожалуйста, останьтесь после обеда — нам надо поговорить. У всех тут свои планы, все куда-то собираются. Мы будем одни.

Индейку разрезали на кухне. Одна из чернокожих леди несла ее вдоль стола, а следом двигалась вторая с блюдом, на котором возвышалась горка картофельного пюре, усеянного какими-то пятнышками, наверное, жареным луком. Счастливый доктор Майрон! Шмидту никогда не нравилось, стоя во главе стола, нащупывать сустав, чтобы отрезать ножку, выполнять заказы вроде: мне только темное мясо, нет, только белое, или: темное и кожу; нашаривать длинной ложкой последние остатки начинки, ждать или подниматься раздавать добавку, не успев покончить с тем, что у него на тарелке. Заговор, имеющий целью ни разу за всю жизнь не дать ему попробовать индейку прежде, чем она превратится в груду холодных объедков — вот как это называется! Шмидт отметил отсутствие ужасающего ямса. Мэри считала его обязатель-

ной частью блюда, но сама никогда к нему не притрагивалась. Развлечет ли это Ренату? Шмидт взял и рассказал ей историю про ямс во всех подробностях.

Обед начинал ему нравиться, несмотря на то, что сквозь хрустальный колокол собственный голос казался ему далеким, будто он слышал его откуда-то издалека. Шарлотта положила себе кусок индейки, и Шмидт воскликнул: Гузку, детка, не упусти гузку!

Дома они всегда оставляли ее для Шарлотты. Шмидт осаживал любого, кто смел просить гузку, и усмирял просыпавшегося в нем робина-бобина, который требовал самую вкусную часть индейки себе. Шмидт любил гузку больше всего и научил этому Шарлотту, для которой много лет подряд весь праздничный обед состоял только из гузки и десерта.

Все нормально, пап, бери ее себе. Вкусы меняются. Весь этот жир мне противен.

Она обернулась, ожидая одобрения от Джона. Шмидт вообразил, что в ответ тот под столом сжимает ее ляжку. Ну и ладно. Он возьмет себе презренную гузку — если она еще останется, когда блюдо до него донесут, — и положит двойную порцию картошки. В ожидании Шмидт снова

приложился к бокалу и допил его — вино было лучше, чем то, к какому он привык.

После обеда, ожидая в библиотеке Ренату, Шмидт гадал, не здесь ли она принимает своих пациентов: письменный стол с единственной фотографией на нем (мальчики Райкеров в белых шортах — очевидно, на отдыхе в летнем лагере — несут красное каноэ) был аккуратно прибран и выглядел слишком официально. Они с Мэри никогда не посылали Шарлотту в лагерь: боялись испортить собственный отпуск. Да и зачем, когда прямо дома самые лучшие купанье, теннис и верховая езда. Мэри хотела, чтобы Шарлотта еще ходила под парусом, и несколько сезонов подряд Шмидт честно вызывался купить маленькую парусную шлюпку, которую они могли бы поставить в Сэг-Харборе, но из этих планов так ничего и не вышло, может быть, потому, что Мэри чувствовала прохладное отношение Шмидта к ее намерению добавить Шарлотте, которая и без того всю неделю проводила на природе и у воды, лишнюю нагрузку. Всякий раз, когда они обсуждали летнюю программу для Шарлотты, Шмидт не упускал случая спросить, а будет ли у ребенка время на собственный внутренний мир? Успеет ли их девочка читать книжки? В итоге

он добился своего: девочка много читала и на каникулах, и в школе, и в колледже.

Ну а теперь Шарлотта наверстывает упущенное: не дожидаясь кофе, они с Джоном первыми поднялись из-за стола, чтобы отправиться на пробежку. И ведь это, должно быть, правда — кто бы стал выдумывать такой нелепый предлог? Наевшись индейки — О нет, пожалуйста, без подливки! — и пюре из цветной капусты, скачи галопом вокруг пруда, а то и по какому-нибудь более сложному маршруту. Интересно, а доктора Райкеры тоже восприняли это как невероятное и, по сути, недопустимое нарушение правил поведения, или в их глазах это проявление свободы, умения жить своей жизнью, которого другие молодые люди достигают лишь после нескольких лет на кушетке психоаналитика? Шмидт оглядел комнату в поисках кушетки и, разумеется, обнаружил ее слева от стола, замаскированную под диванчик со спинкой и подлокотниками, но вполне позволяющую, если убрать подушки, удобно улечься.

По-моему, обед вполне удался, но я рада, что он закончился!

Шмидт не слышал, как она вошла. Направившись прямиком к дивану, Рената переложила

подушки, точно как он это себе представил, сбросила туфли и прилегла, указав Шмидту на кресло.

Что это, смена ролей?

Усталые ноги и больные сосуды. Вы-то их не видите сквозь шерстяные колготки. Не могу больше на ногах.

Я тоже, но у меня не ноги, а спина.

Спина и у меня не ахти. Как вы смотрите на то, чтобы пройти в столовую и налить мне виски и себе, что захотите? Виски с содовой и побольше льда.

А вы не думаете, что я уже достаточно выпил?

Ну на мой взгляд, вы совсем трезвый, но это уж как хотите. А мне надо.

В буфете Шмидт нашел только скотч, но ему все равно ничего особенного не хотелось, уж точно не шампанского, которое доктор Майрон так ловко подал, когда настала пора для тостов. Если поразмыслить, так почему бы не выпить с этой дамой после праздничного обеда на День благодарения? Он отнес Ренате стакан и опустился в кресло, наблюдая, как она массирует себе ступню.

Вы не думаете, что я специально всех услала?

Почему я должен так думать? И в любом случае, не могу представить, чтобы вы организовали

это бегство Шарлотты и Джона. Думаю, вас оно изумило так же, как и меня.

Нет, это была не моя идея, но я знала, куда они собираются. Если бы Шарлотта не сказала мне об этом, тогда я попросила бы их найти какой-нибудь предлог и оставить меня с вами наедине.

А как же Майрон и остальные?

Я ничего не устраивала специально, а воспользовалась сложившейся ситуацией. Смотрите. Вот Майрон, например, счел должным навестить свою мать. Впрочем, я несправедлива, он сам действительно хотел поехать к ней. Она живет в доме престарелых в Ривердэйле. В другой день и я бы поехала с ним. Ну а моих родителей Сет повел развлекаться — представляете, они пошли на «Терминатора-2».

Правда?

Именно так. И если бы я не захотела пообщаться с вами, я тоже пошла бы, и Майрону все равно пришлось бы ехать к маме одному… Уоррены? Они только и мечтают, как бы поскорее удрать обратно в Филадельфию. Да, если бы я попросила, они могли бы задержаться и побыть со мной — ну, часик.

Закончив разминать ступни, Рената еще раз переложила подушки, уселась, сплетя вытянутые

ноги, и уставилась на Шмидта.

Ну-у, я очень польщен.

Происходит кое-что важное, и что из этого выйдет, что ждет Шарлотту и Джона, зависит в какой-то степени и от нас.

От меня и вас? А как же Майрон? А почему не от Джона с Шарлоттой?

Сейчас с вами разговаривает не Майрон, правда? Майрон умыл руки. Так что я подумала, что лучше это буду я. Ну а дети — конечно, в конце концов, им придется устраиваться самим. Я говорю только про определенный момент, который мы переживаем сейчас, и про совершенно конкретную вещь — она целиком принадлежит их отношениям, но находится в вашей ответственности. Понимаете, мне очень нравится Шарлотта. Джон часто приводит ее к нам. У нас нет своих дочерей. По четвергам мы с ней иногда обедаем вдвоем: у меня в четверг нет приема.

Приятно слышать все это. Шарлотта — мой единственный ребенок. Я тоже пытался пообедать с ней — две недели назад, — но она была слишком занята.

Она много работает. Но, знаете, мне кажется, что разговор с вами ее нервирует. Не знаю, понимаете ли вы, насколько велика ваша власть?

Ну уж!

Шмидт не курил с той самой минуты, как переступил порог Райкеров. Он потянулся за своей коробочкой с сигарильями: Не возражаете, Рената? Она не возражала. Поднялась, принесла пепельницу и, не слушая Шмидтовых протестов, вышла за новым виски.

Мои ноги уже получше, — сказала она.

Я беспокоюсь не столько о ваших ногах, ответил Шмидт, сколько о ясности нашего рассудка. Что вы собирались мне сказать?

То, что вы и так знаете, но не хотите признать. Что Шарлотта и Джон очень боятся вас и вашего осуждения.

Да уж, такому старому грибу, как я, будет за радость перепугать двух взрослых молодых людей!

Вы пытаетесь насмешничать, но это правда. Как вы думаете, зачем существуют еврейские мамаши и злые феи? Чтобы пугать и наказывать! Они говорят — или молча думают — так: Вы ни во что меня не ставили, смотрели как на предмет обстановки, вы пригласили на ваш праздник всех этих людей, а про меня забыли или вспомнили в последнюю минуту. Но подождите! У меня есть колдовство как раз на такой случай! Ведь тут не может обойтись без колдовства. Укол веретеном

повергает принцессу и все королевство в беспробудный сон. Но можно и просто изобразить такое лицо, будто ты Иисус на кресте и скорбящая Богоматерь в одном флаконе, загнать их в угол своим зловещим взглядом и сказать: Видите, что вы натворили! И сразу меркнет солнце, и пропадает всякая радость. Шмидти, вы тешитесь своей способностью напустить злые чары.

Она по-новому сплела ноги. Красивые, какие бы дефекты ни скрывались там под колготками. Шмидт докурил. Может, пора отставить свой запотевший стакан, поклониться и поблагодарить за обед и беседу? Не рискует ли он, если останется, потерять лицо, а если рискует, стоит ли его спасать? А что она скажет о нем, если он сейчас уйдет? Что скажет, если он останется? Шмидт зажег новую сигарилью и, затянувшись, решил, что пора применить терапию доктора Ренаты к самой Ренате.

Еще не так давно, начал он, я был практикующим юристом. Но когда я отправлялся куда-нибудь на обед или ужин или оказывался в компании, я считал себя обязанным оставить свои небольшие правовые познания, адвокатские повадки, и манеру выражаться за порогом. Ну скажем, у стойки для зонтов или в шкафу для

верхней одежды. Не все юристы дают себе труд так делать, и я не уверен, что у меня всегда это получалось, но я старался. Я слабо представляю, как общаются психиатры, но, насколько я понимаю, сейчас вы говорили со мной, точно как говорите с пациентами, и не так, как говорят с гостем. Может, мне и нужно лечиться, но у вас я не лечусь. И сюда я пришел не на прием.

Она улыбнулась во весь рот — и довольно весело — и для разнообразия поджала ноги. Шмидт подумал, могут ли в ее возрасте быть такие белые зубы? Может быть, изобрели новую технологию, и, если она безболезненна, ему стоит попробовать?

Наверное, самое длинное неюридическое заявление за всю вашу карьеру? спросила Рената. Смотрю, я вас серьезно разозлила.

На самом деле я еще не закончил. Вы меня перебили, и мне это не нравится. Если вы собираетесь применить ко мне свою терапию, как бы вы это ни мыслили, я позволю себе слегка применить право. Мы разобьем проблему на отдельные составляющие. Первый пункт — Шарлотта. Давайте предположим — в рамках нашего разговора, — что я тоже немного с ней знаком, возможно, не меньше, чем вы. В конце концов,

это мы с ее матерью растили ее. Так что оставим Шарлотту — или перейдем к ней в самом конце — и обратимся к пункту под названием «Джон Райкер». Вы только что заявили, что я его запугал. Хочу указать вам на полную безосновательность вашего заявления. Джон всегда был одним из моих любимчиков. Не вижу причины не сообщить вам в стенах этой комнаты некоторые факты, прекрасно известные Джону, но, возможно, не вам. Джон помогал мне так много, что, наверное, не стал бы партнером в компании, если бы я его не продвинул. Я его полностью поддержал. Из глубокого уважения к его замечательным качествам и без всякой личной корысти. Что Джон переключится на тяжбы, было решено уже тогда, и никто не мог бы обвинить меня в том, что я продвигаю его в партнеры для того, чтобы он остался в фирме и продолжал делать мою работу. Если вам так уж по нраву эти сравнения, то я для Джона скорее добрая фея-крестная: я дал вашему сыну то, чего он больше всего хотел.

Теперь вы закончили?

Нет, но я говорил достаточно долго, так что не возражаю, чтобы вы вставили слово.

Именно так Джон и сказал нам с Майроном: без вас он не стал бы партнером. Он был вам очень

благодарен, и мы тоже, вся его семья. Мы знаем, что Джон умен и много работает, но знаем также — ведь он все время это повторял, — что в «Вуде и Кинге» заработать статус партнера — только начало. И он особенно благодарен вам за то, что вы не изменили своего отношения к нему когда он стал встречаться с Шарлоттой.

Знаете, я сам их познакомил.

Но это же было ненамеренно. То есть, Джон не думает, что вы хотели, чтобы из их знакомства вышло то, что вышло: чтобы Шарлотта стала его подругой. Понимаете, все эти годы, работая на вас, он чувствовал, что вы доверяете ему и цените его, но не особенно любите. Как человека, я имею в виду. Когда они с Шарлоттой стали проводить вместе много времени, Джон боялся, что ваша неприязнь, которой вы до тех пор не давали воли, встанет у него на дороге.

Понимаю, сказал Шмидт. Вы имеете в виду, что встречаясь с Шарлоттой — если мне позволено использовать их эвфемизм, — Джон удвоил ставки. Он рисковал и сердечными делами, и партнерством в фирме. Но к чему эти страхи теперь? Он получил и девушку, и работу. Разве этого недостаточно? Чего еще он может требовать?

Он хочет видеть, что вы его приняли, что он

вам нравится. Вы промолчали, когда я сказала, что он чувствует, что не нравится вам.

Он достаточно нравится мне, чтобы я захотел сделать его партнером в фирме, и я не отказываю ему в руке своей дочери, хотя, должен добавить *entre nous*,[17] что Джон счел излишней формальностью просить ее у меня. Разве, повторяю, этого мало? Что он так ненасытен? В конце концов, он не на мне хочет жениться!

Было ли нечто низкое в этих словах? Шмидт почувствовал неловкость и досаду.

У вас странная любовь к правде. Вы знаете, что недолюбливаете Джона, и не хотите и самую капельку притвориться, намекнуть, что в глубине души он вам нравится, хотя сидите и разговариваете с его матерью, которой, очевидно, именно это хочется услышать. Но при этом вам надо, чтобы Шарлотта изображала добрую любящую дочь! Ладно, какой второй пункт проблемы?

Давление. Шмидти как идол, вселяющий ужас. Эта посылка равно безосновательна. Может быть, мы с моими однокашниками, когда были в возрасте Джона, боялись Декстера Кинга. Во всяком случае, у меня не хватало духу звать его по имени,

---

[17] Примечания: 17
Между нами *(фр.)*.

пока не миновал год или больше с того дня, как я стал партнером, хотя он бог знает сколько раз заявлял, что это нормально. И до самой его смерти я не мог сесть в его кабинете без приглашения. Ну а сегодня! Даже ребятишки, которые разбирают почту — и те, бывает, в глаза зовут меня Шмидти. И слышали бы вы, как они это произносят! А я, кстати, никогда не притворялся, будто это мне нравится! А как Джон и другие молодые партнеры спорят с Джеком Дефоррестом и теми стариками-долгожителями, что еще остались в фирме! Я не хочу сказать, что спорить со старшими партнерами по правовым вопросам или о том, как вести себя с клиентом, нельзя, напротив, именно этого от тебя и ждут с первого дня. Но эти оспаривают мнения старших о том, как правильно и справедливо должны быть устроены отношения внутри фирмы, и хотят задавать тон, не имея на то никаких оснований, кроме того, что молоды и все скоро достанется им! Ну с этим-то у меня не было трудностей. Если люди соблюдают обычные правила вежливости, оно полезнее, чтобы молодые спорили со старшими, а не поголовно подчинялись, как в приготовительной школе.

Думаю, вы немного не о том. Джон и другие молодые юристы, которые работали с вами,

побаивались вас не оттого, что вы такой заслуженный, а оттого, что они думали, будто не могут быть настолько же правы, как вы, а вы давали им понять, что тоже так считаете. Образ отца, который всегда прав и за которым всегда последнее слово, — ведь это страшно. К тому же большинство из них, включая Джона, чувствовали, что не оправдывают ваших ожиданий. Как будто вы сначала видели в них своих преемников, но слишком скоро разочаровывались.

Что ж, я ушел, и теперь у них одной заботой меньше. Но знаете, раз уж вы обсуждали все эти вещи с Джоном — кстати, вам не кажется странным, что Шарлотта никогда не заговаривала о них со мной? — то вы должны знать, что моя собственная практика перестала расти, и я уже утратил былую ценность для фирмы. Еще один довод против теории давления.

Джон никогда так не считал.

Давно не слыхал таких хороших новостей. Если бы еще это было правдой. Но правда или нет, вы подняли мне настроение, так что я, пожалуй, лучше пойду, пока вы не сказали еще что-нибудь и не испортили мне его.

Наоборот, вы должны остаться. Мы обязательно должны идти друг другу навстречу.

«Идти навстречу» не входило у Шмидта в число приятных занятий или любимых выражений. Эти слова ассоциировались у него с аффирмативными действиями,[18] которых Шмидт не одобрял, и с оправданиями, которые предлагались, когда нанимали юристов, не отвечавших уровню «Вуда и Кинга». Поднявшись, он начал прощальную, как он думал, фразу.

Рената, сказал он, вы хотите достичь слишком многого за один раз. Конечно, я не собираюсь быть злой феей или еще каким-то вредителем на свадьбе своей единственной дочери или на любом семейном торжестве, да и вообще никогда не собираюсь! Неужели мое сегодняшнее поведение дает вам малейший повод думать иначе? Считаю, не дает. С другой стороны, Шарлотта и Джон тоже не должны вести себя со мной как парочка избалованных детишек. Я одинокий человек, и недавно я пережил ужасную потерю — вы не можете оценить ее глубину, потому что не знали Мэри, — и эти двое должны относиться ко мне деликатно, ничего большего мне не нужно. Но они не хотят. Я не буду приводить вам примеры, это ни к чему. Они должны лишь чуть-чуть, по

[18] Примечания: 18

Аффирмативные действия — благоприятствование социальным категориям, ранее ущемленным в правах, оказание им приоритета.

минимуму, приспосабливаться ко мне. Я знаю, что я тоже не подарок, хоть и стараюсь вести себя прилично. То, что я иногда бываю желчным, ни для кого из них не новость, так же как и то, что я лаю, да не кусаюсь.

Ну же, Шмидти, сядьте рядом со мной на кушетку. Тут хватит места.

Как он мог не послушаться? Новая перегруппировка ног Ренаты, подавшейся к тому месту, где ему надлежало сесть, и ухмылка от уха до уха удержали Шмидта. Едва он сел, она взяла его за руку — не для того, чтобы пожать, но, очевидно, потому что ей хотелось подержаться с ним за руки. Помолчав секунду, она спросила: А какой на самом деле была ваша жизнь с Мэри?

Шмидт отнял руку, чувствуя, что краснеет.

Что за странный вопрос? И почему вы считаете себя вправе задавать его? Шарлотта жаловалась, что родители плохо ладили?

О нет. Она всегда рисовала идиллические картины, как в изысканной пьесе. Два мягких тонких человека ответственно относятся к жизни и работе, не отказывают дочери ни в чем, что «познавательно», трепетно ее любят, доброжелательны, но сдержанны в общении с другими людьми, предпочитают общество друг друга и

дочери.

Тогда я совсем не понимаю вашего вопроса. Шарлотта дала вам вполне точный, хотя, возможно, слегка идеализированный образ. Мы были респектабельной нью-йоркской парой, людьми своего времени.

Но, похоже, вы были довольно строгими, возможно, даже скованными людьми, нет?

Не думаю! Занятыми, как вы намекали, это да, и увлеченными собственной семейной жизнью. Мы не находили в своем образе жизни ничего дурного, я и сейчас не нахожу. А теперь я, пожалуй, все же пойду. Еще раз спасибо за такой удивительный День благодарения.

Не успел он встать, Рената схватила его руку. Не сердитесь, пожалуйста. Мне нужно узнать вас лучше. Для этого я должна понять, какой вы видите свою жизнь. Это потому, что я хочу помочь вам легче пережить эту ситуацию. Вы не представляете, насколько вы этим облегчите жизнь детям! Вот и все.

Мне придется стать вашим пациентом? Мне еще не приходилось.

Она рассмеялась.

Вы не можете быть моим пациентом. Психотерапевты не работают с членами собственной

семьи. Да я и не стала бы советовать вам терапию: не тот возраст. К тому же вы кажетесь вполне довольным собственной жизнью, если не считать горечи вашей утраты, но она с годами ослабнет. Чтобы пойти к психоаналитику, человек должен хотеть что-то в себе изменить. А вы не хотите, да и к чему вам, если вы сами отлично преодолеете эту черную полосу?

Во рту у Шмидта стало совершенно сухо, как бывало, когда его разозлят настолько, что он не в силах сдерживать эмоции. В стакане оставался полурастаявший кубик льда. Шмидт вытряхнул его в рот и разжевал.

Тогда в чем, сказал он, может заключаться ваша помощь?

В общении. Я помогу вам увидеть какие-то вещи, которые затрудняют вам жизнь, и вы сможете их обойти. Когда я узнаю вас лучше, я буду время от времени встряхивать вас и указывать лучшее направление.

Тут Рената отпустила руку Шмидта и легонько ткнула его в бок.

Вот так. Ничего страшного.

Ее рука вернулась, и прикосновение было теплым и нежным.

У нас с Мэри все было здорово, сказал Шмидт.

Я хотел, чтобы она меня пережила. Не знаю, как вам еще — это сказать. Да, Шарлотта вполне верно описала нашу жизнь. Мы были очень близки. Достаточно сказать, что к моменту нашего знакомства мы оба остались сиротами, оба умны, честны и крепко привязаны друг за друга.

А потом? У вас не случилось кризиса отношений после рождения Шарлотты?

Серьезных кризисов не было. Ну разве однажды — после моей глупой интрижки, о которой Мэри нечаянно узнала. Но она не стала из-за этого рушить наши отношения. Обида оставалась, но мы никогда не вспоминали о том случае и не обсуждали его, хотя ее боль, может, до конца так и не прошла. А больше ничего такого.

Ага, значит, женщина. Только одна? Других не было?

Нет.

Ложь. Он позволил Ренате играть его рукой. В его другую жизнь, что проходила, главным образом, в деловых поездках, Мэри не заглядывала. Вечером в отеле, уклонившись от ужина с клиентом или напарником или поскорее закончив такой ужин, Шмидт проскальзывал в бар и, удостоверившись, что все чисто, и коллега не сидит здесь же в укромном углу или прямо у стойки,

скрытый фигурой тучного соседа, начинал охоту. Бывали вечера, когда ничего не происходило. Но чаще ему удавалось засечь выпивающую в одиночестве даму. Женщины всех типов: проститутки высокого класса, блядовитые телефонистки, скрытые алкоголички запанибрата с барменом; среди них мог попасться кто угодно: и незамужняя парикмахерша, и библиотекарша, и жена какого-нибудь врача. Сначала пустой разговор, а потом секс в гостиничном номере, о котором он мечтал несколько месяцев, лежа в постели с Мэри. У этих женщин Шмидт получал то, чего до и после Коринн был лишен — радость от секса. Почему? Он никогда не просил Мэри о тех вещах, которых сразу просил у случайных женщин. Но почему же она сама никогда не предлагала их ему?

Нет, повторил он, из-за денег, из-за ребенка и работы мы тоже никогда не ссорились. Никаких кризисов среднего возраста. Мы любили свои профессии и знали, что хорошо ими владеем. У Мэри, конечно, была не такая спокойная работа. Борьба за власть в издательствах бывает свирепая, редактор должен чувствовать в себе силу, иначе он не сможет должным образом публиковать своих авторов.

А Мэри?

Что вы имеете в виду?

Вы ее ревновали? У нее были другие мужчины? Наверное, были — после той вашей измены?

Я не уверен, что она меня ревновала. Наверное, думала, что преподала мне урок, которого я не забуду до конца своих дней — и в некотором смысле, это так. Я больше не дал ей ни одного повода для ревности.

Вполне соответствует истине. Те случайные встречи в отелях никогда не имели последствий: ни подарков, ни писем, ни телефонных звонков. И никакого ослабления супружеского пыла. Абсолютно никаких оснований для ревности.

Ну а Мэри? Были у нее приключения?

Шмидт рассмеялся. Она ослабила хватку, и, воспользовавшись этим, Шмидт провел ладонью вверх по ее руке. Он подумал, не позволить ли себе еще немного подняться вверх — глядишь, наткнешься на грудь.

Приключения на стороне? Я всегда думал, что подобные вещи происходят на Франкфуртской книжной ярмарке и на всех этих издательских конференциях, куда ездят редакторы, или когда прекрасная редакторша едет в двухнедельный промо-тур с писателем. Но Мэри? Она была

слишком разборчива и слишком серьезна. Я и представить не мог, чтобы она участвовала в таких сатурналиях. Она не могла бы так быстро решиться. Я всегда был уверен, что после банкета она честно читает рукопись в своем номере, или отсыпается, или пишет Шарлотте очередное чудное письмо.

Еще одна ложь, впрочем, неизбежная для джентльмена. На самом деле Шмидт надеялся, что во Франкфурте, Лос-Анджелесе, Детройте и где бы еще ни делал свои дела и ни искал удовольствий американский книжный бизнес, Мэри предается осторожному промискуитету — вдруг это чудесным образом сделает ее смелее в постели? Как его попытки приучить ее трогать саму себя. Да только она была более чем разборчива — привередлива. Трудно представить, что Мэри не побрезговала бы отдаться кому попало, даже получив верный сексуальный сигнал. А для церемоний ей не хватало времени. Но, может быть, он ошибался. Может, лишь с ним она была такой, а другие мужчины укладывали ее в два счета.

Рената ободряюще похлопала руку Шмидта, гладящую ее локоть, и снова заулыбалась.

Здесь все так непросто, сказала она. Не надо забывать, например, что многих волнует возмож-

ность оказаться в постели с незнакомцем. А еще есть, например, садистские фантазии, которые люди, состоящие в браке, не хотят осуществлять со своими супругами. Что вы об этом думаете?

Я уверен, что вы правы. Вы ведь догадываетесь, что обычно я ни с кем не обсуждаю такие вещи, кроме, разве что, одного друга, которого я знаю едва ли не всю жизнь? Зачем мы сейчас говорим об этом?

Думаю, потому, что я вас завела, и вы поняли, что разговор с психоаналитиком о сокровенном может доставлять удовольствие. Сомневаюсь, что у вас много возможностей свободно говорить об этом — только с тем другом, и все. Мы пока особенно не продвинулись, потому что вы не были честны, но, должна сказать, вы меня страшно заинтересовали.

Да что вы? Я думал, я самый заурядный человек.

Это также может быть интересно само по себе. А Джон верно говорит, что у вас с Шарлоттой больше нет родных?

Именно так. Мэри с детства сирота. Тети, которая ее вырастила, уже нет. Мой отец умер, когда мне было сорок с небольшим, мать — и того раньше. У каждого из них есть двоюродные братья

и сестры и, пожалуй, какие-то дядья, но мои с ними не дружили. И не поддерживали связь. Не припомню, чтобы на похороны отца приезжал кто-то из родни. С другой стороны, в большой розовой вилле в Уэст-Палм-Бич живет моя мачеха, которая вполне здорова и благополучна и, по ее собственным словам, едва ли не моложе меня!

Джон никогда о ней не говорил, и Шарлотта тоже.

Ну а чего ради им это делать? Шарлотта своего деда не помнит, а с Бонни — так зовут мачеху — я общаюсь от случая к случаю. Вот когда умер отец, я приезжал забрать одежду, которую он мне оставил, да еще она мне вручила набор каких-то его вещей, видимо, тех, что ей не нравились, нашла способ отделаться; я не стал об этом задумываться. Мы одно время переписывались — по письму раз в год, под Рождество.

Шмидт замолчал и отнял руку. Дорогая Рената, предложите мне еще капельку виски. Я не против рассказать вам эту историю: это все было уже так давно.

Налейте сами. Я так расслабилась.

Ага. Ну так вот. Отец, понимаете, лишил меня наследства — он все оставил Бонни, включая мебель, которая принадлежала нашей семье

много лет. Бонни не та тема, которую я стал бы обсуждать с Джоном. Да и с Шарлоттой-то, наверное, никогда не обсуждал. Бонни принадлежит прошлой жизни, тому времени, когда я учился в университете, начинал практиковать. Все это осталось позади, когда я встретил Мэри.

Наверное, очень обидно, когда тебя лишают наследства!

И да, и нет. Кстати, подходящий предмет для нашего разговора — история семьи, наследство, скелеты в шкафу. Мы ведь должны обсуждать особенности моего детства. Мать у меня была ипохондрик, которому и в самом деле не повезло со здоровьем: время, свободное от приступов мигрени и радикулита, она проводила в больницах, где от нее отрезали один орган за другим: желчный пузырь, часть почки, щитовидную железу — все, что можно, — и наконец все женские принадлежности. Сильнее ипохондрии была в ней скупость. Мы жили в Гринич-Виллидж, всю работу по дому делали у нас ирландские служанки. И, поверите ли, мать, даже когда приходила в себя после операции, которая оказалась для нее последней, не разрешала отправлять служанок за покупками: боялась, как бы они не переплатили за яйца или за картошку, или за масло — такого она бы не

пережила. Яйца она считала каждый день, чтобы убедиться, что девушки съедают не больше двух штук. Для такой скупости не было абсолютно никаких причин. Отец был главой небольшой и преуспевающей конторы, практиковал морское право. Фактически единственным ее собственником: партнеры там только звались партнерами, а на деле были просто наемными сотрудниками. Еще не ушли те дни, когда заниматься морским правом в Нью-Йорке было выгодно, так что мы жили в красивом доме на хорошей улице, но притом будто бы в диккенсовской нищете. Я ходил в иезуитскую школу на Парк-авеню, учеба там не стоила почти ничего, но образование давали основательное. Отец обедал в Городской ассоциации,[19] а ужинал с клиентами-судовладельцами там, где захочется клиенту. На дворе стояла эпоха шикарных судовладельцев: греки, почти все — родственники друг другу, норвежцы и даже одна чешская леди, которая сколотила состояние, покупая старые негодные корабли и отдавая их во фрахт под грузы для Корейской войны. Разумеется, мать не контролировала отцовские деньги,

[19] Примечания: 19

В крупных городах США — общественная организация, объединяющая представителей компаний и фирм, располагающихся в городском центре.

так что он хорошо одевался — в традициях уолл-стритовских юристов — и за столом с этими магнатами выглядел вполне достойно. В отпуск родители никогда не ездили. Отец полагал, что это уронит его авторитет в фирме. Когда мать умерла, я только поступил в колледж. Отец совсем расклеился, хотя они всю жизнь ругались — из-за денег. Например, он коллекционировал голландскую оловянную посуду, и каждая купленная им кружка была матери как нож в сердце. Так или иначе, отец, думаю, продолжал бы свою привычную жизнь, разве что больше покупал бы оловянной посуды, но тут на сцене появилась Блестящая Бонни. Вдова одного мелкого греческого судовладельца, который породнился с какой-то ветвью клана Кулукундисов, но сама — стопроцентная американка из Нэшвилла с незабвенным и невыносимым акцентом; отец исполнял завещание ее мужа и, возможно, управлял его имуществом. Всегда хорошо в дополнение к обычной работе по сделкам взять в свои руки исполнение завещания. Мало что может привязать к тебе клиента лучше, чем та мысль, что после его смерти ты будешь распоряжаться всем, что он имел. Муж Бонни скончался скоропостижно, и мой отец стал его душеприказчиком, ну а

дальше — простое и логичное развитие событий. Ах, что за жизнь началась у них с Бонни! Я думал, что мать ворочается в гробу, как цыпленок на вертеле, всякий раз, когда отворялась сокровищница Шмидта: распотрошить дом, оформить и переоформить интерьер, выписать дворецкого прямиком из Гонконга, оплатить ложу в опере, ну и так далее без конца. Вдобавок отец перестал одеваться у «Братьев Брукс» и стал шить у самого дорогого нью-йоркского портного. Все его вещи, которые я теперь ношу, оттуда. К счастью, у нас был один размер, и только в последние пару лет он набрал немного лишнего веса. Ну а потом он умер, отписав, как я вам уже сказал, все, что у него оставалось, своей Бонни. А это были немалые деньги, потому что он до конца жизни продолжал хорошо зарабатывать, а до Бонни никогда ничего не тратил. В тот момент мне показалось, что я получил незаслуженный пинок под задницу, но я это пережил и признаю, что отец обязан Бонни счастливейшими годами своей жизни. Кроме того, он, наверное, думал, что я его предал.

Как это?

Его контора была из тех, что переходят по наследству от отца к сыну. Никогда не говоря этого вслух, отец предполагал, что я возьму дело в свои

руки. Я был хорошим студентом, после выпуска работал сначала в Апелляционном суде, потом в Верховном, и вот меня начали звать к себе солидные фирмы, вроде «Вуда и Кинга». Конечно, отец не мог сказать мне: Не ходи к ним, работай у меня. Он понимал, что это смешно. Но, знаете, я думаю, он верил, что, понабравшись опыта в большой фирме, я в конце концов попрошусь к нему. Но время шло, и я не выказывал намерения сделать это, а он был гордый и не стал бы просить. Ну и ничего не произошло — и только став партнером у «Вуда и Кинга», я услышал от Декстера Кинга, что за несколько лет до того в Городской ассоциации он столкнулся с моим отцом и тот спросил, доволен ли он мной. Декстер отвечал, что я на верном пути, и он не видит причин, чтобы мне с него сбиться. На жаргоне адвокатских контор это означает: Ваш малыш станет партнером, как только придет его очередь, и обычно, услышав такое, отец малыша угощает собеседника «виски-сауэр», но мой отец вместо этого, к вящему удивлению Декстера Кинга, развернулся и зашагал прочь.

О, какая история! Мой дорогой Шмидти, я хочу продолжения. Может, останетесь у нас и пораньше пойдем доедать холодную индейку?

Индейку? Я хочу вас поцеловать.

Я знаю, но это неудачная мысль. Не надо отвлекаться. А потом, скоро все вернутся.

Вы правы. Это просто внезапное желание. Как в песне «Новые фантазии — странные фантазии…» Спасибо за холодную индейку. Наверное, я лучше попробую успеть на автобус. А что мы будем делать дальше, доктор?

Мы станем лучшими друзьями. А когда я вас увижу? Вы приедете в город пообедать со мной?

В один из ваших четвергов? Не знаю. Я предложу Шарлотте, чтобы они с Джоном пригласили вас к нам в деревню. Вам надо увидеть дом, в котором я пока еще живу. Я сейчас скажу вам кое-что, и пусть это будет нашей с вами тайной, поскольку я еще не говорил этого Шарлотте. Я собираюсь отказаться от своего пожизненного права и подарить дом ей на свадьбу. И они с Джоном станут в нем хозяевами.

Шмидти, давайте поговорим прежде, чем вы ей это сообщите.

Может, и поговорим, но я уже все решил. Никогда не был так решительно настроен.

Вдоль 57-й Улицы дул сильный западный ветер. Шмидт шел, наваливаясь на ветер всем корпусом, сжав руки в карманах брюк в кулаки. Третья

авеню как вымерла. Такси, что с зажженными табличками «В парк» проносились одно за другим в сторону моста, удалось поймать только на Лексингтон-авеню, чтобы доехать до 41-й Улицы, где уже поджидал чумазый автобус. Шмидт сел у окна, вынул из кармана «Попечителя»,[20] нашел место, где остановился, и стал читать. Да, господин Хардинг определенно знал, как понравиться людям, и умел уживаться со своей семьей в одном доме. Отчего одни получают этот дар при рождении, а другие — нет? Надо спросить доктора Ренату, когда они встретятся. А это невозмутимое целомудрие! Автобус тронулся, и водитель выключил свет в салоне. Лампочка над креслом светила слишком тускло. Шмидт выключил ее, положил книгу на колени, подозвал кондуктора, чтобы его не беспокоили, расплатился и заснул.

Он проснулся нехорошо, с дурным вкусом во рту. Откуда-то воняло, и Шмидт проснулся именно от зловония. Открыв глаза, он увидел, что рядом сидит какой-то человек. Мужчина его роста, только куда более крупный. Одет в поношенный и грязный, слишком тесный для его габаритов твидовый пиджак той же расцветки,

---

[20] Примечания: 20

Роман (1855) классика английской литературы Энтони Троллопа (1815–1882).

что и у Шмидта. Под пиджаком толстый свитер, как с армейского склада, грязная фланелевая рубашка и дочерна засаленный оранжево-розовый галстук. Человек спал, из его приоткрытого рта сбегала на подбородок струйка слюны. Шмидт сразу подумал, что слюна течет оттого, что во рту у человека почти не осталось зубов, как у стариков-курдов, фотографии которых печатают в газетах. Хотя человек совсем не казался старым, может, чуть постарше Шмидта. Если отвлечься от жуткого рта, у него было хорошее английское или немецкое лицо: глубокие глазницы под крепкими надбровьями, выдающийся нос, небольшие, аккуратной формы уши, прочный череп — пассажиры авиалайнера, попавшего в переделку над Тихим океаном, разом успокаиваются, увидев такое лицо у проходящего по салону капитана. Между ног соседа стояла трость. Человек поерзал на сиденье и выпустил газы. Заряд извергся серией продолжительных взрывов, сопровождавшихся громким урчанием и журчанием в животе. Слабая улыбка облегчения — как у младенца, который только что отрыгнул — на миг осветила лицо пассажира. Запах клоаки был невыносим, но не он, а другая тошнотворная вонь разбудила Шмидта и продолжала мучить его. Может, чело-

век прячет в кармане кусок гнилого мяса или у него гноящаяся рана на ноге или еще где-нибудь под одеждой? Простое скопление старой грязи и пота, думал Шмидт, просто не может так смердеть. И почему в. практически пустом автобусе этот человек сел рядом с ним, вместо того чтобы с комфортом развалиться на двух сиденьях?

Шмидт понял, что нужно удирать. Непонятно только, как. Жирные ляжки соседа занимали все пространство перед ним, а перешагнуть через них Шмидт не отваживался. Видимо, мужика придется потрясти и попросить подвинуться. Так Шмидт и поступил. Человек еще раз выпустил газы и спросил: Кишечник понуждает или мочевой пузырь?

Шмидту показалось, что, говоря это, человек подмигнул.

Ни то, ни другое. Пожалуйста, поднимитесь на секунду. Я хочу пройти.

Фу-ты, ну-ты! Полюбуйтесь-ка, пройти он хочет! А в чем дело-то? Не нравится сидеть рядом?

Он затрясся в смехе и поудобнее устроился на сиденье, положив руки в трикотажных перчатках, каких Шмидт не видел уже много лет, с тех пор как Шарлотта надевала похожие на уроки верховой езды, на рукоять трости. И снова — в

этот раз уже не было никаких сомнений — подмигнул Шмидту.

Сэр, я с вами незнаком и не хочу с вами разговаривать. Я хочу только выйти отсюда. Будьте добры, уберите ноги с прохода!

Тот поджал губы: Хю-хю!

Его смех, а может, его рот по странной ассоциации напомнили Шмидту первого судью, перед которым пришлось выступать: тот отклонил — хю-хю — рутинное, не предполагавшее прений предложение исправить возражения против иска. А потом сказал: Вы что, молодой человек, не слышите меня? Сядьте-ка на место! Судья вел себя абсолютно нелогично, и Шмидту стоило тогда большого труда добиться своего, но что делать теперь? Еще час терпеть зловоние и глумление этого бродяги? Вызвать кондуктора, девочку-подростка, что сидит рядом с шофером, и привлечь к делу самого водителя?

Выпустите меня! сказал Шмидт бродяге. Я не могу терпеть. Мне нужно сию же минуту в туалет!

Так-то лучше. А теперь — волшебное слово!

Пожалуйста.

Человек поднялся и вылез в проход. Шмидт стал протискиваться мимо него, и в этот момент

бродяга обхватил его руками и, не пуская, поцеловал где-то возле уха. Когда ты вежливый, ты мне нравишься, прошептал он. Я тебя люблю как брата!

В биотуалете Шмидт вымыл руки и лицо. Пробираясь по проходу в начало салона, он глянул на того — как будто дремлет. Водитель, здоровенный негр, слушал карибское ток-шоу из транзистора в кармане рубашки. Места позади шофера были свободны, туда Шмидт и сел. «Попечитель» валялся на полу где-то у покинутого кресла. Шмидт не собирался возвращаться туда, чтобы разыскать грошовую книжку. Едва автобус затормозил в Саутхэмптоне, он выскочил и бросился к парковке у автостанции — и только запершись в своей машине, решился обернуться. Того пассажира нигде не было видно, должно быть, поехал дальше. Шмидт выждал, пока пройдет сердцебиение, завел мотор и выкатился с автостанции на шоссе. И тут в лучах фар увидел — тот, из автобуса, энергично шагал по обочине дороги на восток, помахивая тростью и довольно кивая себе головой.

V

Все утро Шмидт прождал звонка от Шарлотты. Конечно, ей захочется сказать ему, как она рада, что его первая встреча с Райкерами прошла так хорошо. Вот она позвонит и скажет: Папа, я тобой горжусь — ты так здорово выглядел в этом старом пиджаке. А он в ответ расскажет, как они с Ренатой договорились, что на выходных Райкеры приедут посмотреть дом. Шмидт презирал людей, которые, прощаясь с хозяевами в дверях, легко и непринужденно приглашают — приходите поскорее к нам на обед, побывайте у нас на даче, давайте как-нибудь сходим в кино, на пляж и прочее — и тут же забывают о своих словах. Он пригласил Ренату — это значит, у него есть незаконченное дело, которым он немедленно займется, скажем, когда станет писать или звонить ей» чтобы поблагодарить за праздничный обед. Обычно в таких случаях он предпочитал писать, чаще всего на одной из открыток, которые собирал на случай, когда ему вздумается хитро намекнуть кому-то на то или иное событие, но в этот раз, чтобы выказать свое расположение,

выбрал звонок. Шмидт чувствовал расположение к этой женщине, он думал о ней. Офис Шарлотты, как предполагал Шмидт, в пятницу после Дня благодарения был закрыт, но она все равно могла пойти на работу, как молодые юристы из «Вуда и Кинга». На миг он представил ее себе в тренировочном костюме и кроссовках, с маленьким аккуратным рюкзаком за плечами — казалось, этот рюкзачок сопровождает ее повсюду, — в который она сложила свои бумаги, йогурт и банан. Впрочем, в любом случае сегодня они с Джоном, наверное, поспят подольше. Глупо ждать ее звонка раньше одиннадцати. Но, с другой стороны, ведь ей, наверное, не терпится узнать, какие у него впечатления от обеда; она, конечно, рассчитывает услышать, что он получил большое удовольствие. Он будет рад сказать ей это, ведь это все равно что потрепать ее по волосам или по щеке, к тому же он старается поладить с Райкерами. В четверть второго Шмидт набрал прямой рабочий номер Шарлотты. Шесть тоскливых гудков, и включается автоответчик: Это «Райнбек Ассошиэйто, мы сегодня закрыты, нажмите единицу и наберите внутренний номер или первые четыре буквы имени сотрудника, которому вы звоните, и оставьте сообщение на голосовую

почту. Нет, он не станет записывать для Шарлотты радостный отеческий лепет, которого она, может, и не услышит до самого понедельника. Вместо этого Шмидт решил позвонить ей домой. Неторопливый голос Джона Райкера сообщил, что Шмидт может говорить сколько хочет. Что за черт! Побагровев, Шмидт сообщил в трубку, что это звонил он. Уехали! А может, пришло ему в голову менее обидное объяснение, они еще спят? Именно поэтому автоответчик у них включился сразу же.

Шмидт нашел в справочнике телефон Райкеров-старших, если бы их не оказалось дома, это стало бы последней каплей. Незнакомый голос — наверное, секретарша, ведь держать медсестру психотерапевту ни к чему — попросил Шмидта назвать свое имя и телефон: доктор Майрон Райкер или доктор Рената Райкер свяжутся с ним, как только смогут. Отлично, такая формулировка ему по нраву. Альберт Шмидт звонит сказать, что обед в День благодарения был замечателен. Я вскоре позвоню снова или напишу, если доктор Райкер или доктор Райкер не свяжутся со мной прежде. В общем, это была глупая затея, обреченная на провал: интересно, подходит ли хоть. один манхэттенский психиатр к телефону?

Просто, наверное, существует еще один, тайный, номер и телефон, который звонит где-то в глубине квартиры.

Полдень. Посыпался мелкий частый дождик. Почему бы не нарушить дневной запрет на алкоголь? Никто не узнает, да никому ведь и дела до этого нет. Шмидт налил себе лошадиную дозу бурбона, бросил льда, снял и положил на стол телефонную трубку, взял томик Анаис Нин,[21] которую обычно читал в таком настроении, и со стаканом в одной руке и книжкой в другой отправился в спальню.

[21] Примечания: 21

Анаис Нин (1903–1977) — американская писательница, автор эротической прозы.

VI

Отец Шмидта не особенно беспокоился о воспитании или образовании единственного сына. Если бы кто-нибудь спросил его, почему, он с равной вероятностью мог бы ответить, что слишком занят или что у сына, как он видит, пока и так все хорошо. Но вести дневник отец научил Шмидта, едва тот освоил письмо.

Человек должен ответственно распоряжаться своим временем, сказал отец. Если тебе нечего записать, значит, время прошло впустую. Каждый день записывай, что ты делал и сколько отняло каждое дело.

Спустя много лет, когда отец уже давно умер, Шмидт, думая о тех словах отца, понял, что старый законник, возможно, не вполне это сознавая, имел в виду что-то вроде ежедневного табелирования, которое есть святая обязанность каждого юриста, который рассчитывает получать за свою работу деньги. Но поскольку ты еще школьник, приходится делать на это скидку, и вот ты пишешь: Еда — один час пять минут, личный туалет — семь минут, посещение школы (вместе

с дорогой) — около восьми часов… и так далее. Конечно, в бумагах отца, когда Шмидт разбирал их с адвокатом, исполнявшим завещание, никакого дневника не обнаружилось: хроника деяний старшего Шмидта осталась в документах фирмы да в счетах, которые получали его клиенты. За профессиональные услуги и консультации, оказанные в связи с арестом «Ифигении» в Панама-сити и ее продажей за долги и за другие подобные приключения.

Пока Шмидт жил с родителями, очередной дневник — неизменно школьная тетрадка на пружинке, с обложкой из желтого картона, потому что отец даже вначале не потрудился предложить какую-нибудь книжку попривлекательнее — всегда лежал всем доступный в нижнем ящике комода, справа от стопки трусов. Исписанные тетради копились на полке в чулане. Шмидт понимал, что его дневник будут читать — и не видел смысла прятать его. У матери был нюх на разного рода свидетельства его грехов, и она регулярно рылась в его вещах, нисколько того не стыдясь. Так что все эти годы дневник Шмидта состоял из упражнений в лицемерии (такие ханжески-сентиментальные записи должны были ублажить мать, потрафляя ее тщеславию) и оттачивания

слога: кратких, но точных и раз от раза все более емких описаний того, что мог бы сделать или увидеть сегодня образцовый мальчик, окажись он на месте Шмидта; так всегда можно было дать удовлетворительный ответ отцу, если за обедом тот ни с того ни с сего спросит, не забываешь ли ты вести дневник Если бы он не считал нужным врать и если бы не исписывал надлежащего числа страниц, мать поставила бы это ему на вид. Отцу же никогда не приходило в голову спросить ее, откуда ей известно содержание Шмидтова дневника, а Шмидту — что он мог бы хоть как-то воспротивиться слежке.

После смерти матери Шмидт поспешил избавиться от этих скрижалей собственного унижения. Тетради заполнили несколько больших пакетов, которые он выбросил в мусорный бак у соседнего дома на Гроув-стрит вместе с еще одним пакетом поменьше, куда он побросал собственные детские и подростковые фотографии, те, что в рамках стояли в материной спальне или хранились в ее альбомах и коробочках с сувенирами и мелочами, письма, которые он писал ей из лагеря, и посвященные «Моей дорогой маме с любовью» стихи, над сочинением которых он корпел перед каждым Рождеством и днем ее

рождения и преподносил каллиграфически переписанными на кремовой бумаге, которая должна была напоминать пергамент.

На втором семестре первого курса, уступив настоянию Гила Блэкмена, который по специальному разрешению посещал предназначенный для аспирантов курс поэзии символистов, Шмидт прочел «Mon coeur mis a nu»[22] Бодлера и том избранных мест из дневников Кафки и снова — со смутным чувством благодарности к отцу, который заставил его приобрести эту привычку — стал вести дневник. У Шмидта хватало ума осознать, что он никогда не будет писать, как эти авторы, но из их текстов он понял: дневник помогает сформулировать какие-то мысли и многое понять в себе и в жизни. С годами стремление изливать душу ослабло, и он лишь иногда обращался к дневнику, главным образом для того, чтобы зафиксировать события — конечно, не в том смысле, в каком предполагал это в свое время отец, — по горячим следам или, по крайней мере, описать свое отношение к ним.

После смерти Мэри, оставшись один, Шмидт убедился, что вести дневник — это еще и при-

---

[22] Примечания: 22
Первая часть «Интимных дневников» Ш. Бодлера

ятное занятие, которое не стоит ничего, и более достойный, нежели разговаривать вслух в пустом доме, способ разбить тягостную тишину. Он стал усердно писать. И, на взгляд любого человека, задумывавшегося о тех силах, которые играют нами и бьют нас, писал он вполне достоверно.

Воскресенье, 1 декабря 1991

Вчера задремал. Когда проснулся, было уже темно. Принял ванну. Потом, совершенно взбодрившись, пошел на кухню и заварил себе чаю. Только тогда увидел, что телефонная трубка так и лежит на столе. А вдруг она звонила? Или кто-то еще? Положил трубку на телефон, и тут он внезапно зазвенел. Конечно, Шарлотта. Говорила голосом маленькой девочки — так она говорит со мной, когда хочет показаться особенно милой. Говорит все те вещи про обед, которые я и ждал от нее услышать, избегая торжествующих замечаний о квартире Райкеров, их хорошем вкусе, о том, какие они утонченные и проч. Я *спросил,* как ей идея пригласить Райкеров на уик-энд. Она быстренько посовещалась с Джоном — закрыв микро-

фон ладонью — и сказала, что это здорово. Я, конечно, должен их пригласить. Только просила не звать на выходные перед Рождеством: у них с Джоном будет много дел в городе. Тут она вспомнила и о самом Рождестве. Конечно, они будут праздновать его с родителями Райкера: это так важно для всей семьи. Я сдержался, не стал говорить, как смешны в ней эти заботы и так далее, или что по тому, какую важность мы придаем этому празднику, мое Рождество должно стоять выше Рождества Райкеров. Наоборот, я мычал в трубку, пусть не согласно, зато вполне дружелюбно. Вдруг Шарлотта сказала, что со мной хочет поговорить Джон. Ладно.

Шмидти, ты придешь к нам на Рождество? Мы поедем в Вашингтон к бабушке: как познакомился с Шарлоттой, я там ни разу не был. Дед с бабушкой очень хотели бы, чтобы ты приехал тоже.

Я сказал ему правду: это выше моих сил (не всю правду, поскольку я не добавил: Даже если бы я этого хотел). Не могу представить, как можно поехать

куда-то праздновать Рождество без Мэри. Нет, только не на шумный семейный праздник, не в этом году. Я попросил его не беспокоиться обо мне: я не собираюсь просидеть Рождество в четырех стенах наедине со своими думами. Может, уеду за границу туда, где не бывает Рождества. Это вдруг пришло мне в голову в разговоре, и я сказал. Хороший выход, если придумаю, куда поехать.

Трубку берет Шарлотта. Они определили дату свадьбы — первая суббота июня. Июньская свадьба. Хорошо? Туг я снова прослезился. Она сразу это поняла. Я сказал, чтобы она не обращала внимания — я стал слишком сентиментальным. Мы устроим прекрасную романтическую свадьбу — в это время сад красивее всего. Тонет в свежем цвету. Наверное, сегодня уже пора заботиться о столе и вообще обо всем, что требуется для банкета.

Это удобный момент, чтобы заговорить о доме. Я спокоен, в моей душе не осталось и следа обиды, так почему бы не решить все это сейчас? Она выслушала меня, не перебивая, и спросила: А зачем это нуж-

но? Конечно, такой щедрый подарок, но, с моей точки зрения, он ничего не улучшит, почему не оставить все как есть?

Умная девочка. Я сказал, что дом для меня слишком велик (что неправда — я *люблю* большие дома), что он угнетает меня (в общем, это так, но какой не будет угнетать?).

Они пошептались, снова зажав трубку. Потом Шарлотта говорит, что они мне перезвонят.

Я налил еще чашку чаю. И на этот раз добавил туда рому.

Следующий разговор начал Джон. Хотел узнать финансовую подоплеку дела. Я сказал, что она проста: Шарлотта получит дом и почти все, что в нем сейчас есть, но когда я съеду, содержать дом и платить налоги придется им. Он спросил, смогут ли они, тем более, что они собрались купить квартиру в городе. Я ответил, что это справедливый вопрос, и они должны все хорошенько обдумать и сказать мне. Ну и на тот случай, если вдруг Джон не представляет себе всей механики налоговых выплат с дарения и за недвижимость

и, соответственно, не представляет, что за царский подарок этот дом, я объяснил ему всю схему. Но он тоже умен. Когда ты все это проделаешь, спросил он, не будет ли все нам еще труднее? Нам не нужен собственный загородный дом. Забудь ты об этом пожизненном праве — это ведь не более чем формальность. Мы будем приезжать и уезжать, как сейчас. Когда понадобится, поучаствуем в расходах.

Я говорю ему, что они оба восхитительны и что он должен рассказать мне их денежный оборот. А себе я сказал, что и в самом деле нужно хорошенько просчитать, стоит ли мне упорствовать.

Что ж, дело сделано. Разумеется, я не собираюсь взваливать на них непосильную ношу, но мне кажется, что мой план, хоть и родившийся от злости и отчаяния, на самом деле — наилучшее решение для всех. Если я останусь тут жильцом/дворником/хозяином/отцом/комендантом — или в каком бы порядке ни перечислять эти роли, — будет ли мне и нам всем спокойно? Будь со мной Мэри, все устроилось бы: мы жили бы своей жизнью и не мешали

бы жить Шарлотте с Джоном, и никому не пришлось бы идти на жертвы. А какая жертва будет больше: уйти или остаться?

Я налил еще чаю с ромом и почувствовал, что слегка проголодался. В доме не было никаких фруктов или овощей, только мои разлюбезные сардины да швейцарский сыр.

Снова телефон. На этот раз Рената Райкер. Очень мило с моей стороны. Следующие выходные подходят как нельзя лучше. Может быть, их привезут Джон с Шарлоттой. Чао!

Я надел синий блейзер — все-таки суббота, да и устал я слоняться в свитере — и поехал в «О'Генри». Там полно народу. В баре я выпил один за другим два бурбона, стоя за двойной стеной незнакомцев, пока хозяин, наконец, не сподобился меня усадить. Я шел за ним по пятам, уставившись ему в спину: не хотелось здороваться и вступать в разговоры. Столик был из тех, что обслуживает Кэрри, но меню мне принес какой-то здоровенный малый с соломенными волосами, намазанными какой-то дрянью, и с большим кольцом в

ухе. Верхний край ушной раковины тоже был безжалостно проткнут двумя сережками поменьше, но такими толстыми, что, должно быть, если их вынуть, через дырки будет видно свет. У Кэрри выходной, заметил он, она работала две смены на День благодарения.

Видимо, я у них тут стал предметом сплетен а вернее, насмешек. Иначе с чего он взял, что мне это интересно и что я знаю, как ее зовут?

Среда, 4 декабря 1991

Было еще два выхода в ресторан. Уже с Кэрри. Первый раз хозяин, второй — официантка, которая рассаживает клиентов, когда хозяина нет или он не расположен шевелиться, проводили меня к одному из столиков Кэрри без всяких просьб с моей, стороны. Может, это нормально, когда приходишь относительно часто и все время один?

С этим размещением, которое меня смущает и радует вместе, чувствую себя слегка дураком. Смущаюсь оттого, что я, кажется, стал тут завсегдатаем, как

Мойры, которые оживляются, когда я прихожу, но пока не выразили намерения пригласить меня к своему столу. Насколько я могу угадывать чувства окружающих, я для них фигура комическая: стареющий мужичок, не придумавший себе лучшего занятия, чем зависать в баре да увиваться за хорошенькой официанткой, которая годится ему едва ли не во внучки. Ну а удовлетворение, едва ли не гордость оттого, что она ведет себя со мной так, будто рада мне почти так же, как я рад ей. Конечно, я учитываю ее профессиональные обязанности. Она хорошая девочка и, думаю, относится к ним серьезно.

Официантки должны быть приветливы с посетителями.

Но при всем этом в ее поведении есть что-то сверх профессиональной приветливости. Например, мне кажется, что она любит со мной болтать. Может, ей нравится, как я с интересом слушаю, что она говорит, меня всегда считали человеком, который умеет слушать, хотя обычно я только изображаю внимание, а мысли

мои далеко. Более того, вчера вечером, когда я был так несчастен, она пришла мне на выручку. Наверное, ей, как бойкой девчонке из Бруклина или Бронкса — стыдно, не помню, откуда она, — это ничего не стоило, но дело в том, что она защитила и успокоила меня, как своего друга.

А произошло вот что: я поднял глаза от стола — Кэрри только что принесла кофе — и вижу: на тротуаре, прижавшись к стеклу, в каких-то пятнадцати футах от меня стоит тот, из автобуса, и смотрит. На нем был тот же пиджак, только под ним, видно, добавился еще один слой свитеров, потому что пиджак просто трещал по швам и пуговицы, казалось, вот-вот готовы были отлететь, — а на уши натянута маленькая вязаная лыжная шапочка свекольного цвета. Увидев, что я его заметил, он тут же осклабился, широко открыв совершенно беззубый рот, и подмигнул мне. Маленькие нехорошие глазки. Мое лицо, должно быть, окаменело, поскольку его улыбка тут же погасла. Он поджал губы и укоризненно

покачал головой, разочарованный такой холодной встречей. Потом, выразительно подняв правую руку, показал мне средний палец. Вместо жокейских перчаток на нем были темно-синие шерстяные митенки, закрывающие пальцы только до середины — такие я раньше видел только в кино, на руках нищих девятнадцатого столетия да могильщиков, — и я разглядел его длинные обломанные ногти, залепленные грязью. Ужас? Отвращение? Я не сразу смог заговорить, и голос у меня хрипел, почти как у Кэрри. Посмотрите! воскликнул я. Посмотрите, посмотрите на него!

Опять он! ответила Кэрри. Главное, не обращайте внимания. Внимания-то они и добиваются.

И она энергично погрозила ему кулаком, прогоняя.

Звучит невероятно, но тот уронил руку и нехотя двинулся прочь, покорившись, оглядываясь на меня — а может быть, на Кэрри — и что-то бормоча себе под нос. Потом ускорил шаги, замахиваясь тростью на воображаемого врага, перешел

дорогу и скрылся во тьме за ресторанной стоянкой. Мои руки бессильно лежали на столе. Я их не чувствовал, вот только они сделались жутко холодными. Наверное, я дрожал, и Кэрри это увидела. Она положила свои руки на мои и прошептала: Вам нужно согреться. Я принесу горячего кофе.

После этого мы не говорили, потому что она все время сновала между кухней, кассой и столиками, принимая заказы, разнося счета, убирая посуду. Когда минут через пятнадцать я стал расплачиваться, она спросила, на стоянке ли моя машина, и когда я ответил, что да, она вызвалась проводить меня.

Мы вышли из ресторана в ночной холод, как отец и дочь, мое шерстяное пальто у нее на плечах. В темноте она видит, как кошка: сразу подвела меня к моему «саабу». Я спросил, встречала ли она того раньше. Бывает, всякие бродяги и сумасшедшие, ответила она, приезжают сюда из города на автобусе и околачиваются в округе. Но ответ ее почему-то звучал неискренне и напряженно. Когда я сел за

руль, но еще не успел захлопнуть дверцу, она ткнула меня в плечо и сказала: Эй, только приходите поскорей, ладно?

Пятница, 6 декабря 1991

Всю ночь снились кошмары. После завтрака я позвонил в полицию, сказал оператору, что уже тридцать лет поддерживаю местную ассоциацию добровольных помощников полиции, и попросил соединить меня с кем-нибудь из дежурных. К телефону подошел сержант Смит — родство наших фамилий, на которое я ему указал, казалось, его тронуло. Я рассказал про бродягу из автобуса и про его интерес ко мне, сказал, что опасаюсь, поскольку живу один в большом доме вокруг никого, а тот человек может рыскать где угодно. Смит попросил меня подробно описать бродягу и, записывая, заметил, что это, похоже один из тех чокнутых, которых отпускают из психбольниц, когда не хватает места или денег. Думаю, так оно и есть. Потом сержант сказал, что с такими приметами мужика рано или поздно обязательно задержит патруль.

Ему могут предъявить обвинение, но при нынешней судебной практике лучше просто заставить его «покинуть район» и постараться, чтобы у него никогда не возникло желания вернуться.

Он добавил, что возьмет дело под свой личный контроль, и оставил мне номер телефона, по которому с ним можно связаться напрямую. Я поблагодарил его слишком надрывно.

Позже, прогуливаясь по берегу — как всегда, вокруг ни души, яркое солнце, большие волны, разбиваются вспышками пены, от пляжа осталась узкая полоска песка, из которого торчат опасно обнажившиеся странные конструкции, зарытые в двадцатых-тридцатых, как я думаю, против зимних штормов: бетонные цилиндры с ржавыми петлями из стального троса, куски труб, комья спрессованного металлолома — все совершенно бесполезное и скорее, наоборот, усиливает эрозию, — я понял, что разговор с сержантом Смитом не дает мне повода быть довольным собой. Эти милые деревенские фараоны, такие и понимающие

обходительные с людьми вроде меня, должно быть, сущие звери с такими, как тот бродяга. Вот я иду в непромокаемых туфлях, шерстяных носках и вельветовых брюках, на мне перчатки из свиной кожи с кашемировой подкладкой и старая, но дорогая куртка особого пошива: легкая, как пух, она сохраняет тепло на самом ледяном ветру; я только что помылся и побрился, я совершенно здоров — несмотря на возраст и мою морду недовольного старика. Тот псих напугал меня и смутил, он внушает отвращение, но не причинил никакого вреда. Какое право я имел напускать на беднягу сержанта Смита и его парней, обутых в крепкие ботинки и вооруженных дубинками и длинными черными фонариками?

Перечитал вчерашние записи.

Голос 1: Что если Кэрри покажется, будто она стала объектом «нежелательного интереса» и она даст мне — а равно и всем своим в ресторане — это понять? Отошьет меня — вчера с тем бродягой я видел, как она это умеет. Позор. И конец этим бесцельным и унылым, но таким при-

ятным вечерам. А если она примет мои ухаживания? Не примет. Она не из тех голодных домохозяек, что, накачавшись виски, мечтают украдкой перепихнуться с коммивояжером. На свете полно симпатичных парней ее возраста и ее круга, которые вполне обеспечат ее запросы.

Голос 2: Возможно, я нравлюсь ей больше, чем думаю. Я умею ее рассмешить — это всегда важно. С таким солидным старичком, как я, ей не придется бояться СПИДа или чего-то еще, что можно подцепить от персонажей вроде того со смазкой в волосах и кольцами в ухе, и я вряд ли окажусь слишком буйным. Эти молодые в постель ложатся без церемоний, так почему бы ей не потрахаться и со мной в моей мягкой и широкой кровати? У нее под футболкой с надписью «О'Генри», наверное, розовый лифчик. А груди маленькие и твердые, как могильные холмики. Осиная талия. Живот. Узкая полоска черного меха. Она уже готова, мокрая даже сквозь колготки. Я стаскиваю их и вижу ее стройные, как у антилопы, ноги. Ногти без лака, ступни

слегка покрасневшие, может, немного отекшие — она весь день на ногах. С них я и начну: целую подошвы, потом пальцы, двигаюсь к бедрам, которые она поначалу сжимает, но потом, когда я достигну мехового лоскута, она раздвигает их и притягивает мою голову. Хриплое требовательное мяуканье: Иди сюда! Возьми меня, скорей!

Глас мудрости: Для приключения на одну ночь — а что еще может быть у тебя с Кэрри? — ты слишком серьезен или слишком скучен (сам выбирай). Если ты ей нравишься, это лишь потому, что она тебя находит галантным. Не выходи из роли и прикидывайся простаком. Сделай ей на Рождество маленький подарок — заколку или красивый шарфик — и продолжай ходить в ресторан, когда тебе надоест твоя консервированная рыба.

Понедельник, 9 декабря 1991

Выходные прошли — как и следует ожидать, я снова прекрасно себя чувствую.

Гостей я ждал к обеду в пятницу и пригласил миссис Вольф прислуживать за

столом и убирать посуду. Что буду делать, когда она уйдет на пенсию? Здесь больше никто не согласится прислуживать на обеде, который начинается после девяти. Сама мысль о том, как Шарлотта с Ренатой станут суетиться и выгонять нас с Майроном и Джоном в гостиную, чтобы они могли прибрать со стола, мне противна. Миссис Вольф согласилась помочь и с субботним ужином, и с воскресным ланчем. Субботний ланч я предполагал организовать на кухне, а потом предоставить желающим вымыть посуду. Из того же стремления свести к минимуму коллективную работу я закупил продуктов на все выходные. Для первого вечера я сделал тушеную говядину, чтобы подать ужин в любой момент. На закуску устрицы-половинки — я купил их перед самым закрытием рыбного магазина — и шампанское. На субботу и воскресенье я задумал такое меню, которое Шарлотта точно сможет приготовить, предполагая, что она сочтет приготовление обеда своим долгом. Цветы в угловую комнату для гостей, цветы в спальню Шарлотты

и Джона, французское мыло в ванные, льняные полотенца для рук в таком изобилии, какого не бывало со времен самой тети Марты, свет во всех комнатах — все выглядело грандиозно. Думаю, Рената поняла, что даже в эмоционально угнетенном состоянии я способен произвести впечатление. Боже мой, а ведь это всего лишь время и деньги.

Когда я узнал в себе то волнение, которое испытываешь, когда у тебя все готово и вот-вот прибудут важные гости — а как еще мне сказать о визите Райкеров? — и вспомнил Мэри, у меня все сжалось внутри. Всему, что я делал, я научился у Мэри — или мы вместе с ней научились. Мы подходили друг другу. Люди говорили это нам, а еще надоедали замечаниями о том, как прекрасно мы смотримся, будто мы собаки на выставке; но мы и в самом деле были красивой парой.

Спасибо миссис Вольф, мне не пришлось вертеться на кухне, и я спокойно мешал для Майрона мартини в серебряном шейкере, которым почти не пользуюсь: он течет. Но это пустяки — я обернул

его одним из накрахмаленных полотенец. Когда я предложил Майрону оливку, он отметил, что я ополоснул и высушил их, и оттого в очередной раз вырос в моих глазах. Я же заметил, что Шарлотта пьет только содовую, бледна, как мел, и в уголках глаз у нее обозначились тонкие морщинки, а Джон, который нашел себе в холодильнике диетическую колу, подрастолстел. Доктор Рената на диване в сером платье и табачного цвета платке — ее профиль индейского воина освещен пламенем — выглядела на миллион долларов. Я приставил свой любимый стул к Шарлоттиному креслу и слушал их разговор: *пробки* на дорогах, новостройки в нашей деревне (оказалось, что Райкеры иногда посещают знакомого психиатра в Спринте, которого я тоже немного знаю, и для них эти края не совсем терра инкогнита), программа на уикэнд (Райкерам сказали, что я не пригласил никого, кроме них, и я вдруг подумал, что надо было это сделать, если я не хочу, чтобы кто-то из четверых почувствовал себя обделенным; вдруг повезет, подумал я, и

психиатр с женой окажутся дома и смогут приехать, если даже их позвать всего за несколько часов) и разные другие милые пустяки.

Подали обед. Справа от меня сидела прекрасная Рената, слева — Шарлотта, так что получилось, что мужчины Райкеры сидели рядом. Папа Райкер мог бы сесть слева от меня, и тогда Шарлотта с Джоном сели бы вместе, но такое решение не пришло мне в голову, и потом стол, когда он разложен, круглый, так что мы все могли веста общий разговор. Я стал прислушиваться, когда речь пошла о доме. Дом оказался еще прекраснее, сказал старший Райкер, чем он представлял со слов Джона. Рената подтвердила. А Майрон продолжил: это просто волшебный свадебный подарок. Не представляю, каково Шмидти будет сменить его на другое место!

Тут я украдкой взглянул на тех, кому предназначался королевский подарок. Оба приняли, я бы сказал, непривычно скромный вид и сидели, потупив глаза. В общем, они уже обсудили мой план и раз-

решили все финансовые проблемы. Ну разумеется! Доктор и доктор наверняка сказали, что помогут детям с приобретением квартиры, или что-нибудь в этом роде. Могли бы прежде сообщить мне, что мое предложение принято, ну да ладно. Не надо лучшего доказательства дочерней любви, говорила, бывало, Мэри, если маленькая змея воспринимает как должное все, что ты для нее делаешь. В общем, я поднял бокал за то, чтобы они были счастливы под этой крышей, и за внуков, которые будут переворачивать здесь все вверх дном и, может, даже с удовольствием станут играть в форте, который в свое время *совсем* не увлек Шарлотту, для которой мама его и устроила — настоящий форт с частоколом в тени крупнолистных буков. (Я тут же пожалел о том, что вспомнил этот момент нашей семейной истории, но обида так и не изгладилась из сердца Мэри, не изгладилась и из моего).

За вечер я выпил, в общем, один мартини, бокал шампанского и меньше бутылки бургундского, так что алкоголь ни при чем. У меня вдруг защипало глаза,

хотя жарко совсем не было, наоборот, я даже немного озяб. Я понял, что краснею, и это заметили: Шарлотта спросила, все ли со мной в порядке. Я ответил, что все нормально, но сам встревожился. Конечно, с этого момента они стали наблюдать за мной и активно комментировать мой взгляд и цвет лица, который, по словам Шарлотты, сменился с красного на бледно-зеленый. Когда миссис Вольф принесла сыр, на меня уже напала слабость, я потел — подобное со мной происходит очень редко. Майрон поднялся, потрогал мой лоб, пощупал пульс — я и не думал, что психиатры это умеют — и сказал: У вас высокая температура. Вам лучше лечь в постель. А я после ужина поднимусь послушать ваши легкие. И он поднялся. Довольно дико было, что он в моей спальне, прижимается ухом к моей груди (бедняга не прихватил с собой стетоскоп), простукивает мои бока, но в равной степени было приятно вверить себя в его руки. В легких он ничего не обнаружил. И велел мне лежать и пить больше аспирина: у меня грипп, который

пройдет, возможно, уже к утру.

Безумная ночь, навязчивые кошмары, бессонные часы, бесконечная беготня в ванную, странные видения на границе сна и яви о двух этих парах, что спали одна через холл от меня (моя дочь в постели с Джоном Райкером), другая в конце коридора (Рената в постели с Майроном). Тем временем пальцы на руках и ногах — может, оттого, что я перетрудился — занемели, почти атрофировались и словно бы превратились в маленькие шишечки. Я не мог ничего взять в руку и не отваживался ступить и шагу. Проснулся я, как мне казалось, окончательно около восьми. В доме еще все спали. Я доплелся до ванной, посмотрел в зеркало на свой дикий вид, побрился, принял ванну, поставил градусник. 104![23] Сообразив, что после ванны температура поднимается, я лег, выждал *десять* минут и измерил еще раз. 103.

И опять уснул. Без сновидений. Проснувшись, обнаружил, что все тело в

[23] Примечания: 23
104° по Фаренгейту соответствует 40 °C.

испарине, больше похожей на масло, чем на пот. 103, 5. Приятно убедиться, что в прошлый раз не почудилось. Опять залег в ванну и тщательно вычистил зубы. Надел свежую пижаму, побрызгался туалетной водой, перестлал постель и снова лег, размышляя о невезении и о том, что смерть, а равно и грипп, надо полагать, отменяют все твои обязательства. Но мне искренне хотелось все сделать как следует, и я понимал, что, не считая грядущей свадьбы и моего переезда, это мой последний бал в этом доме.

Дом тем временем наполнился звуками, но я мог узнать лишь некоторые из них. Рычание соковыжималки, хруст шин по гравию, означавший, что Джон с Шарлоттой поехали за газетами. Все еще полный благих намерений, я встал с постели и отворил дверь, чтобы показать, что ко мне можно входить.

Но я, должно быть, снова заснул. И снова ванна и новая пижама из моего неиссякаемого запаса. У меня стучали зубы, потому я и без градусника понял: что-то происходит. Подложив под спину

три подушки, я сидел, сверкая глазами, пока вновь не задремал, как новый Грегор Замза. Потом шаги — кто-то пришел? Я открыл глаза — Рената, поскрипывает креслом-качалкой. Она мне принесла не жухлые овощи, но апельсиновый сок и чашку чаю.

Не думаю, чтобы вам хотелось есть, сказала она, разве что какой-нибудь йогурт? Мы только что пообедали. Майрон с детьми отправились побродить в лесу где-то в окрестностях Сэг-Харбора. Дайте потрогать лоб.

Крупная рука, украшенная перстнем с бирюзой, легла на мой лоб, опять покрытый испариной.

Нужно принять еще аспирина, решила она и, когда я сделал это, сказала: Может, поговорим? Если вы расположены.

А вы почему остались дома? спросил я.

Позаботиться о вас, отвечала она. Шарлотта хотела остаться, но я настояла, чтобы она прогулялась. Ей нужен свежий воздух, да к тому же какая радость Джону идти гулять с папой и мамой, пока его невеста…

Присматривает за папашей, закончил я за нее. Странно мне ваше недовольство Шарлоттой. Я же говорю, это я ее заставила пойти с Джоном. Иначе она бы осталась.

Все правильно.

Я отер испарину с лица и приступил ко второй чашке чаю. Трамвай, катавшийся по кругу в моей голове, превратился в огромный грузовик с прицепом.

Рената, сказал я, я в невыгодном положении. Больной, слабый, противный. На семейную терапию у меня просто нет сил. Если хотите побыть со мной, расскажите мне, пожалуйста, какую-нибудь красивую историю или просто посидите тут с книжкой. Если не хотите, тогда сходите прогуляйтесь по пляжу. Мне и так неплохо — вот вы мне чаю принесли. А горячий он или холодный, мне, уж поверьте, все равно.

Она подалась к моей кровати и снова положила мне руку на лоб и не отнимала минуты две, а убирая, погладила по щеке — тут я порадовался, что утром побрился.

Никакой терапии, Шмидти, не будьте же таким сухарем. Это верно, вас лихорадит, но это не мешает просто поговорить. Тут она откинулась в кресле и потянулась — полагаю, с особым умыслом. Вспомните всех этих чахоточных девятнадцатого столетия. В вашем нынешнем состоянии вы можете быть интересны. А кстати, продолжала она, вы красиво подали ваше нежелание жить с ними под одной крышей. Удивили меня. Как это у вас вышло после такого малообещающего начала?

Она слегка повышает голос в конце обычной фразы, превращая ее в вопрос без вопросительного знака. Еврейский акцент или сейчас в Нью-Йорке все так говорят? Надо спросить у Шарлотты. Доктор Р. тем временем взяла мою руку и стала нежно ее гладить. Приятно, что она постоянна в своих привычках. Я не отвечал на ее пожатие, сделав вид, что ничего не заметил. У больного есть свои преимущества.

Ответ. Я люблю свою дочь. (Я постарался произнести это без всякой патетики; быть последним чистокровным англо-

саксом в своем роду — это способствует сдержанности.)

И не хотите преподнести ей отравленный дар?

Опять за старое. Я кивнул своей раскалывающейся головой.

А Джон? Как он вписывается в ваше видение будущего?

Как муж моей дочери и потенциальный отец ее детей, моих внуков. Надеюсь, хороший муж и хороший отец. А любить своего зятя никто не обязан.

Но в этом большое счастье! Вот мы любим Шарлотту!

Очевидно, вы с Майроном исключительно добры. Это ваш особый талант.

Тут она вдруг наклонилась и поцеловала меня в губы, мазнув кончиком языка по сомкнутым, как обычно — ведь я не ожидал такой любезности, — передним зубам. Выпрямившись, она взяла обе мои руки и сказала: Вы хотели меня поцеловать, так вот.

Благодарю вас, но у меня жар и озноб, и я противен. Теперь я вам должен. (На самом *деле,* против всякого здравого

смысла и собственного рассуждения я хотел продолжить немедленно, но у меня хватило предусмотрительности понять, что нужно дать ей действовать самой.)

Это может быть слишком сложно и слишком опасно. Вы ведь любили свою жену, верно?

Еще как.

Но это неправда, что вы хранили ей верность?

Снова старая песня! Не думали же вы в самом деле, ответил я, что я поведаю вам все свои грехи в первый же день знакомства?

Я думаю, вы изменяли ей всякий раз, как только у вас появлялась возможность. Что вы чувствовали при этом? Это, по-вашему, и значит быть хорошим мужем?

Не всякий раз, далеко не всякий, а только когда потребность в этом становилась неодолимой, и обстоятельства полностью располагали. Вы отдаете себе отчет, что выжимаете признания из больного и ослабевшего человека?

Конечно. Ну так что вы чувствовали?

Будто нарушаю условия контракта.

Ведь обещаешь-то любить, быть рядом, хранить преданность и забыть всех остальных. Но я думал, что эти нарушения незначительны. Мэри ни о чем не знала, мои приключения ничуть не ослабляли моей любви к ней, и я всегда был осторожен. Она нисколько не страдала, и жалеть ее было не за что. А как насчет вас? И Майрона? Вы что, всегда храните верность друг другу?

Она рассмеялась. Если она не боится заразы и ей не противно мое состояние, почему бы ей не поцеловать меня еще раз? Приятно, что она снова взялась нянчить мою руку.

Майрон вообще загадка. По-моему, у него почти никакого темперамента. Если бы у него кто-нибудь был, он сказал бы об этом мне. Тогда он, конечно, больше не будет пострадавшей стороной, но жизнь станет проще. У меня много лет был любовник.

Да что вы?

Я в самом деле удивился.

Он был моим пациентом, но у нас с ним началось, уже когда терапия заверши-

лась. Она опять засмеялась. Терапия ему очень помогла, помогала до недавних пор. Теперь он ищет нового терапевта, мужчину.

И Майрон знал? А дети?

Разумеется. Теперь, думаю, и Шарлотта знает.

А с Майроном вы спите?

Когда ему хочется.

И тут эта женщина бросилась на меня. Рухнула сверху. Ее руки побежали по моему телу. И так же внезапно отстранилась. Повисло молчание. Я ждал ее слов.

Вы такой милый, Шмидти, сказала она. Это больше не повторится. Мы снова станем правильными и честными, как подобает отцу невесты и матери жениха. Я сделала это, добавила она, по наитию. Мне представилось, будто вы обречены и погибнете у меня на глазах.

Жаль, если так, сказал я. Вы присмотрите за мной? Поможете мне? И тут я рассказал ей про того бродягу. В конце концов я, должно быть, стану таким же, как он. Мы с ним похожи, только я худой и весь-весь чистый.

Чуть помедлив, она отвечала: Нет, я вижу немного не так. Я присмотрю, если буду рядом. А как я могу помочь, не знаю.

А что, если, сказал я, когда она двинулась к выходу, шестое чувство психиатра и ваша чертова интуиция не правы и со мной все будет в порядке?

Ну я думаю, тогда мы все будем счастливо жить до самой смерти.

Четверг, 12 декабря 1991

Перед тем как они все уехали в город, ко мне зашла Шарлотта. Я все еще лежал в постели, не столько больной, сколько усталый, просыпаясь не больше чем на час. Она сказала, что хотела бы остаться и присмотреть за мной, но не может: срочные дела на работе и все такое прочее. Потом сказала, что Райкеры великодушно решили внести то, чего не хватает на покупку квартиры и поэтому Джон в конце концов решил, что они могут принять мой подарок.

Более вызывающего способа описать ситуацию я и помыслить не мог. В одной фразе она умудрилась превознести

то, что делают Райкеры — а я думаю, их вклад не больше пятисот тысяч, хотя как знать сейчас, когда квартира еще даже не выбрана, — и оплевать мой подарок. Хуже того, все эти слова о том, что они могут позволить себе «в конце концов» принять его, звучали так, будто они делают мне одолжение, освобождают меня от тягостной обязанности!

Я ничего на это не ответил, и хорошо, что промолчал: не только потому, что мне хочется сохранить мир, но и потому, что, если посмотреть под определенным углом, в ее словах была крупица отвратительной правды, присутствие которой, впрочем, на мой взгляд, нисколько не оправдывало того, как она говорила со мной. Эта правда в том, что у меня есть своя корысть: я не хочу относиться к своей замужней дочери и ее мужу как к совладельцам моего дома. У Райкеров же таких мотивов нет. Они просто помогают сыну, который и сам стоит на пути к богатству, но пока еще не богат. Когда я думаю о том, какие деньги парень будет зарабатывать, если фирма не развалится,

меня подмывает посоветовать Райкерам не дарить, а занять ему деньги, но это было бы не в интересах Шарлотты. Хотя, может быть, это и есть заем. Вообще-то, правда и то, что, если у меня останется право пользования, я не должен относиться к Шарлотте как к совладельцу дома. По закону, пока я жив, она таковым считаться не может. Если бы я только умел, я мог бы — вполне естественно — сказать ей, что покуда не умру, я остаюсь хозяином дома со всеми его правами и обязанностями, а им с Джоном придется подождать своей очереди.

Но все же я спросил, почему никто не сообщил мне звонком или письмом, что они принимают подарок. Вопрос, казалось, привел ее в замешательство. Ну, ответила она, мы, наверное, решили сказать тебе об этом, когда приедем в гости. Но Майрон заговорил об этом первым, и мы не успели.

Ну пусть так.

Следующий пункт программы — рождественские каникулы.

Знаю ли я, куда мне ехать?

Пока еще нет.

Они, наверное, не смогут выкроить до Рождества еще один выходной для поездки в деревню, так не смогу ли я приехать в город пообедать с ними и обменяться подарками? Удобно ли мне будет сделать это в день перед отъездом в мой рождественский вояж?

Чтобы не нарушать согласия, я сказал «да»; между тем я и не вспоминал о подарках и до сих пор не представляю, куда бы мне поехать.

Ну и хватит об этом.

Ренате нужно повышать квалификацию сиделки. Она слишком тяжела, чтобы наваливаться на меня сверху. Могла повредить мне какой-нибудь жизненно важный орган. Не понравились мне ее массивные груди и жесткое белье под платьем.

Она любит провоцировать и вызывать неловкость — в этом был нерв послеобеденного разговора в День благодарения. Когда я заболел, проявилась ее другая склонность: стремление подавлять и командовать. Поцелуй, демонстрация

доступности и признание в том, что она трахается на стороне. Хочет исподволь вызвать во мне влечение. Не иначе, метит в Сфинксы в Сахаре моего вожделения.

Написав эти строки, я посмотрелся в зеркало и понял, что мне нужно постричься. Я не стригся уже по меньшей мере пять недель. В Сэг-Харборе есть парикмахер, может, стоит сходить к нему, вместо того чтобы тащиться в Нью-Йорк за сомнительным удовольствием выслушивать под щелканье ножниц куда Карло намерен поехать на каникулы. Подумать только, за все эти годы, что я у него стригусь, парень так и не научился не мочить воротник моей рубашки, когда моет мне голову. Но его преимущество в том, что результат его работы полностью предсказуем.

Сколько раз осталось мне повторить эти процедуры: ежемесячную стрижку, еженедельное обрезание ногтей, ежедневное бритье и мытье головы? Раз или два в день — в зависимости от того, выхожу ли я из дому — ванна; грязные рубашки, белье и носки, брошенные в

корзину, каждую пятницу возвращаются в беспорядке в ящики комода, раз в неделю — визит в химчистку в торговом пассаже. Отдаешь две пары свернутых несвежих брюк, а в полиэтиленовых коконах свисают с проволочных держателей их довольные товарищи — платишь определенную сумму долларов. Милая женщина, которая меня обслуживает, страдает болезнью Паркинсона в ранней стадии — каждый раз я делаю вид, что не замечаю этого.

С другой стороны, мне больше никогда не придется заказывать смокинг или пальто. Те, которые у меня есть, переживут меня. Их срока службы осталось больше, чем моего.

VII

Приглашение от Гилберта Блэкмена поступило по телефону через его секретаршу. Секретарша была новая или просто по каким-то причинам незнакомая Шмидту, но, поговорив с ней, Шмидт поклялся бы сержанту Смиту, что может описать ее в деталях: среднего роста, чуть полновата, вероятно, младенческий жирок, пепельные волосы, стрижка под мальчика, серые глаза, светлый пушок на щеках и на верхней губе; черная трикотажная кофточка с коротким рукавом и острым вырезом, юбка наподобие килтов «Черной стражи»,[24] темные чулки с прямым, как полет стрелы, швом, черные полусапожки. Только он ошибся во всем. Та, кого он увидел мысленным взором — юная бостонская выпускница, окончившая последовательно школу мисс Портер, Смит-колледж и чопорное заведение Кэтрин Гиббс и какое-то время работавшая личным секретарем киномагната Блэкмена, — поскольку олух из Гарварда, который все никак не спо-

[24] Примечания: 24

«Черная стража» — название 42-го Королевского пехотного шотландского полка, сформированного в 1739 г.

добится довести ее до оргазма, решил, что со свадьбой нужно подождать, пока он не станет дипломированным юристом, — вполне могла бы приходиться нынешней секретарше Гила мамой. Впрочем, не приходится и мамой. По нашим сведениям, дочь столь хорошо памятной Шмидту бостонской выпускницы ведет класс аэробических танцев в Верхнем Вест-сайде и живет с фотографом-афроамериканцем. Нынешняя же секретарша Гила — брюнетка греческого происхождения, сумевшая единственной в семье, где все дети получили высшее образование, приобрести благородный голос и безупречную дикцию. В момент разговора со Шмидтом на ней красная кожаная мини-юбка, такая короткая, что в ней и сесть-то уже неудобно. Брюнетка предпочитает крученый шелк кашемиру и не планирует в ближайшее время выходить замуж кроме всего прочего потому, что мистер Блэкмен — Шмидт об этом не знает, ведь последний раз они с Гилом заговаривали о подобных вещах много месяцев назад — регулярно раскладывает ее на диванчике в святая святых своего офиса, куда из кабинета, где мистер Блэкмен обычно

работает, сидя под картиной кисти Миро,[25] можно попасть только через особую дверь. Но это неважно: ностальгическое видение вызвало в Шмидте необычайную податливость. Без вздоха он простил Гилу его неуважение — мог бы позвонить и сам, ведь прекрасно знает, что у Шмидта больше нет секретаря, — и принял приглашение на обед в ближайшую субботу, в восемь вечера, в загородном доме Гила. Как мило! обрадовался волшебный голос в трубке. Гил и Элейн будут рады! По-моему, кроме вас, никого не приглашают.

И вот за пять минут до назначенного часа, чтобы не появиться слишком рано, но и не опаздывать больше допустимого, Шмидт в своем лучшем синем блейзере, слишком шикарном для «О'Генри», но как нельзя лучше подходящем для визита к Блэкменам, нагрузившись подарками (компакт-диски для взрослых и старших дочерей, которых, разумеется, на обеде не будет, и духи для чувственно одаренной малышки Лилли, которую Гил, как казалось Шмидту, незаслуженно оговорил), влез в промерзшую машину. Луна светила такая великолепная и яркая, как над дворцом Османа-паши. Шмидт доехал до

[25] Примечания: 25

Хуан Миро (1893–1983) — испанский художник-абстракционист и сюрреалист.

Джорджики, где стоял загородный дом Гила. У дома ни одной машины: ни на дорожке, ни под гигантскими азалиями, где иной раз парковался какой-нибудь гость, опасающийся загородить кому-нибудь выезд, но абсолютно безразличный к состоянию Гиловой лужайки. Значит, они и вправду будут одни. Шмидт понюхал зеленые ветки, привязанные к дверному молотку, и позвонил. Под роскошной рождественской елкой в холле сложены подарки — Шмидт добавил к ним свой мешок. Что это, новая причуда Вечного Жида — наряжать елку и вывешивать гирлянду всякий раз, когда он в предрождественские дни разбивает здесь на ночь свой шатер, или Блэкмены и впрямь собираются встречать Рождество в Уэйнскотте? Шмидт направил свои стопы в библиотеку. Хо-хо-хо! возгласил он. А вот и Шмидти, красноносый лапландский олень!

Гил поднялся из своего высокого кресла и широко распахнул объятия. Обнялись без слов — Шмидт почувствовал, как в груди у него что-то сжалось, будто и самое сердце ему стиснули. Все-таки они, что бы там ни было, остались друзьями. Когда он отступил, выпустив Гила, в груди снова шевельнулось. Гил был одет в мягкий толстый джемпер, прекрасный, как разноцветная одежда

Иосифа.[26] Такую вещь Гил, Шмидт точно знал, не купил бы сам — это Элейн подарила ему. Значит, она еще любит мужа — физически. Она хочет, чтобы муж был ярким. Шмидт представил себе свитер, который Мэри могла бы подарить ему. Бордовый или темно-зеленый из лучшей овечьей шерсти, подходящий к его твидовому пиджаку. И, пожалуй, с круглым вырезом, чтобы можно было носить без галстука. Крестьянский подход в заботах о муже — не самый плохой, подумал Шмидт, и уж в его-то случае уместен вполне. Он мог бы добавить еще, что никогда не думал о себе как о блестящем самце. Тем не менее, целуя щеку Элейн, он подумал, что со стороны все видится иначе: а каково быть женатым на еврейке? Нужно спросить Гила: он-то пил из обоих колодцев.

Обняв Шмидта в ответ, экзотическая леди, вызвавшая его любопытство, шепнула: Такое счастье, что Шарлотта… А мальчика ведь я не знаю, да? У них все будет здорово. Если бы Мэри видела!

Блэкмены пили шампанское: серебряное ведерко, большой серебряный поднос, бокалы-тюльпаны. На хрустальном блюде — гора черной

---

[26] Примечания: 26
Быт. 37:3.

икры со следами свежей эрозии. Шмидт спросил себе мартини, встал спиной к огню и принялся наблюдать, как Элейн раскладывает икру на ломти грубого черного хлеба.

А малютка Лилли здесь?

Она сегодня ночует у отца, ответила Элейн. Подходящий момент. Малолетняя преступница, которую он трахает, поехала к родителям в Скрэнтон, так что у него появилось время для дочери, и я не беспокоюсь, что Лилли смутится, увидев, как они обходятся друг с другом.

Видишь, как симметрично, сказал Гил, входя с серебряным кубком мартини. Он вручил Шмидту коктейль вместе с льняной салфеткой и куском хлеба, заваленным икрой. Наша малолетняя преступница уезжает из дому, где ее мать живет с мужиком, который настолько сходит по ней с ума, что бросил жену и двух дочерей и едет навестить родного папашу, пока чужая малолетняя преступница, которую этот папаша трахает и которая вполне годится ему в дочки, отправилась в гости к своим папе с мамой. Жаль, что мы не знаем про папу из Скрэнтона — родной ли он ей вообще? — а то бы продолжили ряд.

Ты отвратителен. Лилли не малолетняя преступница!

И Джуди не малолетняя преступница! Она начинающая рок-звезда и очень много работает. Жаль, что про малютку Лилли мы не можем сказать даже этого!

Тише, тише, вмешался Шмидт. Тайм-аут! Есть еще что-нибудь в этом серебряном шейкере? А вы это из-за меня, что ли, вынули фамильное серебро? Или все это убранство означает, что вы собрались провести Рождество здесь?

Элейн засопела, как показалось Шмидту, не напоказ.

Скажи Гилу, что он скотина. Он раньше к тебе прислушивался. Может, и сейчас послушает. Елка — для Лилли. Завтра вечером она устраивает праздник для ребятишек из конюшни.

А, «Хэлсиз»! Мэри с Шарлоттой тоже устраивали такие вечера, пока у Шарлотты хватало времени на верховую езду.

Досадная неожиданность — у Шмидта навернулись слезы. Он тщательно высморкался, отпил половину своего второго мартини и прожевал немалую толику икры. Негодуя на дрожь в своем голосе, пояснил: Рождество для меня теперь проблема.

Конечно, сказал Гил, это, должно быть, очень тяжело. А почему бы тебе не провести его с нами?

Мы собираемся в Венецию небольшой компанией. Поселимся в «Монако». Если ты быстро решишь, я наверняка еще успею забронировать комнату и для тебя. Или можешь разместиться с Лилли.

О, если только так, тогда я еду! Здорово будет стать вам с Элейн зятем. Но тут все сложнее. Не думаю, что Венеция — подходящий вариант. Хотя, конечно, я очень вам благодарен.

Ну расскажешь за столом. Я пошел подавать ужин.

Подавала, на самом деле, маленькая и кругленькая пожилая азиатка, скользившая вокруг стола в сизых фетровых шлепанцах. Обращаясь к ней, Элейн говорила с нажимом, видно, та была глуховата или не вполне хорошо понимала по-английски. Ели китайскую еду, такую, какой она была до того, как рестораны с хунаньской и сычуаньской кухней наводнили Нью-Йорк и проникли в каждый торговый пассаж. Горох, стручки и водяные каштаны, тонущие в белых соусах среди грибов, кусочков курицы и креветок. Умиротворяющий вкус. Шмидт ел с наслаждением, жадно, и, орудуя ножом и вилкой, наблюдал, как Блэкмены щелкают своими палочками из слоновой кости, соединенными серебряными

цепочками, — новшество, насколько мог судить Шмидт. Вино было крепкое, с фруктовым букетом. Шмидт пил слишком быстро, а Элейн все подливала.

Немного мерло подойдет ко всему, сообщил Гил. Я закупаю его прямо у винодела из Сономы; не заказать ли в следующий раз для тебя пару коробок? И тут же снова взялся донимать Элейн воспитанием девочек-подростков. Если у них нет особых талантов — тут он предложил назвать хоть один случай, когда талант выявлялся не сразу, и его нужно было специально открывать, — то нельзя давать им обманывать себя и считать, что они особенные. В таком случае вопрос надо ставить так: что им делать, чтобы стать полезными и добиться финансовой независимости?

Шмидт подумал, что к собственным дочерям Гил не применил свою теорию со всей суровостью. Но не его дело на это указывать. Ему придется поработать буфером. Именно для этого он и нужен им за столом. Отхлебнув изрядный глоток вина, Шмидт спросил: А кто еще будет в «Монако»?

Так ты едешь с нами! воскликнула Элейн. У нас там даже есть еще один юрист!

И она назвала имя одного из партнеров самой

прибыльной юридической фирмы Нью-Йорка — он был мужем ее двоюродной сестры, — которого Шмидт не любил, хотя не был с ним лично знаком, несмотря на то, что они вместе учились в Гарварде; а также писательскую чету — они оба публиковались у Мэри — и кинопродюсера, о котором Шмидту приходилось слышать. Не знаю, с кем будет Фред, добавила Элейн, но надеюсь, что с Элис. Она такая славная!

Я, наверное, не смогу поехать. Понимаешь, я тут по-всякому заигрывал с родителями Шарлоттиного жениха, и они пригласили меня к себе на Рождество — и не куда-нибудь, а в Вашингтон. Я сказал, что в этом году я еще не готов — и это правда, — и они все: и Шарлотта, и Джон, и родители — плохо воспримут, если я поеду развлекаться в Венецию. Кроме того, не уверен, что мне хочется в Венецию.

Теперь настала очередь Гила быть практичным.

Тогда что ты будешь делать, дружище? спросил он.

Не знаю. Им я сказал, чтобы не вступать в обсуждения, что уеду куда-нибудь, где нет и помина о Рождестве. Беда в том, что я не знаю, где найти такое место. Рождество на носу. Видимо, я просто

останусь здесь, а всем скажу, что уехал — ну например, в Киото.

Ничего не выйдет. Они будут ждать, что ты позвонишь, спросят твой номер, а как ты вернешься без киотосских сувениров?

Это уже Элейн выказала свою практичность.

Наверное, ты права.

Киото — не так уж плохо, сказал Гил. Конечно, сейчас там холодно и сыро, и сады не впечатляют. Кроме Сада мхов — тот лучше всего выглядит зимой. Я там снимал несколько сцен в январе. А почему тебе не поехать куда-нибудь на Бали? Будешь жить в роскошном отеле, ходить на пляж — там замечательный отдых.

И все эти пары, наслаждающиеся лучшими годами совместной жизни?

Он прав! сказала Элейн. Это как поехать одному в круиз по Карибскому морю.

Откуда ты знаешь? Ты же никогда не ездила. Как раз в такие круизы люди едут, чтобы найти себе кого-нибудь. И с Бали так же. Туда едет масса одиноких мужиков посмотреть на гологрудых балинезиек. Да и женщины едут. Не только лесбиянки, я имею в виду, а женщины, которым интересно побыть в обществе мужчин, пришедших в нужное настроение.

Нет, ты положительно гадок! Я знаю, что нужно Шмидти. Давай отправим его на наш амазонский остров.

Это что?

Гил, расскажи ты.

Это как раз то место, которое ты ищешь, и я, кажется, могу тебе его устроить. Мы побывали там три или четыре года назад, летом — а это там не лучшее время, — когда была премьера моего фильма в Рио. Помнишь Маришу, это бразильская актриса, которая играла немую, на которой Джексон в конце женится?

Конечно.

Ее семья устроила нам поездку на остров, когда мы пожаловались, что устали и хотим побыть в одиночестве. Это было у нас лучшее путешествие! Из Рио мы долетели до Манауса, зафрахтовали маленький самолетик, который может садиться на крохотные площадки, расчищенные в джунглях острова, торчащего в самой середине Амазонки, где-то в часе лету на запад от Манауса. Сам остров не больше ладони, а река очень широкая. Мне кажется, до берега было мили две — что с той, что с другой стороны. На одном конце острова, рядом с посадочной полосой, стоит деревня *кабокло,* так зовутся там индейцы

смешанных кровей, которые живут более или менее в двадцатом веке. *Кабокло* промышляют рыболовством и пребывают в очевидной нищете, но в деревне есть пара телевизоров, ну и еще кое-что. На другом конце острова со всех сторон окруженный густыми джунглями стоит гостевой домик. Он принадлежит какой-то бразильской компании, которая размещает здесь визитеров — обычно не больше двух пар. Но если сейчас никто не бронировал, я думаю, ты будешь там один, как были мы. Забавный дом: представь себе восьмиугольное строение, целиком из местного амазонского дерева, такое просторное, стены не доходят *ни* до крыши, ни до земли; ни одного гвоздя, вообще никаких металлических деталей, кроме сантехники в ванной и на кухне. Слуги-индейцы — безмолвные и двигаются, как учтивые тени. Появляются на глаза, лишь когда тебе что-то нужно, и, кажется, сами знают, когда это — без зова. А какая замечательная еда! Странные плоды, соки, желе, которые, считается, продляют жизнь и делают еще кое-что получше, плоский хлеб, речная рыба. Пару дней мы ели отбивные — да, настоящие рыбные отбивные, из какого-то огромного речного монстра. Просто объедение! Из выпивки там есть пиво и *пинья* — бразильский

ром, убойный, как удар бизоньего копыта. Если надо что-то другое, привози с собой.

Они что, говорят по-английски? Или ты успел добавить к своим достоинствам знание португальского?

А там не надо говорить. Ты ведь не будешь сидеть в доме дни и вечера напролет, читая книжку и слушая голоса обезьян и попугаев. На острове нас встретил гид, который там еще и за дворецкого. Он и говорит *кабокло,* что надо. Он немец, знаешь, его звали чуть ли не герр Шмидт!

Мой двойник.

Гил, его фамилия была Ланг, и ты никогда не говорил ему «герр»!

А было бы славно, я подумал. Да, его зовут както иначе — вроде Оскар Ланг. Биолог из Гамбурга. Он приехал в Манаус сразу после войны — еще студентом. Собирался изучать рыб в Амазонке — он говорил не «изучать», а *штудиен.* Но пока *штудиен,* он сам попался на крючок местной красавице, да так и не смог с него слезть. Он с тех пор живет там, выезжал только два раза: на похороны матери, потом отца. На своей индианке он женился. Она стала медсестрой в Манаусе, а он — речным гидом, проводником научных экспедиций и кинодокументалистов. По рыбе он

большой специалист.

А груди! Он все время напоминал Гилу, что грудь белых женщин с возрастом опадает — и обязательно смотрел на меня, — а вот у его индианки они до сих пор остались маленькими и крепкими. «Как *майн* кулак, только красивые, такие красивые и маленькие», — так он говорил.

И это правда. Он нам показывал ее фотографию с голыми сиськами — снимал во дворе их дома в Манаусе — в таком круглом бассейне из голубой пластмассы. Как бы там ни было, у этого Шмидта, то есть Ланга, есть большая удобная лодка с подвесным мотором. А еще у него есть помощник, самый красивый индейский мальчик на свете, он сидит на веслах, когда Ланг едет не в той шлюпке, а в каноэ. А какой у мальчишки острый глаз! Скажет что-то вполголоса и показывает куда-то в непроницаемую листву или в заросли прибрежного тростника, и точно: там та самая птица, на которую мы особенно хотели посмотреть, это про нее мы накануне говорили Лангу. Каждое утро Ланг с мальчишкой возили нас в такие Маленькие экспедиции или на экскурсию в другие, совсем примитивные деревни *кабокло* на соседнем острове. А однажды — в селение насто-

ящих индейцев, как у Леви-Стросса![27] Пожалуй, это было самое интересное приключение за все время, что мы там были. В деревне царит полное умиротворение: хижины на сваях, женщины что-то трут в деревянных ступах, голые детишки дремлют в пыли под домами, потом приехали мужчины с полными, до краев, лодками рыбы. Женщины встретили лодки на берегу, и рыбаки кидали им рыбу, еще трепыхающуюся. Никто не просил, и мы вообще не поняли, были ли как-то связаны те, кто бросал, с теми, кому бросали. Рыбу просто раздавали как манну небесную. А вечером Ланг повел нас смотреть аллигаторов. Мы плыли у самого берега. Вдруг он зажег фонарик — а там эти горящие красные глазки! Казалось, весь берег закопошился.

А помнишь, как мальчишка поймал одного?

О да, это был номер! Ланг высадил мальчишку на берег, мы оттолкнулись и немного отплыли по течению. Тут мальчишка вроде как свистнул, Ланг *включил* фонарь, и видим — парень держит аллигатора за морду. Он подобрался к нему сзади. Почему остальные аллигаторы его не сожрали — это выше моего понимания. Осталось для нас

---

[27] Примечания: 27

Клод Леви-Стросс (р. 1908) — французский ученый, этнограф, социолог и культуролог.

загадкой. Ланг показывал нам, как быстро они бегают по суше. Так непостижимо быстро, что жуть берет.

Это все замечательно звучит, но для меня ли это? Ехать одному? Я никогда так пристально не интересовался природой, чтобы выслеживать птиц и все такое.

Там другое! Не то, что сидеть в колючем кусте среди увешанных биноклями натуралистов с раком кожи на носу. С природой там просто: она вокруг, и она всепобеждающе прекрасна. А ты лишь ее часть. Это еще при том, что мы были не в сезон — уже все отцвело, — а ты увидишь удивительные лесные орхидеи, цветы, покрывающие реку, насколько хватает глаз. Но если тебе нужно общество, поехали с нами в Венецию. Мы правда будем рады.

Венеция — никак. А об острове я подумаю.

Только думай быстрее. Ужасно будет, если тебя кто-нибудь опередит.

Фетровые шлепанцы подавали кофе в библиотеке — для одного Шмидта. Блэкмены пили ромашковый чай, усевшись на диване и глядя в камин, такой большой, что в нем целого быка можно жарить. Фетровые шлепанцы, не иначе, подбрасывали дров, пока все обедали: в комнате

было так натоплено, что Шмидт, не опасаясь загородить тепло, сова придвинулся спиной к огню.

С кофеином? спросил он.

Да, иначе мы бы тебя предупредили.

Тогда я выпью еще.

Если не сможет заснуть, он просто примет снотворное. Как хорошо, что Гил помнит о его пристрастии к кофе — нужно отплатить ему любезностью и выпить сколько сможешь. Оглядывая полки с аккуратно расставленными книгами, акварель Фэйрфилда Портера[28] — он изобразил Гила в саду возле дома, где тот жил с прежней женой Энн, — предсказуемое, но разумное устройство комнаты и самих Блэкменов, Шмидт пережил приступ умиления. Как бы чужд он ни был этой сцене, не утешительна ли она? Только нельзя давать волю зависти. Привычные боли в плечах и шее и в лодыжке, которую он так часто сворачивал, что теперь в холодную погоду она ныла, не переставая, понемногу затихали. Шмидт посмотрел на серебряный поднос с бутылками на кофейном столике и на коньячные рюмки и уже был готов попросить бренди, как вдруг понял, что хозяева уже несколько минут

[28] Примечания: 28

Фэйрфилд Портер (1907–1975) — американский художник и художественный критик.

хранят молчание. Это должно означать, что они считают вечер оконченным.

Чудесная Элейн! сказал Шмидт. Спасибо тебе! Теперь мне, пожалуй, пора в *майн шлосс.*[29]

Прости меня, Шмидти. Я знаю, что у меня глаза уже закрываются. Это все Гил с его хваленым мерло.

Да ерунда! Блажен, кто накормит старого друга домашней едой, первым за неделю домашним обедом, который не готовил он сам.

Он наклонился, чтобы дать рукам в черной ангоре обнять его, и поцеловал Элейн в щеку. Глядя на нее через стол, и не подумаешь, что у нее шершавая кожа. Строгая диета, слишком много солнца круглый год, недостаточно крема под пудрой и румянами или обычное массовое отмирание клеток? В третий раз за вечер невидимая рука сжала его сердце. Мягкость кожи Мэри восхищала его до самого конца, даже когда жена похудела настолько, что кожа на шее и вокруг рта собралась у нее в складки, как у ребенка, корчащего рожи.

Постой, сказал Гил. Я провожу. Я спать не хочу и вижу, ты не прочь еще выпить. Пропустим по

---

[29] Примечания: 29
Schloss *(нем.)* — дворец.

стаканчику у тебя.

Османская луна скрылась. Шмидт ехал быстрее, чем обычно позволял себе на местных дорогах, не выпуская «ягуар» Гила из зеркала заднего вида. Становилось все холоднее. Лужи, которых он не замечал по дороге к Блэкменам, превратились в мерцающие серебром озерца льда. Проезжая перекрестки, Шмидт видел мелькание фар на шоссе 27 — одинокие машины скользили туда-сюда. И больше ничего: к югу от трассы вдоль чистых опрятных дорог стоят пустые дома с выключенными термостатами и включенными сигнализациями. Что мешает ему потратить десять тысяч или чуть больше на Амазонку? Он будет один, но в тепле — и, возможно, не настолько одинок. Приятное времяпрепровождение — дремать над стаканом в спальне или гостиной, если она там есть, зная, что всего в нескольких шагах честные и добрые бронзовокожие люди с глазами, полными космической скорби, уже готовят обед для тебя. Там будут свечи или какая-нибудь лампа на столе. За едой можно будет читать «Каприз Олмейера»[30] или что-нибудь еще из Конрада в бумажном переплете: от сы-

[30] Примечания: 30

Роман (1895) английского писателя Джозефа Конрада (Юзефа Коженёвского, 1857–1924).

рости там страницы книг, наверное, коробятся, так что ни к чему тащить дорогие издания, им и лонг-айлендской сырости хватает.

Шмидт притормозил перед крутым поворотом и свернул влево, тихонько покатив по гравийной дорожке к своему дому. Показался фасад, и тут Шмидт затормозил так резко, что «ягуар» ткнулся бампером в его «сааб». Как всегда, уходя вечером из дому, Шмидт оставил включенными лампы по бокам от входной двери и прожекторы на крыльце. В их ярком свете Шмидт увидел, что на крыльце сидит на корточках человек, фигура, похожая на подтаявшего снеговика. Голая задница была жирной и необычайно белой. Одна рука у лица — наверное, чтобы заслониться от яркого света. Медленно, цепляясь за одежду, человек выпрямился и, как будто выказывая довольство тем, что сделал, слегка поклонился Шмидтовой машине и тут же испуганной свиньей прыгнул через перила, тенью мелькнул к задней лужайки и пропал за кустами жимолости. Обознаться тут было нельзя — тот самый.

Дать газу, вывернуть руль в объезд Гилова «ягуара» — черт с ней, с травой на лужайке! — и переночевать у Блэкменов или в мотеле?

Но Гил уже шагал к дому, вооружившись фо-

нариком и какой-то палкой. Ну и ладно, раз так. Шмидт заглушил мотор, выбрался из машины, придержавшись за дверцу, и нагнал Гила.

Гил, это ненормальный. Он мне уже попадался. Я с ним не хочу связываться. Давай уедем. Вызовем полицию из твоей машины или из вашего дома.

Мы не можем бросить дом, увидев мародера! Откуда ты знаешь, что он не проник внутрь?

Говорю тебе: он придурок, а не грабитель. Здоровенный противный придурок.

Нормально. Я с ним разберусь.

Гил поднял то, что казалось Шмидту палкой.

Монтировка! Ты тоже рехнулся?

Я всегда вожу ее под сиденьем на всякий случай. Нервы успокаивает. Пошли, Шмидти, проверим двери и окна и, если все в порядке, выпьем, как и собирались. Я тоже не намерен гоняться за этим мужиком вокруг бассейна.

Показалась луна, такая яркая, что в ее свете можно было читать газету. Дом уже прибран к зиме: ни одного сухого листка или сука под ногами, шланги и тачки убраны, зимние рамы на своих местах. Шмидт поглядел на дом чужими глазами и захотел поздравить хозяина и спросить, кто у него в садовниках. Обойдя дом, вернулись к па-

радному крыльцу. Так и есть — на коврике лежал еще курящийся плод белой задницы.

Убить мало подонка, прошептал Гил.

Меня устроит, если его просто вернут в дурдом. Знаешь, мне стыдно, но я рад, что ты оказался рядом. Проходи в дом и разожги огонь. Бутылка на буфете. А я пока уберу это.

Спустив воду в туалете за кухней, Шмидт вернул снежный скребок в гараж и вымыл руки. Лицо его было зеленоватым, будто его только что рвало. А может, свет в ванной слишком резкий. Надо ввернуть матовую розовую лампочку. Другой вариант — не вворачивать. Пусть уже Джон Райкер позаботится об этом.

Управился, сказал он Гилу. Знаешь, не страшнее собачьего дерьма. Даже можно подумать, что такая работа будит нежные воспоминания: как собирал собачьи какашки с лужайки, пока все завтракали на крыльце. Но на меня отчего-то подействовало иначе.

Это потому, что злоба присуща только людям.

И деградация тоже.

Ты должен мне рассказать, что знаешь про этого мужика. Ведь то, что он вытворяет, не смешно. Но, знаешь, чуть позже. Я поехал с тобой, чтобы поговорить о себе.

Ну это было ясно.

Со мной странная история. Я встречаюсь с девушкой — ей всего двадцать четыре, исполнилось только на прошлой неделе — и не знаю, как мне быть. Это все не просто так. Во-первых, не я это начал. Это ее затея — от неожиданных заигрываний до ежедневного, когда я в Нью-Йорке — секса. Во-вторых, она настоящая красавица. В-третьих, ей ничего от меня не нужно, понимаешь, она делает это не ради роли в телешоу, не ради подарков — бескорыстно. Я даже не могу сводить ее на ужин или на обед! Куда мы можем пойти, нас ведь заметят? В-четвертых, она, возможно, даже умна, во всяком случае, мне с ней не скучно. И в-пятых, сексу невозможно противиться. Дело даже не в том, что она делает, хотя она делает все, а в ее невероятной увлеченности. Когда с ней, сам себе кажусь этаким богом любви, способным на волшебные подвиги. Это все было бы здорово, если б не Элейн. Ты видел, как я ее третировал за обедом. Но это напускное. Я ее люблю. И она меня. Мы хорошо живем.

Знаю.

Брак с хорошей половой жизнью. Мы не перестали. И не раз в месяц по обещанию, как пишут в женских журналах — бывает ли такое вообще,

всегда удивлялся, — а каждый день: если мы не слишком утомились и я не пьян, мы кувыркаемся. Кстати, забавно, что моя связь с той девочкой никак не ослабляет мою страсть к Элейн.

Просто, когда вы кувыркаетесь, ты, наверное, о девочке и думаешь.

Ты не прав. Это отвлекает и сбивает с ритма! Думаю, причина куда более здоровая: девочка стимулирует у меня интерес к этому делу. Мои старые мощи чувствуют себя лучше, должно быть, дело именно в этом.

Тогда что не так? Это же просто идиллия. Или она хочет, чтобы ты развелся?

Она говорит — знает, что слишком молодая для меня. Конечно, я сказал ей, что никогда не уйду от Элейн. Я не просто люблю Элейн — мне нравится наша совместная жизнь. Девочка, несомненно, достаточно умна, чтобы это понять.

Может, она тебе не верит. В любом случае, есть, по-моему, такая категория женщин, которых ничего не смущает в том, чтобы жить с мужчиной, который годится в отцы. Особенно если он богатый и знаменитый, как ты. Тому куча примеров.

Ясно. Но обычно они все же постарше моих дочерей и немного чокнутые.

А твоя?

Моя не чокнутая. Я бы сказал, она просто милое сладострастное дитя.

Тогда я снова спрошу, что здесь не так?

Двуличие. В смысле супружеской верности репутация у меня неоднозначная, но я ее не заслуживал. Можно сказать, что я изменял Элейн, лишь когда забывался. Она всегда в моих мыслях, что бы я ни думал и что бы ни делал. Если бы я только мог привести мою девочку в дом второй женой!

Элейн это могло бы понравиться.

Да она бы взбесилась. А Лилли? А Нина с Лайзой? Знаешь, эти две без ума от Элейн. Против меня сразу выстроится мощный фронт.

Ну да, линия Мажино.[31] Тогда, может быть, единственный выход — это прекратить? Если она у тебя такая умница, то все поймет — объяснись с ней. Можешь даже познакомить ее с кем-нибудь более подходящим. Вроде меня, только помоложе!

Но я не хочу прекращать! Это все равно что растоптать клумбу! Если бы не замечать этой

---

[31] Примечания: 31

Система укреплений, возведенных французами на границе с Германией протяженностью около 400 км. Строительство началось в 1925 г. и продолжалось более 10 лет. Названа в честь французского военного министра Андре Мажино (1877–1932). Считавшаяся неприступной линия укреплений была прорвана немцами в 1940 г.

двойственности, но я не могу! А в остальном со мной случилось настоящее чудо. Я будто заново родился: за какие-то качества, которых и не знал, мною восхищается, меня хочет женщина, которая просто ангельски прекрасна, но притом реальна! Ты ведь знаешь, как у меня обычно. Я важный человек и много о себе понимаю, все дни разрезаны на кусочки по тридцать минут для встреч с другими важным персонами, уик-энды — все здесь или на Побережье, отпуска Элейн планирует за много месяцев — как этот рождественский вояж с нашими обычными идиотами; в промежутках — покупательские оргии, оплата счетов, а каждые полтора года или около того — обязательная истерия в связи с новым фильмом, который, и так понятно, будет вполне себе ничего. Думаешь, легко взять и выбросить эту новую радость из моей жизни? Может ли такой опыт, совершенно не отравленный моим вечным «я», когда-нибудь повториться?

Ага, видения ушедшей юности?

А это особая статья. Долго ли я смогу поддерживать такой ритм, то есть физически? И что будет, когда я устану?

Ну сколько-то ты протянешь, особенно, если не всегда будешь в Нью-Йорке. А кстати, ты рев-

нуешь ее? То есть тебе не все равно, один ли ты у нее?

Не смею на это претендовать. Она задала мне однажды почти тот же вопрос, хочу ли я, чтобы она была мне верна. Я сказал, что это было бы несправедливо, поскольку я ей не верен. Это ее так потрясло — пришлось объяснить, что я имел в виду только Элейн.

Шмидт не нашелся, как реагировать на такое признание, и задумался. Через миг молчание нарушил Гил.

Ну так а что с тем мужиком? Ты собираешься звонить в полицию?

Может, завтра. Слишком устал. Куда спешить? Он сейчас может быть где угодно, включая, например, мой задний двор. Рассказать мне про него особо нечего. Я встретил его — если это можно так назвать — в автобусе. Он сел рядом со мной и вонял. Дотронуться до него я бы, наверное, не смог. Думаю, он заметил мое отвращение и взялся меня терроризировать. Не вхожу в подробности, но и так понятно. Я видел его еще раз, через окно из «О'Генри», и пережил такой же ужас. И как понимать сегодняшнее? Совпадение? Он искал дом с незапертой дверью, его привлек мой, и на крыльцо мне он нагадил от досады? А может,

он преследует меня, потому что знает, что я его боюсь? В любом случае, не нравится мне все это.

И мне не нравится. Дай мне знать, что решишь предпринять.

После ухода Гила Шмидт налил себе большой стакан бренди. Уже не в первый раз, выслушивая горести своих друзей, он думал, как было бы хорошо, если бы его жизнь омрачали только подобные беды. С другой стороны, появление того человека — это уже не чья-нибудь, а его, Шмидта, головная боль. Стыд и бессилие! Надо ли позвонить в полицию и призвать сержанта Смита избавить его от бродяги, испражняющегося под дверью? Или более достойно взять монтировку, как Гил, или топорище, которое есть в доме, и, когда тот псих начнет снова откалывать свои штуки, вышибить ему мозги? Нет, не хватит духу: загадочный бродяга деморализовал его; тот же эффект, который Шмидту никогда не приходилось наблюдать, производит на кролика взгляд удава. Убить двух зайцев — было в этом выражении что-то порочное, но бренди уже не позволяло понять что. И ладно: на острове посреди Амазонки он спокойно скроется и от бродяги, и от натужного рождественского веселья.

VIII

Телефонные разговоры на следующий день.

Хотя уже давно десять, Шмидт еще в постели, наверное, спит, туго, как в саван, закутанный в простыню, чтобы сберечь тепло, спрятаться от необходимости вставать и продолжать жить. Раздается звонок, и он тянется к трубке. Телефон стоит где-то на полу рядом с кроватью, Шмидт снимает его с тумбочки, потому что там стакан с водой, которая может пролиться на книгу, очки для чтения и будильник, из которого от малейшего толчка выскакивает батарейка. Звонит Гил, не Шарлотта.

Классно поговорили. Я больше ни с кем не могу говорить про нее.

А, ты про девушку.

Наверное, я не смог объяснить, как она хороша. Что бы я ни делал, бреюсь я или перехожу улицу, я то и дело ее вспоминаю. Как будто у меня два сердца. Одно, обычное, — для всего, что было и есть в моей жизни, другое — для нее.

Ты объяснил. Я понимаю.

Я получил от нее письмо — первое письмо! Она

рассчитала так, чтобы оно попало ко мне сегодня утром. Никакого риска: она знает, что я всегда сам забираю газеты и почту. Чудесное письмо, короткое и милое. Я готов скакать и прыгать. Она мне написала, чтобы меня порадовать. К чему ей это запрещать?

И правильно! Завидую тебе. Только поосторожней с Элейн.

Да я и так. Даже когда по телефону… Ее сейчас нет: уехала покупать реквизит для вечеринки. Так что насчет острова?

Я позвоню позже.

А что с тем мужиком?

Позвоню, расскажу тоже.

Давай. Сегодня вечером. Я рассказал про него Элейн. Она считает, что нужно было привезти тебя обратно к нам и уложить здесь.

Поблагодари ее, пожалуйста. Она прелесть. И твоя девочка, конечно, тоже прелесть!

Блаженное воскресное безделье. Шмидт поехал в поселок. У входа в католическую церковь на главной улице черная под ярким солнцем толпа. Парковки у дороги забиты машинами, но на стоянке за скобяной лавкой есть место. Хозяин кондитерской приберег для Шмидта свежую «Нью-Йорк Таймс». Хотя Шмидт, вопреки обыкно-

вению, не мыт и не брит, он решает, по примеру многочисленных евреев и не столь многочисленных гоев, которые тоже листают газеты и пьют кофе у стойки, позавтракать тут же. Бекон и блины с сиропом вместо кекса недельной давности, который ждет в холодильнике. Шмидт вскоре чувствует, что объелся. В «Недельном обозрении» заметка о процессе Вилли Смита — оправдают ли его? Гил, наверное, знает этого олуха. А уж его дядю-сенатора знает точно — тот такой же стареющий сатир, выискивающий молоденьких любовниц.[32]

После завтрака Шмидт обходит все три деревенские стоянки и на каждой стоит, облокотившись о понравившуюся машину, выставляясь напоказ.

Ничего.

Может быть, по воскресеньям тот человек тоже подолгу спит. А может быть, он на мессе.

На звонок в доме Гила отвечают Сизые Фетровые Тапки — в этот момент у хозяев веселье в самом, разгаре. Шмидт настаивает, по буквам проговаривает свое имя, наконец мистер Блэкмен

---

[32] Примечания: 32

Имеется в виду широко освещавшийся прессой скандал, произошедший на Пасху 1991 г., когда племянника сенатора Теда Кеннеди д-ра Уильяма Смита обвинили в изнасиловании женщины прямо возле дома Кеннеди в Паям-Бич. Впоследствии он был оправдан.

у аппарата. Да, Шмидт очень хочет поехать на остров, чем быстрее, тем лучше. Нет, он не звонил в полицию. Он бросил тому перчатку и не боится его. Пусть ни Гил, ни Элейн не беспокоятся.

IX

Страшная жара, но воздух так прозрачен, что Шмидт ясно видит отдельные деревья на дальнем берегу, будто смотрит в бинокль. Бинокль-то он забыл прихватить, сглупил: птицы здесь и вправду так удивительны и разнообразны, как описывал Гил или то была Элейн? Приходится время от времени просить бинокль у проводника. Шмидт брезгует прижимать его к глазам, но, не желая обижать этого наблюдательного и чувствительного человека, тубусов не протирает. Сегодня Шмидт отпустил проводника и мальчишку-индейца на все утро — он собирается вынести кресло на причал и почитать на солнышке. Было бы неплохо дать лицу немного загореть перед возвращением домой. А то они проводят все время в джунглях, а когда плавают на лодке, то держатся у берега в тени деревьев, так что Шмидт сейчас почти такой же бледный, как в день приезда.

Вообще-то, книга — Шмидт взял с собой «Ностромо», решив, что раз уж он отправляется в Южную Америку, то можно проверить, верно ли,

что Конрад вполне и навечно, как то считается, передал в своей книге душу этого континента, — уже около часа лежит у Шмидта на коленях, открытая все на той же странице. Это потому, что Шмидта целиком охватило сильное и наивное счастье. Оно пропитывает весь его организм, всему телу Шмидта хорошо, и, если бы кто-нибудь пришел просить у него благословения, он с удовольствием дал бы его. Он готов петь, творить добрые дела, рассказывать детишкам о сотворении мира. Мир вокруг прекрасен и добр, даже если под поверхностью непрозрачной табачно-бурой воды неустанно пожирают друг друга рыбы, в тростниках спят, зарывшись в грязь, аллигаторы, которых нарастающий голод разбудит и заставит броситься на добычу, а в деревне, что в какой-то полумиле отсюда, никто из босых смуглых мальчишек и девчонок, играющих в футбол узлом из тряпья, никогда не ударит по настоящему кожаному мячу и никогда не научится читать. Шмидт пребывает в гармонии с Природой. На какой-то момент он забывает обо всем и чувствует только благодарность: как же здорово жить!

Наступает вечер, и он садится писать Шарлотте. Его отдых почти окончен. Пожалуй, отправлять это письмо с острова уже нет смысла. Он с рав-

ным успехом может отправить его из аэропорта Манауса, на пути домой, если, конечно, он вообще собирается его отправлять.

В этом письме признание, которое он ей задолжал: проносились годы, но и с малюткой, и со взрослой девушкой он никак не мог научиться говорить о том, что между ними происходит. Ничего плохого, в этом он уверен. Малышкой, потом в школе и в Гарварде, она была просто идеальной дочерью, его большой гордостью, и Шмидт не мог и представить дня, когда перестанет ее одобрять, или дурного поступка, в котором будет перед ней виноват, или ее желания, хотя бы наполовину осмысленного, которое он не поспешил бы исполнить. Но что делали они вместе такого, что весило больше, чем само время, которое Шмидт тратил, присматривая за ней на пляже, возя ее по всем урокам или сидя рядом в кинозале? Редкие походы в музеи? Пару раз на «Щелкунчика»? Или те обеды, которые он устраивал в Бостоне для нее и ее подружек, когда приезжал к ней в колледж с Мэри или — несколько раз, пока Мэри была на конференциях, — один? Говорили ли они хоть раз по-настоящему, будь то в детстве или теперь, как взрослый с взрослым? Научил ли он ее в жизни чему-нибудь, что достойно упоминания?

Неисправимый Шмидт не упускает добавить, что, кажется, не знает ничего такого. И, может быть, поэтому теперь ему практически нечего ей сказать, кроме тех случаев, конечно, когда они ссорятся, только то, как сильно он ее любит. Была ли Мэри к ней ближе, и если да, как это ей удалось? Если удалось, не иначе она обладала каким-то качеством, которого не было у Шмидта. Чувствовала бы Мэри теперь, что у нее много общего с Шарлоттой?

После обеда разразился сильный ливень, так что никаких экскурсий в джунгли. За целый день Шмидт не сказал ни слова, кроме *obrigado* — «спасибо» — слугам. Перечитав письмо, Шмидт порвал его и сказал вслух: Даже если вся эта чепуха правда, это не извиняет ее поведения! Уж хорошим-то манерам я ее научил!

X

Укрывая конвертами, поскольку знал только один адрес, где можно найти ее — «О'Генри», — Шмидт посылал Кэрри открытки с отреставрированным оперным театром в Манаусе, с индейцами, валяющимися в гамаках или бьющими рыбу острогой с лодки, и с амазонскими птицами. Перед отъездом он передал ей через бармена рождественский подарок — пару ярко-красных кожаных перчаток с шерстяным подкладом. И потому строгая деловитость, с которой Кэрри встретила его, — вернувшись, Шмидт в первый же день устремился в «О'Генри», хорошо понимая, что идет туда лишь затем, чтобы увидеть Кэрри, а она только поздоровалась и приняла заказ, не сказав ни слова ни о его месячном отсутствии, ни о перчатках, ни о письмах, — удивило Шмидта. Он ожидал тайных знаков дружеского расположения, но не дождался ничего, даже обычной вялой улыбки. Ведь так просто было бы, думал Шмидт, отпустить какую-нибудь шутку насчет его странного загара — единственный сеанс солнечных ванн придал ему медный цвет

с легким зеленоватым отливом, — а между тем, поглощая ужин, он видел, что Кэрри уделяет ему даже меньше внимания, чем обычно, а он заслуживал большего даже просто как завсегдатай заведения и местная достопримечательность. Он сразу вспомнил, как из всех работников, обслуживающих их дом — многочисленных, как неизменно шутил Шмидт, как потомство, обещанное Богом Аврааму, — получивших через коменданта солидную сумму наличными в качестве рождественского подарка от Шмидтов накануне их отъезда на каникулы, только один косоглазый сморщенный украинец-разнорабочий подходил сказать «спасибо», когда они возвращались, а остальные так и не снисходили до благодарности.

Тут же он вознегодовал на самого себя: по какому праву он ставит Кэрри на одну доску с теми? Она неизменно вежливо благодарила его за чаевые. Просто его глупые знаки внимания были ей не нужны — она восприняла их как неловкие и похотливые заигрывания старого сухаря, объевшегося одиночеством. Шмидт отказался от второго и третьего эспрессо и послеобеденного стаканчика. Сумма счета, принесенного Кэрри, позволяла, как увидел Шмидт, запла-

тить отыскавшимися в бумажнике десятками и двадцатками и уйти, не дожидаясь сдачи, и не страшно, что на чай останется немного меньше, чем обычно. Он махнул на прощанье и выскользнул вон.

Ночной полет от Рио-де-Жанейро до Нью-Йорка утомил его — альтернативный вариант, перелет через Сальвадор и Майами, Шмидт отверг как слишком сложный, так что после ужина он собирался сразу лечь в постель. Но мешали возбуждение и досада. Вся кожа зудела. На кухонном столе ждала скопившаяся почта. Поколебавшись между бренди и виски, Шмидт налил себе большой стакан виски с содовой, потому что хотел пить, принес корзину для бумаг — выкидывать рекламные письма и приступил к разбору почты.

По большей части это была макулатура для корзины. Он отложил «Нью-Йоркеры», «Нью-Йоркское книжное обозрение» да счета — электричество, газ, солярка для бойлерной, из клуба, по двум кредиткам, за услуги садовника — сущая ерунда по сравнению с теми временами, когда у него было настоящее хозяйство. А ведь, пожалуй, он тратит меньше, чем рассчитывал. Миссис Куни в момент ответила бы ему на этот вопрос:

она любила выверять его банковские счета, эта работа требовала подчеркивать и обводить цифры в таблицах разноцветными фломастерами и позволяла ей отпускать едкие замечания насчет Шмидтовых семейных трат. По данным из банков баланс его был прочен — Шмидт надеялся, что цифры верны. Оставшись с уходом из фирмы без благословенной заботы миссис Куни, он не продолжил ее аудиторских трудов. Сейчас был не лучший момент, чтобы начинать проверку, особенно если учесть; что ему придется вернуться к тому месту, где в свое время закончила миссис Куни. Из фирмы тоже пришло несколько посланий. За исключением двух, все они полетели туда же, куда рекламные письма: Шмидта не интересовал ежемесячный вестник «Вуда и Кинга», не интересовал адресованный всем юристам фирмы и избранным клиентам меморандум о серьезных изменениях в начислении вознаграждения руководящего состава, равно как и опросный лист, выясняющий предпочтения партнеров в отношении даты обеда свежих отставников (среди них Шмидта), который состоится в музее «Метрополитэн». Шмидт пока не собирался присутствовать. Осталось уведомление из бухгалтерии о том, что его пенсия за

январь 1992 года должным образом перечислена ему на счет — Шмидт положил его на стопку отчетов своего консультанта по вложениям, — и письмо, подписанное Джеком Дефоррестом. Письмо Шмидт перечитал дважды. Оно гласило, что фирма тайным голосованием всех работающих партнеров (Райкер, конечно, голосовал «за», подумал Шмидт) решила пересмотреть его пенсионный план и будет — из соображений справедливости в отношении молодых партнеров и ради благополучия фирмы — выплачивать ему пенсию по установленной ставке лишь до 1 января, ближайшего к его шестидесятисемилетию, а не семидесятилетию, как было условлено ранее. Конечно, сообщалось далее, Шмидт оценит выгодное отличие его плана от обычного, рассчитанного только на пять лет.

Замечательно, подумал Шмидт, по их мнению, в этот день я могу перестать есть. Что ж, может, я этого не замечу, если меня уже не будет.

Новость потребовала налить еще один большой стакан. В Манаусе Шмидт купил себе темных сырых сигар, довольно сладких на вкус. Он взял одну, кухонным ножом отрезал кончик и старательно раскурил. Начал формироваться аккуратный столбик пепла. Он удлинялся, не

опадая. Шмидт подлил себе виски и подумал, как странно, что многие его ровесники решили бросить курить, отказаться от алкоголя и кофе, не говоря уже про сыр, яйца и красное мясо. Неужели они узнали о каких-то радостях или преимуществах долгожительства, которые пока неведомы Шмидту? Надо поинтересоваться у Дефорреста: тот, по крайней мере, сам берет трубку, и не придется передавать вопрос через секретаря и получать на него ответ какого-нибудь помощника. Если же такого секрета не существует, куда более разумным представляется сохранить приверженность своим уютным, сокращающим жизнь привычкам, а то и добавить к ним парочку новых. Шмидт прикинул, каких бы и кто тут может что-нибудь присоветовать. Может быть, Гил, если он не уехал. Шмидт мог бы задать ему этот вопрос, когда будет рассказывать про амазонский остров и, несомненно, выслушивать новый отчет об идиллии с молодой подружкой.

Неожиданно мысли о деньгах и о бедствиях слишком долгой жизни напомнили ему о Шарлотте. Он еще не сообщал ей, что приехал. Можно сделать это сейчас: они все равно не ложатся раньше одиннадцати. С другой стороны, она тоже ему не позвонила, хотя, встречаясь с ними в Нью-

Йорке перед отъездом, он сообщил дату своего возвращения, а позже напомнил в присланной из Бразилии открытке. Конечно, Шарлотта могла перепутать дату, занося ее в свой календарь, а могла вовсе не записать ее и забыть, а его открытка могла потеряться на почте или ей не хватило трех недель, чтобы дойти до адресата. Рано или поздно звонить придется: нет такого правила, которое предписывает, что дочь должна звонить первой, когда отец возвращается из путешествия. Шмидту никого не хочется ставить в неловкое положение, да и нелишне было бы узнать, какие у них планы на ближайшие уикэнды. Содержимое холодильника показывало, что, пока Шмидта не было, Шарлотта с Джоном бывали в доме, и, вероятнее всего, с друзьями, поскольку ни один из двоих не ест маргарин, не пьет сливовый сок и не оставляет на потом недопитые бутылки пива «Курз». Но никаких записок от них ни в блокноте на кухонной стойке, ни в каком ином возможном месте Шмидт не обнаружил. Еще виски, боль в сердце, новая сигара — звонок Шарлотте подождет до утра. Уже поздно, и только поэтому, а не из-за каких-то своих обид, он не набирает сейчас ее номер. Утром он оставит сообщение на их автоответчике.

Шмидт взял «Книжное обозрение» и перешел из-за стола в кресло-качалку. Он листал газету, пока не наткнулся на статью, описывающую женщин от эпохи Возрождения до XIX века. Автором была итальянская профессорша по фамилии Кравери, доселе Шмидту не знакомая. Как четко должно быть организовано ее существование, чтобы так много знать! Шмидт представил себе безупречную картотеку, где в папках с разноцветными — в зависимости от темы — ярлыками хранятся карточки, посвященные всем предметам, о которых когда-либо читала профессор Кравери. А может, у этой леди идеальная память, может, она из тех людей, которые так и сыплют историческими датами: год Трентского собора,[33] день недели, в который Наполеон встречался на плотах с Александром.[34] А какая систематическая организация! Шмидт никогда ничего не подшивал. Все записи он делал в желтых блокнотах, которые копились в стопках. Польза этих

---

[33] Примечания: 33

Трентский Собор — собор Римско-католической церкви (1546), созван папой Павлом III в 1545 г. в связи с Реформацией, затянулся на долгие годы.

[34] Примечания: 34

25 июня 1807 г. российский император Александр I и Наполеон Бонапарт встретились на плоту на р. Неман близ г. Тильзита, где поклялись в вечной дружбе Франции и России и вражде к Англии.

записок была сомнительна даже в тот момент, когда Шмидт работал над вопросом, к которому они относились, потому что он и так помнил то, о чем в них говорилось. А уж потом, когда вопрос закрывался, у него не было времени упорядочить их, да и где бы он стал их хранить? В своем кабинете или в главном архиве компании? Ответом на этот вопрос становилась коробка для шредера, которую время от времени приносили ребята из курьерского отдела, куда Шмидт мстительно сбрасывал свои записки. В свои последние дни в фирме Шмидт таким образом уничтожил все личные записи о своей работе, месяц за месяцем и год за годом, избавляясь от этих останков в упоении саморазрушения, удивившем даже мисс Куни, которая знала о рабочих привычках Шмидта больше, чем кто-либо. Разве здесь нет ничего, что бы вы хотели забрать с собой в деревню, не переставала она спрашивать его. А ваши письма? Нет, отвечал Шмидт, какое теперь имеет значение, что я писал в восемьдесят третьем «Южной страховой компании» о сделках во вред кредитору? Исковая давность по всем этим делам уже миновала, а даже если бы нет, и вдруг из-за моей небрежности кто-нибудь стал бы судиться с фирмой, то парни найдут все, что нужно, в центральном архиве.

Вслед за толстыми томами в малиново-голубых корках, в которых были подшиты документы, последовали в помойку сувениры былых сделок: рекламки, упокоенные в прозрачном пластике, миниатюрные модели продукции компаний-заемщиков с фальшивыми медными полосками с его гравированным именем, приклеенными к основаниям — самолеты, танкеры, грузовики и прочие сухопутные машины, а также один большой черный телефон и фотографии в рамках, изображавшие Шмидта подписывающим бумаги или — чаще всего — зависшим за плечом президента компании-заемщика, видимо, для того, чтобы проследить, чтобы тот подписал договор в нужном месте. Не в пример другим партнерам, Шмидт не пользовался этими сувенирами как пресс-папье и не составлял их на подоконнике. В свои лучшие дни, ожидая у себя в кабинете высокого представителя участвующей в сделке фирмы, Шмидт, порывшись в шкафу, вынимал — если находил — подходящий сувенир и помещал его на почетное место на кофейном столике или выставлял на полку с папками нужную фотографию. Похожую систему они с Мэри придумали для картин, купленных у знакомых художников или, что много опаснее, полученных от авторов

в дар. В доме был дежурный гвоздь, на который вешали нужную картину (обычно об этом вспоминала Мэри), когда ждали художника к обеду или на выходные. В противном случае приходилось — ведь художник, придя в дом к человеку, купившему его полотно, сразу, как свинья на запах трюфеля, направляется к тому месту, где видел свою работу в последний раз, — прибегать к легенде о миграции холстов: картина, говорили они, висит сейчас в загородном доме или, наоборот, в нью-йоркской квартире, в зависимости от того, где принимали художника; ей делают новую раму — старая прогнулась — или, это в самых экстренных обстоятельствах, картина в офисе Шмидти, а это, если учесть типичные для художников сыскные способности, опасный прием.

Кравери тем временем вдруг сменила тему. Только что Шмидт читал об английских крестьянках, собиравших навоз на растопку — занятие, о котором он прежде не слыхал, — и вдруг без перехода автор стал рассказывать анекдот о Дизраэли[35] и его поваре. Повар никак не хотел подавать обед в предписанное время, и Дизраэли,

[35] Примечания: 35

Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфилд (1804–1881) — британский политик, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 гг., писатель.

указывая ему, говорил, что конфеты приносят уже растаявшими. История осталась недосказанной, но в статье не было ее продолжения. Шмидт протер глаза. А где сигара? Не видно ни в пепельнице, ни на краю стола, где Шмидт ее иногда пристраивал. Он вскочил, испугавшись, что она где-то горит, и тут сигара упала с его колен. Оказывается, погасла. Шмидт отряхнулся от пепла, прикурил снова и отнес пустой стакан в раковину. Услышав плеск струи, он почувствовал, что ему надо поскорее в туалет. Вернувшись на кухню, посмотрел на часы: второй час ночи.

Несмотря на усталость, он нисколько не хотел спать и понял, что если продолжит читать здесь, то не уснет без сильного снотворного. Лучше перебраться с книжкой в постель. Шмидт налил себе стакан содовой на ночь и уже двинулся по комнатам, выключая свет, как вдруг раздался быстрый стук в дверь и зазвенел дверной звонок. Бродяга? А может, особо циничные грабители? В коридорчике возле кухни у дверей черного хода стояло топорище: Шмидт купил его несколько лет назад, собираясь отвадить двух неизвестно откуда взявшихся черных собак, которые приходили рыться в клумбах у заднего крыльца и скребли ступеньки, очевидно, пытаясь пробраться в кро-

личью нору под домом. Как будто остерегшись купленного топорища, собаки сами прекратили набеги. Сжимая оружие в руке, Шмидт подошел к дверям и зажег свет над крыльцом. Выглянув в узкое окошечко сбоку от дверей, он увидел фигуру, которой никак не ожидал, — Кэрри, в той же красной лыжной куртке и черных лосинах, в которых она была, когда Шмидт с Гилом прощались с ней у ресторана. Перчаток на ней не было, и она потирала руки от холода. Открыв дверь, Шмидт ощутил, как сильно похолодало к ночи.

Входите скорей, сказал Шмидт. Вы, должно быть, замерзли!

Еще бы!

Она не захотела снимать куртку, пока не согреется. Вот это домище, сказала она. А вы еще не спите? Я собиралась уехать, если вы не подойдете сразу.

Увидев топорище, она хрипло хихикнула — этот смех будто перенес Шмидта назад в те ночи, которые он проводил на 52-й Улице, слушая джаз, — и сказала: Вы собирались меня огреть!

Не вас. Хулигана. Я сейчас принесу выпить.

Она отказалась от предложенных виски и кофе и попросила стакан молока. Шмидт сказал, что молока нет: он только сегодня приехал и еще не

успел побывать в магазине. Остановились на чае. Кэрри прошла следом за ним в кухню. Откинувшись всем телом на подлокотник кресла-качалки, склонив на плечо — будто хотела спрятать под широкое крыло — и подперев кулаком голову, которая всегда казалась Шмидту несколько тяжеловатой для этой хрупкой шеи, она смотрела на его торопливые манипуляции с чайником и заварником. Шмидт подумал: вот так она, наверное, выглядит, когда приходит домой в свою квартиру в Сэг-Харборе — а может, эта квартира не более чем простая меблированная комната? — после долгого рабочего дня, и сказал себе, что не *должен давать воли* собственническим чувствам и ненужной снисходительной жалости вроде той, что накатывала на него всякий раз, когда одинокий пес, привязавшийся на пляже, провожал до машины, виляя хвостом, взлаивал и терся мордой о его колени, будто Шмидт только что подписал все бумаги об опеке. Перед ним сложная человеческая личность, молодая, очевидно, вполне способная о себе позаботиться женщина, которой временно приходится работать официанткой. Совет, который он когда-то дал себе — быть осторожным, — сохранял свою силу.

Хотите пить чай здесь, спросил он Кэрри. Я, по-

жалуй, тоже выпью чашечку и налью себе виски, хотя я уже слегка принял сегодня вечером.

А может, пройдем в гостиную? Мне хочется посмотреть дом. Вот это домина, повторила она.

Много лет назад моя жена унаследовала его от своей тети.

Шмидту казалось, что это объяснение оправдывает его жизнь в этом большом доме, который выглядит настоящим воплощением несметного богатства. Рядом с «О'Генри» — и слева, и справа — располагались риэлторские конторы, в витринах которых висели фотографии выставленной на продажу недвижимости, обычно с указанием запрошенной цены, так что эта девочка вполне могла представлять себе рыночную цену его дома.

И он добавил: На самом деле он мне и не принадлежит. Просто у меня есть право дожить здесь. Когда я умру, дом автоматически перейдет в собственность моей дочери. Но поскольку она собирается скоро выйти замуж, я задумал отказаться от своего права и переехать в дом поменьше. В общем, моя дочь и ее муж будут здесь распоряжаться, не спотыкаясь о какого-то старикашку.

Ужасно!

Вовсе нет. Это еще, может, и к лучшему.

Польская бригада поработала на совесть. Гостиная имела вид неприбранный, но притом нежилой.

Теперь, когда вы посмотрели салон, давайте осмотрим библиотеку, сказал он Кэрри. Там, пожалуй, будет уютнее. И может быть, даже найдутся дрова в камине.

Шмидт опустил поднос и разжег огонь. Они еще не успели сесть, и тут Кэрри хлопнула его по руке, как тогда на стоянке, и сказала:

Вы не спросили, зачем я здесь. Разве вы не удивлены?

Я и не думал спрашивать. Наверное, оттого, что я так рад вас видеть. Конечно, я удивился. Потому-то и прихватил эту дубину.

Ну да. Я ведь даже не оделась как следует, ничего. Заехала прямо с работы.

Да, конечно.

Когда он предложил ей сесть, Кэрри заметила, что пламя слишком жаркое, и ей пожалуй, лучше снять куртку, и, сняв, бросила ее в угол. Под курткой оказалась мужская рубашка. Кэрри мягко опустилась на диван напротив огня, устроившись в середине, стащила туфли, помассировала ступни, пошевелила пальцами и с громким вздо-

хом вытянула ноги.

Не возражаете, если я положу ноги на столик? Кажется, лучше бы их вовсе отстегнуть. А вы так и собираетесь там стоять?

Так она сидела и шевелила пальцами, пока Шмидт наливал ей новую чашку чаю. Дивана он будет избегать всеми средствами. Он принес из столовой стул и подставил к кофейному столику спиной к огню, чтобы сесть лицом к Кэрри.

Я скажу вам, зачем пришла, даже если вам это неинтересно. Это потому, что в ресторане я сегодня изображала безразличие. Вы заметили?

Разумеется. И что за причина тому была?

А как вы появились? Вы вошли, будто вам совсем все равно, есть ли я там. Едва поздоровались. Мол, привет, вот и я, принеси-ка мне выпить. Могли бы и приобнять или рассказать, как там было, куда вы ездили. Но вы на меня не реагировали, будто я машина! Или официантка в шоферском кафе. Вы меня обидели.

Мне чертовски жаль. Но если хотите знать, холодный прием я почувствовал сразу, лишь только вас увидел. Обычно вы говорите что-нибудь приветливое, подходите поболтать, но в этот раз ничего такого. Потому я и не стал рассказывать про свою поездку. Я решил не надоедать вам.

Вы думаете, я вам поверю?

Но это правда! Разве вы не знаете, что я ваш друг? Я слал вам открытки. И оставил для вас рождественский подарок.

Вы привезли его в ресторан в мой выходной, перебила его Кэрри.

Извините. Это было глупо с моей стороны. То был мой последний день в Бриджхэмптоне, и я не знал, где вас искать.

Могли спросить в ресторане!

Я думал, это вам не понравится.

Почему? Я-то вас не стыжусь. Это вы меня стыдитесь. Вы не написали на пакете своего имени. И я догадалась, почему вы отправляли открытки в конвертах, чтобы никто не узнал, что вы мне пишете!

Кэрри, я их запечатывал, потому что так интимнее и дружелюбнее. И потом — остается больше места, где писать.

Я вижу только, что вы не хотите, чтобы кто-нибудь подумал, что я вам нравлюсь.

Допив чай, Кэрри, как будто отстраняясь от действительности, подобрала ноги под себя и мрачно поглядела на Шмидта.

Я не хотел вас смутить, вот и все. Мне казалось, что красивой юной девушке вроде вас не

понравится, если люди станут дразнить ее из-за какого-то старика.

Если я вам нравилась, не надо было думать за меня!

Но вы не можете отрицать, что нравитесь мне. Иначе зачем бы я так часто приходил в «О'Генри»? Не ради же их кухни!

Не пересесть ли на диван, осторожно устроившись на краешке? Пройдет ли с Кэрри номер с безмолвным пожатием рук, которым они больше часа забавлялись с Ренатой? Или попробовать что-нибудь более дерзкое? Можно, к примеру, посмотреть фотографии Большого Каньона. По всей вероятности, альбом, который он смотрел с Коринн, стоит в том же шкафу и на том же самом месте. Вместе с тем Шмидт понимал, что никаких уловок не нужно, ему вовсе не так уж хочется здесь преуспеть, и у него, должно быть, ужасный запах изо рта. Он поднялся, бесцельно поворошил угли и подбросил полено.

Эй, Шмидти, а вы не хитрите?

Можно ли влюбиться в голос?

Она, как кошка, соскочила с дивана. К объятию Шмидт оказался не готов — встав на цыпочки и схватив его за уши, Кэрри дотянулась до его губ, — и, чтобы не упасть под весом ее тела, он

обхватил ее обеими руками. И осторожно погладил по затылку. Просто чудо, что эти волосы, эта голова, которую он втайне разглядывал все эти вечера, могут быть так доступны. Он рискнул дотронуться до ее маленьких аккуратных ушей. Она, завершив поцелуй, лизнула его руку и замерла, прижавшись к нему, опустив голову покойно и покорно во впадинку на его груди.

Помолчав, она шепнула: Не хотите сесть? — и, положив руку на его отвердевший член, с силой сжала его. А он хорош. Жаль, что сегодня вы больше ничего не получите.

Но на диване: Давайте просто спокойно посидим рядом, поговорите со мной, — Кэрри сейчас же снова схватила его, отстранив свободной рукой его руку, которой он хотел — наверное, просто чтобы чем-то ответить — погладить ее.

Я же сказала, не валяйте дурака. Вы будете со мной разговаривать.

Это оказалось трудно. Будто говорить нужно на иностранном языке, единственном, который он когда-то учил и давно забыл, на школьном французском. Подбирать каждое слово. Произносить. То, что получалось, казалось, говорил кто-то другой, а не он. Предмет разговора был очевиден — Шмидт стал описывать, как необычность

Бразилии, яркий свет и горячий зной поразили его в тот самый момент, когда он оказался на открытом воздухе, выйдя из самолета в Манаусе и собираясь последовать за встречавшим его шофером в здание аэропорта; до той минуты Бразилия оставалась для него дремотным движением в кондиционированном воздухе сквозь хаос аэропортов Рио, Сан-Паулу и Бразилиа. Но Кэрри хотела услышать другое.

Об этом вы можете рассказать как-нибудь потом, сказала она, сильнее сжимая руку. Я хочу услышать, что во мне так вам понравилось.

Длинная шея. Большие глаза. И волосы. И то, что вы всегда хрипите. Только вам придется немного поработать над голосом, если вы вправду собираетесь стать актрисой.

Вам не нравится мой голос. Он пуэрториканский и совсем не стильный.

Неправда. В нем ваше особое очарование. Я бы хотел сохранить его в своих ушах, как на магнитофоне, чтобы слушать его, когда вас нет рядом.

Врун! Если бы вы любили слушать, как я говорю, почаще приходили бы в ресторан. Что еще вам нравится?

Сдерживаться было мучительно, и боль была не слабее его наслаждения, но Шмидт понимал,

что если Кэрри отнимет руку, его уже ничто не остановит. Если он будет говорить обиняками, Кэрри засмеет его. Ничего не поделаешь, придется назвать вещи по именам.

Сожми мой член посильнее, Кэрри. Сожми изо всей силы.

Как стальным кольцом. Теперь он может сидеть так хоть вечность. Если бы она еще дотронулась до яиц.

Вы не говорите, за что я вам нравлюсь.

За то, что ты работаешь целый день и иногда выглядишь усталой, мне нравится твоя кожа и твои ступни, твой рот. Я не видел твоих грудей — думаю, они маленькие и крепкие.

А вот и неправда. У меня большие сиськи. И еще вы думаете, что я неотесанная дурочка. А теперь еще думаете, что я шлюха.

Нет, Кэрри. Я думаю, что ты прекрасная и чокнутая.

А мне нравится, что вы чокнутый. А вы меня любите?

Пока нет. Наверное. Еще не знаю.

Но будете. И перестаньте закрывать глаза!

Натяни и отпусти, натяни и отпусти. Шмидт больше не пытался говорить, и когда наконец мокрое пятно растеклось по нему, у него было

ощущение, будто это произошло где-то далеко-далеко. О, это что-то! Долго копили.

Извини.

Не глупите. Я знаю, что делаю.

Помолчав, она потянула носом воздух и сказала:

Вы пахнете грибами, Шмидти. Шмидти-грибной-суп!

Она просунула ему в рот свой язык и тут же оттолкнула его, вскочила на ноги, прыгнула с дивана в кресло, подхватила свои туфли и куртку и, надев их на себя так стремительно, будто шла на рекорд, сказала:

Мне пора. Хотите, завтра прогуляемся по пляжу? Завтра будет хороший день. Я заеду за вами в одиннадцать.

XI

Не стоит ждать, что она появится вовремя. В конце концов, у нее сегодня выходной, а в котором часу она вчера ушла от него, страшно подумать. Но когда она не появилась и в половине двенадцатого, Шмидт убедился, что сглупил, не спросив у нее номер телефона. Без особой уверенности он поискал ее в телефонной книге, затем позвонил в справочную — такой нет. Может, он не так услыхал ее фамилию? С минуты на минуту приедут польки. Мысль о том, что они увидят, как здесь появится Кэрри, не понравилась Шмидту: польки много лет служили Мэри, а теперь с любой точки зрения — если не считать того, что платил им Шмидт, — они были Шарлоттины. Едва он представил, как они отнесутся к Кэрри: вопросы, хитрые взгляды, пожалуй, и оценивающие замечания — ему стало неловко. А потому решил сесть в машину и, немного отъехав, ждать Кэрри на дороге. Единственное неудобство в том, что если она позвонит, он не сможет ей ответить. На секунду он пожалел, что нет автоответчика, на котором он мог бы оставить для нее сообще-

ние. Если, выждав еще немного, дождаться полек, можно будет попросить миссис Новак, которая начисто лишена чувства юмора и кажется наименее любопытной из всех, сказать Кэрри, если она позвонит, что Шмидт будет ждать на пляже, но это тоже не лучший вариант: вдруг, пока он станет договариваться, Кэрри и приедет? Какой повод для пересудов! Он собирается на пляж с молоденькой официанткой! В социальном чутье своих чистильщиц Шмидт не сомневался ни на йоту.

Ну и черт с ним. Термометр показывал двадцать градусов.[36] На пляже будет еще холоднее, да еще и ветрено. Шмидт надел свою верную полярную куртку «Аберкромби-энд-Фитч» с капюшоном, которая сохраняла тепло на любом ветру, меховые перчатки, сел в машину и захрустел по гравию к шоссе. Там он разминулся с первой, а следом и со второй машиной полек. Женщины весело помахали ему, он помахал в ответ. Отъехав от дома на приличное расстояние, Шмидт остановился на обочине, включил приемник и закурил. Любимая джазовая программа на волне радиостанции Саутхэмптонского колледжа еще

[36] Примечания: 36
— 6 °C.

не закончилась. Если бы не томительная неизвестность — когда же приедет Кэрри и не решила ли она и вовсе не приходить, — Шмидт мог бы сказать, что ему нечего больше и желать. Да если Кэрри и не придет, ведь это не саммит на высшем уровне. Разумеется, к таким договоренностям она относится далеко не так серьезно, как он. Мало ли что могло произойти. Например, не услышала будильник. Ведь рассердиться или обидеться ей было не на что. И вообще, сам ее визит был знаком и самодостаточным событием, как Ворон Эдгара По, только после полуночи. Может, даже лучше, если не воспоследует никакого немедленного продолжения. Визит Кэрри вспомнился ему так живо, что Шмидт, уставившись на шкалу радиоприемника, безотчетно начал потихоньку мастурбировать под курткой.

От этого занятия его отвлек легкий стук в стекло. Кэрри скорчила ему рожу. Она была одета так же, как вечером, за исключением одной неприятной детали: на ней была красная лыжная шапочка, как на том психе. Спрятать голову от холода — хорошая мысль, но зачем таким ужасным предметом?

Она поцеловала Шмидта в щеку. Он удивился, насколько естественно это у нее получилось.

Не сердитесь, что я опоздала? В прачечной была очередь. Сегодня единственный день, когда я могу постирать. Можно я поведу вашу машину? А вы пойдите загоните мою к себе на дорожку.

Конечно.

Тут же, внезапно сообразив, что ей лучше не знать, что его раздражает, а что нет, он добавил: Я совсем не сержусь. Мне даже нравится ждать, как будто вдруг появилось неучтенное свободное время.

А я ненавижу ждать. Ко мне вы опаздывать не вздумайте!

Когда они наконец уселись в «сааб» и покатили к морю, Кэрри спросила: А что за две машины у вас на дорожке? Не похоже, чтоб ваши.

Это моих польских уборщиц. Их так много, и они такие толстые, что в одной машине не помещаются. Не чета тебе.

Интересно, каковы правила игры? Шмидт заставил себя пойти на нелепую дерзость — сунуть руку ей между ног, как будто чтобы проверить, на месте ли ее бедра. К его удивлению, она не сказала ему: не наглеть — что-то в этом роде он опасался услышать — и не шлепнула его, и не оттолкнула. Вместо этого она взяла его за запястье, потянула, так чтобы его рука оказалась совсем

глубоко, гораздо глубже, чем он сам посмел бы забраться, и крепко сжала бедра.

Кэрри хитро посмотрела на него. Это мое, сказала она. А может быть вашим. Хотите себе оставить? Вам нравится?

Изумительно.

Она стала покачиваться и ерзать на сиденье, тереться о руку Шмидта.

Эй, Шмидти, это здорово. От вас я просто таю. А я, я вам нравлюсь?

Что за вопрос?

Не знаю. Вы меня любите? Ну-ка, скажите!

Ее рука вторглась ему под куртку и между ног.

А ваш малыш определенно меня любит. И никогда не устает. Ну а вы? Совсем не любите меня, ни чуточки?

Не знаю. Может, я не смогу от этого удержаться.

Сильный северный ветер, как иголками, колол лицо песком и гнал волны вспять, превращая океан в светящуюся и безмолвную изморщенную зелено-голубую равнину. Зимние штормы еще сильнее разъели пляж — идти по ровному можно было только у самой воды, по плотному, будто смерзшемуся, песку. Там, где прибой захлестывал подальше, остались влажные пятна, покрытые

застывшими хлопьями бурой пены. Шмидт повел Кэрри своим обычным маршрутом на восток. Кэрри опустила левую руку в карман его куртки. Сняв перчатку, Шмидт взял руку девушки и, просунув в ее перчатку большой палец, добрался до ладони.

Ты часто сюда приходишь? — спросил Шмидт.

Летом часто ходила, если выпадало время перед ужином. Или в выходной, когда бывали пикники. Этот пляж мне не особенно нравится, так я ходила вон туда. Она махнула рукой в сторону запруды Питера.

Шмидт живо представил себе такой пикник: грузовички, сумки-холодильники, набитые пивом, древесный уголь для костра, грубые голоса, рабочие парни в безрукавках с жидкими бородками и татуировками на бицепсах. Магнитофон в грузовичке играет на всю катушку — или они привозили с собой набор черных кубиков нормальной стереосистемы с колонками. Правильные шмидты возвращаются с прогулки и предвкушают вскоре первый вечерний стакан белого вина с содовой, украдкой бросают недовольные взгляды и морщат носы, подумав, как намусорят городские. А после того, как съедены все сосиски и попкорн, — или они теперь, не муд-

ря, привозят с собой пиццу? — все, должно быть, трахаются кому с кем придется за машинами или в дюнах. Должно быть, это входит в обязательную программу. Случалось ли ему в это последнее лето Мэри, гуляя здесь об руку с Шарлоттой, пройти мимо пирующей Кэрри?

А я теперь, как ушел на пенсию, каждый день сюда хожу, сказал Шмидт. Летом люблю поплавать.

Шутите? В такие волны? Я бы и близко не подошла. Все равно в колледже я вместо плавания ходила в танцкласс.

Жалость перечеркнула гадкие картины, которые рисовал себе Шмидт.

Я тебя научу, сказал он, сжимая ее руку в своем кармане. Это вовсе не трудно.

Думаете, вы затащите меня в эти волны?

В океане плавать не научишься. Учиться будем в моем бассейне. В выходные, да и в любой день, если у тебя найдется немного времени.

Вы вроде говорили, что дом собираетесь подарить дочери и переехать.

Это обстоятельство совсем вылетело у Шмидта из головы. Похоже, он вообще забыл обо всем на свете, кроме теплой руки Кэрри, которая отвечала на каждое пожатие, придумывая все новые

игры.

Пойдем обратно, сказал он. Ты замерзнешь. Все правильно насчет дочери и переезда, но я думаю, что в новом доме у меня тоже будет бассейн. Просто дом будет значительно меньше этого, полагаю, подобных предложений на рынке куча. Мне уже совсем скоро надо приступать к поискам. Может, ты мне поможешь?

А как ваша дочь на это посмотрит? Я имею в виду, если я буду ездить с вами смотреть дома. Вы не сказали мне еще, как ее зовут. Какая она?

Шарлотта. Так звали мать моей жены. Она умерла, когда жена была еще ребенком. Мою жену вырастила тетка, которая ей и оставила, как я тебе говорил, этот дом. Шарлотта… Она высокая, повыше тебя, очень светлая и, на мой взгляд, довольно красива. Она похожа на… Жанну д'Арк! Ты видела Жанну д'Арк на портретах? Дева-воительница, в пятнадцатом веке она спасла Францию от англичан. Потом англичане сожгли ее на костре, и она стала святой. Конечно, Шарлотта не дева: она уже несколько лет живет с тем парнем, который надумал взять ее в жены, и она не очень воинственна, хотя зверски играет в сквош.

Вы ее очень любите, сказала Кэрри мрачно. Она старше меня? Кэрри высвободила свою руку из

ладони Шмидта.

Мягким движением пальцев Шмидт восстановил контроль над территорией: точно так он брал руку Шарлотты, когда та была маленькой.

Конечно, люблю. Она моя единственная дочь, единственный ребенок, она — вся моя семья. Тебя она, должно быть, постарше. В августе ей будет двадцать семь.

А мне двадцать. Кэрри рассмеялась. Могу спорить, у нее хорошая работа. Вы ее устроили?

Нет, она сама. Многие скажут, что работа у нее хорошая, но я почему-то этого не думаю. Она занимается связями с общественностью. В ее случае это значит объяснять людям, что производители табака — хорошие парни, которых неправильно поняли, и они выпускают здоровый и нужный продукт. Или рассказывать, как «Ситибанк» никогда не спит. Сплошные игры и забавы.

А вы курите.

Конечно. И не имею ничего против игр и забав. Только вот пользы от них только тем, кто играет. Ты вот не очень любишь свою работу, она трудная, но тебе удается что-то сделать. Ты приносишь людям настоящие еду и питье, собираешь настоящие деньги и уносишь настоящие грязные тарелки. А там за большие деньги со-

здают впечатление. Шарлотта бы не согласилась со мной, но я считаю, что она выбросила свое образование на ветер.

Но и я не собираюсь всю жизнь прислуживать в ресторане. Обещаю вам, я закончу учебу. Могу спорить, она училась в хорошей школе.

Шмидт кивнул.

Она обалдеет, если узнает. Вы связались с пуэрториканской официанткой, которая моложе вашей дочери на семь лет!

Любую женщину ей будет трудно воспринять. Ее мать умерла в апреле. И Шарлотта не представляет меня с другой женщиной. Но мы с тобой можем видеться, когда захочешь, и не дадим ей совать в это нос. И раз ты мой друг, тебе, конечно, надо будет посмотреть на дом, где я захочу поселиться.

Не беспокойтесь, я ваш друг.

Изучив приборную доску «сааба» и перепробовав все возможные положения сидений, задаваемые электроникой, и все настройки кондиционера, Кэрри хлопнула Шмидта по руке и воскликнула: Если вы и вправду собрались покупать дом, берите меня с собой, только чтоб агента не было: вы же не хотите, чтобы вам отказали!

Потом, когда он спросил, не хочет ли она пой-

ти куда-нибудь пообедать — думая про отель в Сэг-Харборе, где зимой ланч подавали допоздна и где Кэрри, поскольку отель был дорогой, вряд ли могли узнать, а значит, не будет никакой неловкости, — она ответила, что он, должно быть, повредился умом. Нет, есть она не хочет.

Давайте пойдем к вам домой, Шмидти. И поскорей, пока вы там еще живете.

Раздеваться она принялась, едва переступила порог, разбрасывая одежду направо и налево, и в одних лосинах взбежала вперед Шмидта на лестницу. Хватая ее за плечи и пытаясь их целовать, разгоряченный Шмидт подтолкнул ее к спальне.

Кровать ее поразила: О-о, это что-то! Двойная двуспальная? Можно прием устроить! Пробуя, Кэрри несколько раз подпрыгнула на ней, как на батуте.

Не двойная, просто большая.

Ну ладно, мой большой, не хочешь снять с меня колготки? Я вся чистая для тебя. Нет, подожди, сначала я тебя раздену. Смотри-ка, а где же твой малыш? В чем дело? Наверное, застеснялся.

Она разбросала его вещи по полу и по комоду, одергивая его всякий раз, когда, повинуясь привычке и чувствуя себя от этого дураком, Шмидт пытался подхватить одежду и повесить

на стул. Когда он наконец снял с нее лосины и оказавшиеся под ними колготки, и она спокойно вытянулась на кровати, закинув руки за голову, Шмидт понял, что до сих пор Кэрри существовала только в его воображении. Да, он знал ее волосы, лицо, шею, руки, жесты, *голос.* Но только сейчас впервые увидел эти великолепные руки и ноги Дианы-охотницы и аккуратный треугольник, а вернее, узкую полоску волос на лобке, красные точки на коже вокруг, указывающие на то, что она выбрила там, чтобы носить самые крохотные стринг-бикини, девственный дол ее живота, трогательный до слез маленький и аккуратный пупок и два священных кургана ее грудей. Святилище! Шмидту не терпелось раздвинуть ей ноги, но она и сама хотела, чтобы он увидел, и прежде, чем Шмидт успел дотронуться до нее, согнула колени, и вся выгнулась ему навстречу.

Ты готов, любимый, тихо спросила она.

Между забытьём и пробуждением был момент, когда Шмидт сознавал только то, что потерялся. За окном спустились сумерки. Должно быть, он очень крепко спал. И тут он увидел очертания ее тела под простыней. Она лежала на животе, наискось вытянувшись на кровати, будто тянулась к нему, и едва не касаясь головой его плеча.

Бережно он дотронулся до ее волос и поиграл спутанными локонами. Нежность и жажда ее близости. Шмидт не верил своему счастью — Кэрри на расстоянии вытянутой руки от него — и этой фантастической ее доступности. Когда лишаешься работы и живешь почти в полном одиночестве, в жизни появляется новое качество, которого Шмидт до сих пор не понял и не оценил: ты становишься свободным! Ему совершенно не нужно тревожиться, долго ли проспит эта девушка, или о том, чего ей захочется, когда она проснется. Свадьба дочери в июне да предстоящий переезд в новый дом — необходимость, превратившаяся в потребность, — кроме этих двух у него не было никаких обязательств, никаких планов. В будущее, простиравшееся перед ним — сколько бы оно ни продлилось, — он отправляется без карты и компаса.

При последнем объятии Кэрри простонала: Тебе нравится, любимый? Только для тебя одного. А он, зарываясь лицом в черную волну ее волос, не находил сил отнять губы от ее шеи и затылка и только мощнее двигался в ответ. А она стонала: Вот так. Теперь я по-настоящему твоя.

Когда все кончилось, она спросила: Тебе понравилось? Шмидти, приди в себя, поговори со мной,

скажи, что тебе понравилось?

Ему казалось, что он возвращается из какой-то запредельной дали. Может быть, он задремал? Но вопрос будет звучать, пока он не ответит. И он сказал: Твои слова. Что ты моя.

Любимый.

Никто никогда не звал его так. Ни отец — это уж, конечно, ни мать — до самой смерти он был для нее Шмидти или реже Бибоп — прозвище его балтиморского крестного, который каждое Рождество исправно присылал открытку с видами рыбацких лодок у Восточного побережья и чек на десять долларов, ни Мэри — все нежные слова, рассеянно произносимые в разговоре с Шарлоттой ли, с любым ребенком на улице, с секретаршей в издательстве или с мужем, исчерпывались у нее производными от слова «милый» — «милочка», «милашка», «миленький», ни Коринн и ни одна из его случайных подружек на одну ночь. А это девчонка с хриплым голосом и грубым выговором назвала. Трижды подряд назвала его любимым, и не похоже, что у нее это привычный оборот речи, автоматический повтор вроде ее неотступного «Я тебе нравлюсь?». Этого ему хватит, чтобы уверовать в отпущение грехов и жизнь вечную.

Зазвонил телефон. Шмидт бросил взгляд на Кэрри — никакой реакции. Еще одно чудо — сон юной девушки. Сняв трубку и не дав себе услышать голос дочери, он сказал: Секунду. Я хочу говорить с тобой из кухни.

Войдя туда, Шмидт включил свет и налил себе стакан холодной воды из-под крана. Взял телефон и сел к столу. Не забыть бы только повесить трубку в спальне, когда закончит разговор.

Пап, где ты был? Я два раза звонила, ты не отвечал.

До вчерашнего дня — в Бразилии. Утром дома, в обед на пляже. А сейчас, если хочешь знать, у меня как раз пенсионерский вечерний сон!

Извини. Ты приехал вчера и не позвонил?

Детка, мы летели всю ночь. Я устал. Сначала я тут слонялся из угла в угол и ждал, что ты позвонишь. Потом я ушел перекусить, а потом было уже поздно звонить.

А я потеряла твою открытку с датами и запуталась, когда тебя ждать. Хорошо провел время?

Превосходно. Кажется, я тебе об этом писал.

Верно. Такую открытку я тоже получала. Пап, пока тебя не было, мы пару раз приезжали с коллегами из фирмы. Так что на этих выходных мы с тобой, наверное, не увидимся. А может, и на

следующих тоже.

Понял.

Кстати, Рената считает, что нам пора заняться организацией свадьбы. Она спрашивает, делал ли ты что-нибудь и собираешься ли. Или ты хочешь, чтобы она помогла тебе, или вообще — сама занялась этим?

Где тут ближайшее бомбоубежище? Завтра вступить в дело захочет его бабушка.

Он ответил вопросом на вопрос: Ты по-прежнему хочешь свадьбу в июне, и чтобы бракосочетание и прием прошли в доме?

Ну думаю, да конечно, если ты не против. Собственно, об этом Рената и спрашивает.

Давай на минутку забудем про прекрасную Ренату. Вопрос в том, чего хочет мисс Шарлотта.

Я только беспокоюсь, что тебе выпадет слишком много хлопот. Почти все наши друзья живут в Нью-Йорке. Ты уже думал, где мы их разместим?

Вообще-то, да. Если в большинстве своем они взрослые люди — а я думаю, это так, — будет нетрудно разместить их в отелях и мотелях. Я думал, что буду бронировать — можно начать прямо сейчас — комнаты блоками по разной цене, какие-то на весь уикэнд, какие-то только на одну ночь. Несколько человек мы можем раз-

местить здесь и еще, возможно, пару или две у Блэкменов. Твоя мама еще попросила бы об этом Бернстайнов и Хауардов, но я с ними не вижусь. Впрочем, могу спросить все равно.

На этом месте голос у Шмидта задрожал.

Видишь, папа. Этого я и боялась! Ты переутомился.

Нет, это я просто подумал, как бы взялась за дело мама. Со мной все в порядке, правда. У меня возникла еще одна мысль — для кого-то из гостей подходящим решением будет автобус. Прекрасный комфортабельный автобус отходит с Манхэттена около трех и возвращается как раз после вечеринки, если предположить, что вас поженят в шесть.

Ловко! А ты сможешь управиться с едой и всем таким?

Ни один родитель не сможет «управиться» с таким большим приемом. Я отыщу имя поставщика, который обслуживал свадьбу Парсонов. Ты была на ней? Нам е мамой показалось, что было очень мило. Он сделает все и для вас, кроме оркестра. Это я бы предпочел оставить вам самим впрочем, если вы захотите танцевать под Питера Дучина или Лестера Лэнина… У меня не только цифры. Нужно знать хотя бы приблизи-

тельно число гостей. До двухсот пятидесяти мы точно справляемся без проблем. Именно столько принимала здесь Марта, когда поженились мы с Мэри.

М-м-м-м.

Тут еще вот что, видишь, я обо всем подумал. Тебе, наверное, захочется надеть мамино платье. Может, там где-то придется ушить, а где-то немного расставить, но в целом оно должно быть впору. И оно здесь, дожидается тебя.

О. Ты думаешь? Я не знаю.

Если уж речь зашла об одеяниях, сам Шмидт не потрудился даже накинуть халат. Ему нравилось на досуге походить голым, если стояла теплая погода или в доме было хорошо натоплено. На улице было так холодно, что в ожидании прихода Кэрри Шмидт предусмотрительно установил термостат в спальне и другой, на первом этаже, на хороший прогрев — 72 градуса. Кэрри! Шмидт надеялся, что она не проснется и не услышит этого разговора. И все равно, увидев, как она — пусть только что основательно исследованная им — на цыпочках входит на кухню, поникшая, как орхидея, и грациозная, как жеребенок, он вооду-шевился. Белый махровый халат был ей длинным и смотрелся смешно. «Сам Геспер молит света

твоего, Сияющее славой божество!»[37] Шмидт приложил палец к губам, чтобы она осталась безмолвной, как Луна. В ответ Кэрри скорчила рожу — влажно фыркнула, добавив в гримасу какие-то неизвестные Шмидту компоненты, — как в тот раз, когда постучала ему в окно машины. Потом с недовольной гримасой и тоже приложив палец к губам, Кэрри скользнула к нему на колени, обвила его руками и стала вылизывать ему ухо, то, которое не было прижато к телефонной трубке.

Никакой особой спешки нет, сказал он дочери. Если ты не захочешь надевать его, успеешь найти элегантный белый костюм или короткое белое платье. Если хочешь, я помогу тебе искать. Длинное платье — если не мамино — не предполагается, ведь венчаться вы не будете.

Шарлотта хихикнула. Уж это да. Кстати, у нас будет очень милый раввин.

Раввин?

Лиа и Рональд ожидают этого. Так сказала Рената.

Лиа и Рональд?

Это Джоновы бабушка и дедушка! Пап, ты что, не помнишь? Ты же с ними знаком.

---

[37] Примечания: 37

Строка из стихотворения английского драматурга и поэта Бенджамина Джонсона (1573–1637) «Гимн Диане».

Да, конечно, извини.

Он не сможет по-настоящему поженить нас, потому что я еще не могу обратиться, но он произнесет несколько молитв и благословит брак.

Шмидт даже не поморщился, так остро чувствовал он язык Кэрри в своем ухе и ее пальцы на своем правом соске.

Вместо этого он спросил: А для нормальной церкви тоже времени не хватит?

Для какой именно, пап? Ты хоть одного священника знаешь? А в церкви ты когда был последний раз?

На отпевании твоей мамы. Дэвид Хэскелл, так зовут священника. И я определенно с ним знаком.

А до того когда?

Шарлотта, ты прекрасно знаешь, что мы с мамой почти не ходили в церковь.

Ну а в чем тогда, объясни!

Действие наркоза прекращалось. Шмидт подвинул Кэрри с колен.

Сначала ты мне объясни, что значат эти намеки про обращение.

Ровно то, что я сказала. До июня осталось мало времени. Но у меня будет время потом, и, возможно, я обращусь. Уж наверное, в том, чтобы

быть еврейкой, больше смысла, чем в том, чтобы принадлежать к епископальной церкви так, как ты к ней принадлежишь. По крайней мере, это настоящее.

Настоящее! Детка, они что, подсадили тебя на какие-нибудь таблетки? Иначе почему не Харе Кришна? Ты что, собираешься зажигать семисвечник и нырять в микву? Уверен, наша милая Рената так не поступает. Это мы тебя так воспитали?

Это, папа, ты в самую точку попал. Мама приучила меня восхищаться еврейскими традициями и с брезгливостью относиться к твоим нападкам на евреев. Ты только послушай себя! Единственное упоминание слова «раввин», и наружу прорвался подлинный Альберт Шмидт, эсквайр. И никаких банкетов и коротких белых платьев — это не для дочери, которая выходит за еврея и собирается притащить раввина к отцовскому крыльцу!

Кэрри будто от природы обладала благородством и хорошими манерами. А может, их привил ей мистер Горчук, который, чем черт не шутит, был московским князем или сыном царского генерала. Благодарный Шмидт с приятным удивлением отметил, что она с каменно непро-

ницаемым видом ушла в дальний угол кухни, где соорудила ему, насколько он мог видеть со своего места, бурбон со льдом. Босиком неслышно порхая туда-сюда, она нашла маленький серебряный поднос и на нем подала стакан Шмидту. А подав, опустилась на корточки, обняла его ноги и, как кошка, стала тереться головой о его колени.

Не думай, что ты кого-то можешь обмануть! В «Вуде и Кинге» это была стандартная шутка: Шмидт и его последняя битва против сионизма! Потому-то тебя так и не подпустили к руководству — половина фирмы бы сразу разбежалась. Спроси мистера Дефорреста. Спроси кого угодно из приятелей, кто там остался. Они скажут, что не хотели иметь антисемита президентом компании.

Натощак чистый бурбон оказывает волшебный эффект.

Джека Дефорреста? Этого знаменитого защитника Израиля? Может, Ника Браунинга? Или Лью Бреннера, нашего образцового американца? Кто из них бросил первый камень? Да нет, это Джон Райкер. Не иначе, продвигая его в партнеры, я был уверен, что его предки приплыли на «Мэй-

флауэре»![38]

Папа, да так *все* думают. Конечно, ты помог Джону, но при этом зажимал нос. А вспомни своих клиентов! Был ли среди них хоть один еврей? А друзей? Только не говори мне про Гила Блэкмена!

Если хочешь считать евреев, детка, пожалуйста. Мне как-то не с руки. Можешь начать со всех тех евреев, которых мы с мамой принимали и здесь, и на Пятой авеню: обеды и ужины, приемы уикэнды… Как ты думаешь?

Это были мамины друзья, а не твои.

Тогда ты права. У меня друзей вообще нет.

Кроме знаменитого Гила Блэкмена!

Да, моего однокашника и соседа по комнате, который не был таким уж знаменитым, когда мы познакомились. Ну ладно, детка. Думаю, ты мне все сказала. Пожалуйста, скажи Ренате, что я вполне поправился, и передай привет Джону и всем остальным. Будет неплохо, если ты мне напишешь до конца недели и сообщишь число гостей, если ты планируешь свадьбу здесь. Если у тебя другое на уме, устраивайте все сами, а я оплачу.

---

[38] Примечания: 38

Корабль, на котором 11 ноября 1620 г. приплыли в Северную Америку первые британские колонисты.

Шарлотта начала что-то отвечать. Не желая слышать ее слов, Шмидт повысил голос: Не смей извиняться. Никогда. Просто будем жить всяк по-своему.

Он повесил трубку. Кэрри, не отрываясь от его колен, подняла на него глаза. Мужик, это было круто!

Да. Извини, что тебе пришлось это выслушивать.

Все нормально.

Ее голова двинулась вверх, к центру Шмидта, задержавшись на миг, когда Кэрри распахнула халат, а достигнув цели, оставалась там, покуда полностью не удовольствовалась.

Я хочу. Чего ты ждешь?

Оттолкнув его руки от своей груди, Кэрри дала халату скользнуть на пол и, вытянув руки, навалилась на кухонный стол.

Держи меня крепче.

И позже, тяжело дыша: Ну тебе нравится, Шмидти? Ты можешь кончить.

Не хочу. Мне слишком хорошо.

Ехать обедать она не хотела, хотя тоже проголодалась. Дай мне ключи от машины, я поеду куплю пиццу. Я быстро. Ты любую ешь?

Поверх своей маечки она надела найденную в

комоде Шмидта поношенную синюю рубаху от «Братьев Брукс» и его старую теннисную фуфайку. По дороге к дверям она вынула из кармана куртки красные перчатки — его рождественский подарок — и надела их. Шмидт сказал, что до сих пор не замечал их на ней.

Я не хотела испортить их песком, ответила она. Я была в старых. Эти такие шикарные!

Он подождал, пока Кэрри завела мотор — «сааб» издал густой рокот, как пластинки, куда будто бы записывали автогонки в Дайтоне, которые слушал на первом курсе живший напротив них с Гилом студент-медик, — и надел брюки и свитер. Ужин на кухне вдвоем и при свечах! Фантастическая легкость бытия. Прежде чем доставать посуду, Шмидт осмотрел край стола, надеясь найти следы Кэрри. Бесполезно. Шмидт вынул георгианские подсвечники — слава богу, не потускнели, — белую крахмальную скатерть и салфетки. Нужны ли соль и перец? Пожалуй, перец. В серебряной мельнице. Он подумал, что серебро предстоит оставить Шарлотте. В его новом доме не будет ни кладовки, ни глубокого шкафа, где могли бы покоиться завернутые в их фланелевые саваны тарелки и побрякушки от «Шрив, Крамп энд Лоу». А вот вино он заберет с со-

бой. Теперь же, чтобы отпраздновать, он выпьет его много и начнет с бургундского, уложенного в подвал в год рождения Шарлотты. Такое вино — и к пицце! Раньше с ним не могло случиться ничего подобного.

Вкусно, сказал он Кэрри и откусил побольше. Мне нравится!

Пицца и вправду была хороша, с толстой мягкой коркой, слоем сыра и томатного соуса в палец толщиной и щедро уснащенная ломтиками пепперони, оливками, анчоусами и маленькими шампиньонами из банки; она напомнила Шмидту ту пиццу, которую много лет назад он ел в ресторане на 72-й Улице, напрямую принадлежавшем, как говорил тамошний бармен, мафии, а не просто находившемся «под крышей». Похожий на Витторио Гассмана[39] хозяин был подставной фигурой. Его дом в Вавилоне, штат Нью-Йорк, с круглым бассейном, изображенный на фотографии, скотчем приклеенной к зеркалу над стойкой, тоже принадлежал мафии, и только жена в бермудах и маленький сын были его собственные. Шмидт переставил приборы, потому

[39] Примечания: 39

Витторио Гассман (р. 1922) — итальянский актер, режиссер и сценарист

что Кэрри захотела сидеть с ним рядом: сидеть напротив, через стол, было слишком далеко.

Тебе надо чаще есть дома. Ты не поверишь, но то, чем кормят в «О'Генри», не стоит и трети того, что ты платишь. Особенно выпивка. При том, сколько ты пьешь, это важно.

Я знаю. Но я прихожу туда, чтобы видеться с тобой.

Ну теперь тебе это ни к чему. Я буду приходить к тебе.

Она взяла его руку и поцеловала.

Ты дашь мне ключи, и, если я приду, а ты еще спишь, я залезу под одеяло и разбужу тебя. Нет, я разбужу только твоего малыша. Я, кажется, знаю, как это делать.

Ты поосторожней, а то истощишь меня совсем. Не забывай, я старик.

Это я дразнюсь. Мы просто возьмемся за руки и будем спать. Да, знаешь, я хочу спросить. Как ты думаешь, нормально, если просто ложишься в постель с мужчиной и ничего не делаешь — ну так, поцелуешься немного? Но даже без рук.

Конечно. Так и поступают семейные пары большую часть времени.

Я не имею в виду, когда люди уже перестали трахаться. Просто вот сейчас с тобой мне хочется,

чтобы ты вовсе не выходил из меня. Но бывают и другие моменты, когда я устаю или не в настроении. Тогда мне просто хочется покоя.

Шмидт кивнул.

Хочешь мороженого с шоколадной крошкой? Я купила кварту. Ой, у меня же в кармане твоя сдача. Я положу на стойку рядом с тостером.

Потом, когда ели мороженое, она спросила:

Ты не рассердишься, если сегодня вечером мы ничего не станем делать? Обещаешь? Ну может, просто посмотрим телевизор в постели, пообнимаемся.

Конечно. Если мы друзья, мы не можем все время заниматься любовью. Мы будем вместе делать разные вещи: читать, слушать музыку, просто лениться. Тогда есть шанс, что ты не заскучаешь со мной и не устанешь от меня.

Ты с ума сошел! Замолчи! Шмидти, посмотри мне в глаза. Мне нужно знать. Просишь ли ты меня быть верной?

Что за странный вопрос! К чему ты спрашиваешь?

Странный вопрос, но Шмидт сразу вспомнил прецедент: что-то подобное спрашивала у Гила его гречанка. Может, это часть брачного ритуала у экзотических народов?

Мне надо знать. Я хочу знать, рассердишься ли ты, если узнаешь, что я трахаюсь с кем-нибудь еще.

Не думаю, что мне это понравится, ответил Шмидт. Сама посуди.

О Шмидти, ты вправду просишь меня быть верной!

У него не было Элейн, о которой он мог бы тревожиться. Но у него не было и Гилова самомнения. Ситуация, как он мог предвидеть, оказалась неловкой и грустной. Как он может позволить устанавливать такие правила, что он даст ей взамен? Удовлетворение в постели? Умные разговоры? Выходы в свет с джентльменом, которого все станут принимать за ее отца, когда б не ее смуглая кожа и мелкие кудряшки? Маленькие подарки? Большие подарки — деньги, образование в колледже? Конечно, свою любовь. Но каков теперь язык любви? Если любовь то же, что увлечение, то почему нет? Он может сказать Кэрри, что влюбился в нее, пока они спали. Может, этого хватит, чтобы она убедилась — между ними не просто секс, а хоть немного больше, и «верность» означает просто противоположность промискуитету? Но он предполагал, что ее чувства гораздо сложнее и тоньше, и словами играть

тут не годилось. И тогда, насколько мог мягко, он сказал, что она очень дорога ему, и он хочет, чтобы она была рядом, но только до тех пор, пока она сама хочет быть с ним.

Кэрри, закончил он, пойми, я должен быть справедливым. Если я хочу тебе добра и хочу, чтобы ты была счастлива, — а я этого хочу, очень — я не могу просить тебя о том, что может помешать тебе найти подходящего спутника, славного парня твоего возраста, а не дряхлого старика-пенсионера.

Благонамеренная напыщенность. Шмидта слегка покоробило. Кэрри его слова тоже не понравились.

Да, я поняла. Тебе нравится ложиться со мной в постель, но ты меня не любишь. Это я поняла.

Она приуныла. Но ее лицо тут же прояснилось. Она подошла и села к Шмидту на колени. Ты не рассердишься на меня?

Да как я могу?

Ну не знаю. В общем, есть один парень — Брайан — в Сэг-Харборе. С тех пор как я нашла эту работу, мы с ним как бы вместе. Если я скажу ему про тебя, он сойдет с ума. Не знаю. Будет носиться по комнате, ломать вещи, биться головой о стену. Это ужасно.

Она засмеялась и сунула язык Шмидту в ухо.

Шмидт проглотил новость, как сосульку.

В общем, я не стану говорить ему, ладно?

Шмидт просунул руку ей под свитер и запустил пальцы в чашечку лифчика. Сосок немедленно отвердел. Шмидт с силой сжал его и, отпустив, тут же погладил. Все это неважно. Лишь бы ему не лишиться ее тела. Она сама сказала, что принадлежит ему.

А этот Брайан, он не беспокоится, что тебя нет целый день и ты проводишь ночь со мной? Ты ведь останешься?

Он сжал ее грудь изо всех сил.

Господи, Шмидти, еще! Я сейчас растаю. А теперь потри. Сильнее!

И она завизжала.

То, что было у него на видео, ее не заинтересовало. А вот хоккей по телевизору вполне устроил. Она почистила зубы его щеткой и сказала, что они оба должны лечь спать в пижамах, а когда легли, велела ему оставаться на своей половине постели. Он ведь сам сказал ей, что им не нужно заниматься этим все время? Вот и пусть докажет. Они просто посмотрят матч. *Carpe diem.*[40]

---

[40] Примечания: 40
Лови момент *(лат.).*

Шмидт потянулся ногами к ее ступням и коснулся их кончиками пальцев. Оказалось, что это не запрещено.

А Брайан, спросил он Кэрри, он правда не возражает, чтобы ты исчезла на всю ночь?

Брайан, рассказала Кэрри, родился в Куоге; его родители уехали во Флориду, сестра, оставшаяся здесь, вышла замуж за врача. Сестре удалось доучиться в колледже, Брайану — нет. Он работает столяром, зимой присматривает за дачами вместе с одним приятелем. У приятеля был домик в Спрингсе, он там жил с подружкой, рыжей официанткой из «О'Генри». Брайан поселился с ними и так познакомился с Кэрри. Кэрри не переехала к ним в Спрингс, потому что приятель Брайана был неприятный человек и однажды на пляже пытался ее лапать.

Брайану я нужна, сказала Кэрри. Он часто дожидается в моей комнате, когда я приду с работы. Иногда ему хочется поиграть, но чаще мы просто пьем пиво и курим. Потому я тебя и спросила, нормально ли ложиться с парнем в постель и не заниматься сексом[1].

Но вы же занимаетесь.

Да, когда он захочет. Все, как я тебе сказала. Мы живем вместе, но это не любовь всей моей жизни.

Я просто не хочу, чтобы он бесился.

Подавшись к нему, она шепнула: Не смотри так, любимый. Ты всегда можешь делать со мной все, что захочешь. Я же сказала тебе, что я твоя. И я буду тебе верна. Я сама так хочу. Только поосторожнее в ресторане. Обещаешь? И, пожалуйста, не сердись из-за Брайана.

Ему нужно было все ее внимание. Дождавшись, когда закончится хоккей, осторожно, будто выбирался босиком из машины на раскаленный, как огонь, и засыпанный битым стеклом бетон стоянки, он задал вопрос: А любовь всей твоей жизни, это кто?

Она рассмеялась и пощекотала пальцами ноги Шмидтову ступню.

Это ты, чучело.

И потом, посерьезнев, добавила: Шучу. Это было давно. Мне еще и пятнадцати не было. Пожилой человек, как ты. Он меня пробудил. Да, мужик, его я по-настоящему любила.

Как это было?

Это была судьба, правда. У меня был дружок, один еврейский мальчик. Такой симпатюля. Мы с ним после уроков ходили в химическую лабораторию. У него был ключ, потому что он был лучший ученик и, ему постоянно давали какие-то

специальные задания. Ну вот, он запирал дверь, мы ложились на пол и забавлялись друг с другом. Мы распалялись, но давать ему я не собиралась. Я ужасно боялась залететь. Отец просто убил бы меня.

Шмидт заметил, что ее рука под простыней задвигалась. Воспоминания возбуждали ее.

И вот однажды мы забрались в лабораторию, Фрэнк положил меня на пол, раздвинул мне ноги, сколько было можно, и снял с меня футболку, и вдруг открылась дверь и зажегся свет. Представляешь, мистер Уилсон на нас чуть не наступил. Учитель химии. У него тоже был ключ. Я до смерти перепугалась! Он мог бы нас обоих вышвырнуть из школы. Но вместо того он очень вежливо извинился, вышел и запер дверь. Фрэнк боялся, что мистер Уилсон будет преследовать меня и требовать от меня разных вещей. Но ничего не было. Когда мы встречались в коридоре, он улыбался и говорил: Привет, Кэрри, а вскоре учебный год закончился. Я говорила тебе, что мой отец работал в департаменте образования? И вот однажды на каникулах я приехала к нему на Ливингстон-стрит, и, когда уходила, в лифт со мной вошел мистер Уилсон. Я чуть не умерла!

И вот едем, а он смотрит на меня так нахально,

будто раздевает взглядом, и говорит: Давай выпьем по чашечке кофе или по стаканчику колы. Мы пошли в буфет, сели, и он стал говорить, какой Фрэнк хороший ученик и славный мальчик и спросил, серьезно ли у меня с ним. Я сказала, что не знаю. Тогда он заговорил о том, что девочке надо быть осторожной и все такое. И о том, как это неправильно — познавать любовь на грязном полу. Поверь мне, это было что-то невозможное!

Верю.

Нет, ты не можешь верить! Этот пожилой — он был, может, даже старше тебя на пару лет, — но красивый мужик — очень похож на тебя, только крупнее, не толстый, а именно крупный, — и вдруг говорит со мной о контрацепции, о том, что благоразумный парень не станет кончать в девочку и прочие такие дикие вещи, но он говорил об этом удивительно здорово. И еще он рассказал мне, что был профессором в университете. У него что-то случилось, и ему пришлось на пару лет уехать, а когда он вернулся, его места уже не было, и тогда он и стал школьным учителем.

Ну вот, я доела мороженое, а он допил свой кофе, потом будто бы подмигнул мне и сказал, что пора домой. К тому моменту я довольно-таки обнаглела и сказала, что он, наверное, торопится

к жене и детям. Ну и смеялся же он! Нет, говорит, на свете слишком много девочек. Красиво сказано, а? Он жил всего в двух кварталах оттуда, и я сказала, что провожу его, и пока шли, я все время задевала его — специально, чтобы поддразнить. И вдруг он взял меня за локоть и так спокойно сказал: А у тебя пизда ничего. Я видел. Я хочу тебя выебать. Я чуть не растаяла на месте. Я скажу тебе, Шмидти, я еле успела подняться по лестнице: так мне хотелось.

Этот человек изнасиловал тебя! В Нью-Йорке за совращение четырнадцатилетней девочки сажают в тюрьму!

Ты не понял, Шмидти. Он не насиловал меня и не совращал. Он был моей великой любовью. А ты просто ревнуешь.

Извини, сказал Шмидт. Я так понял. И что было потом?

У него постоянно крыша ехала. Я с ним ничем не закидывалась. Сначала он хотел, чтобы я тоже, но я сказала «нет», и: он больше не предлагал. Потом он совсем поехал и чуть не умер. Его забрали в клинику, потом отпустили. Потом снова забрали — ведь он бесился. В общем, так и пошло.

А ты продолжала с ним видеться…

Поначалу. Это было тяжело. Когда я была в вы-

пускном классе, он исчез на целый год. Потерял квартиру и вообще все. Начал бродить в округе. В Бруклинском колледже есть такой небольшой скверик. Он садился там на скамейку и поджидал меня. Черт, Шмидти, оставь меня в покое! Он стал бездомным бродягой! Однажды в Фар-Рокэвей он просил меня пойти с ним под настил на берегу, и я не смогла, потому что от него пахло!

Кэрри разрыдалась. Сначала она отталкивала Шмидта всякий раз, когда он пытался погладить ее по голове или по руке. Потом Шмидт вспомнил, что в холодильнике у него лежит плитка шоколада, и принес ее. Кэрри съела ее как маленькая разобиженная девчушка и уснула, обнимая Шмидта.

Первой проснулась Кэрри, хотя был уже десятый час. За завтраком она сказала, что не поедет в Сэг-Харбор, а на работу отправится сразу от Шмидта: дел дома у нее не было, а **в** ресторан она могла идти в чем была. Кухню заливало солнце. Шмидт позвал Кэрри сесть с ним рядом на диване у окна. Ты не сердишься на меня? — спросила она. Я вела себя как ребенок.

Тебе было плохо, вот и все.

И я тебе по-прежнему нравлюсь? Теперь, когда знаешь про мистера Уилсона? Тебе не противно?

Ты захочешь спать со мной?

Ты не виновата в том, что с ним стало. Я тебе открою одну маленькую тайну: кажется, я начинаю тебя любить.

А Брайан?

О Брайане он и думать забыл: он узнал кое-что новое, и его мысли занимал теперь другой человек.

Наплевать, ответил Шмидт.

XII

Спустя неделю зазвонил телефон. Привет, привет, раздался в трубке звонкий голос. Это Рената. Ну конечно, подумал Шмидт, сегодня четверг, значит, доктор Р. Райкер занимается семейными делами. Досадно, что Кэрри еще здесь. Но, может, она все проспит.

Шмидти, нам так много о чем нужно поговорить, что я сразу перейду к делу. Ты приедешь сегодня в город пообедать со мной?

Сегодня? — переспросил Шмидт, решив прикинуться тупым.

Да, если, конечно, это возможно. Сегодня у меня единственный свободный день среди недели. Извини, что прошу в последнюю минуту. Я пыталась дозвониться тебе вчера вечером, но никто не ответил. Ты поедешь на машине или на автобусе?

А это необходимо? Не могли бы мы обсудить все по телефону?

Ты ведь знаешь, что это не одно и то же. И потом — разве тебе не хочется меня увидеть?

Ни капельки, назойливая ты ведьма, подумал

Шмидт. Как вы могли в этом усомниться, дорогая моя? — так прозвучал его ответ.

Он попросил встретиться в его клубе. Шмидт знал, что платить по счету придется ему, так что пусть это будет клуб, если уж не «Макдоналдс». Ему клубная еда вполне подходит, а доктору Ренате неплохо было бы последить за своим весом, так что здесь он ей, можно сказать, оказывает услугу. Кроме того, в клубе он пожмет руку портье, пуэрториканцу Хулио, по которому скучал, — Шмидт подумал вдруг, что парень вполне мог бы приходиться Кэрри каким-нибудь двоюродным дядей, этакий разведчик и предвестник, посланник племени, приготовившегося к вторжению, — и пополнит запас сигар. Довольный низостью собственных шуток, Шмидт на мгновение забыл о холодке в животе — так мятная зубная паста снимает рвотные позывы.

Но всего лишь на мгновение. Мысли, которые не давали покоя, тут же вернулись.

Почему родная дочь не желает встречаться с ним? Что такого он ей сделал в эти годы, ведь он всегда считал, что любит ее, а она его? Ужасно, что Шарлотте сказали эту дикую чушь, будто Шмидт слыл антисемитом. И совсем невыносимо, что она этому поверила. Но кто мог запустить такую

утку? Нет, это Джон Райкер нашептал своей невесте. Если так, то он хуже, чем просто предатель, он — законченный мерзавец, которому нельзя подавать руки.

А ведь ложь очевидна. Шмидт не мог припомнить ни единого за все годы работы у «Вуда и Кинга» случая, на котором можно построить подобное обвинение. Ни в отношениях с подчиненными, ни в общении с другими евреями, будь то партнеры или простые сотрудники, ни в выборе юристов, которых они нанимали. Наоборот, используя свой престиж гарвардца, некогда работавшего в «Гарвардском правовом вестнике», Шмидт заманил в фирму немало евреев из тех, что писали для «Вестника». Среди них были классические семиты, будто сошедшие с нацистских карикатур; таким был, например, самый лучший из сотрудников Шмидта за все годы работы, ушедший потом из «Вуда и Кинга» профессором в Гарвард. Этот и на работу ходил в кипе! Так чем же виноват Шмидт? Не мог же он что-то ляпнуть. Он никогда не рассказывал анекдотов про евреев — вообще-то никаких не рассказывал, потому что пару раз пробовал, но никто не смеялся.

Отношения с клиентами? Тоже вздор. Бедняжка Шарлотта могла бы и знать, но, видимо, не

знает; наверное, никто не видит в исторической перспективе. В те времена, когда у Шмидта завязывались отношения со страховыми компаниями и другими крупными американскими финансовыми учреждениями, что вели дела с «Вудом и Кингом», в руководстве этих компаний, может, нашлось бы в общей сложности пять евреев, которые участвовали в принятии решений об инвестициях и в выборе юридической фирмы, но, конечно, не было никаких персонажей в кипах, как не было ни чернокожих, ни пуэрториканцев, ни женщин, ни, насколько то было ведомо Шмидту, гомосексуалистов. Всем управляли белые мужчины-протестанты, как правило, того же происхождения, что и Шмидт. Это не добавляло им привлекательности. Многие были тупые и скучные мужланы, но клиентов нужно принимать такими, какие они есть, и говорить спасибо.

А друзья! У них же были друзья-евреи. Конечно, большинство из них знакомые Мэри, но Шмидт относился к ним как к своим друзьям, и, когда Мэри умерла, это они его забыли, а не наоборот. То же самое можно сказать и про геев, которые так часто бывали у них к обеду или к ужину. Мэри знала многих: среди писателей и в издательствах

гомосексуалистов немало. Но папа, разве ты хочешь сказать, что черные или пуэрториканцы не пишут? Дорогая Шарлотта, они, конечно, пишут. Но в издательствах их не так-то легко найти — примерно как иголку в стогу сена. Твоей матери не посчастливилось издавать ни Ричарда Райта, ни Джеймса Болдуина, ни Тони Моррисон, а и посчастливилось бы, так им не обязательно захотелось бы дружить с мистером и миссис Альберт Шмидт. На работе у Шмидта тоже были друзья-евреи. Но если верят мистеру Райкеру, или кто бы там ни рассказывал про Шмидта эти небылицы, выходит, он в них ошибся. И значит, ты все правильно поняла, детка: никто из них не считается, не было у меня друзей-евреев, кроме того самого неупоминаемого Гила Блэкмена!

Справедливо возмущенный Шмидт все же продолжил допрос собственной совести. Нравятся ли мне евреи, негры, пуэрториканцы или гомосексуалисты? *En bloc*[41] — нет. Обрадовало ли меня, что Шарлотта выходит за этого умного, честного и преуспевающего еврейского парня? Нет. Потому что он еврей? Не только поэтому. Но если бы этот болван и его предки до седьмого колена

---

[41] Примечания: 41
Вообще *(фр.)*.

звались как-нибудь вроде «Джонатан Уайт», я быстрее смирился бы с ним? Вполне вероятно. И посещение родителей доктора Уайта, врачей, в их манхэттенской квартире на День благодарения не стала бы таким уж волнующим приключением? Вот именно. Спасибо, мистер Шмидт. Еще один вопросик. Предпочел бы ты, чтобы Кэрри не была пуэрториканкой, не была бедной и необразованной официанткой? Но я люблю ее кожу и ее мелкие кудряшки. Боюсь, это не ответ на вопрос. В ее случае пусть все остальное идет к черту!

Настроение у Шмидта испортилось.

А имеете ли вы, мистер Шмидт, право отказывать жениху вашей дочери в теплых чувствах, потому что он еврей — да, конечно, не надо повторять, главным образом, поэтому? Имею полное право — кто смеет контролировать мои эмоции? Я не лезу в душу ни докторам Райкерам, ни этим очаровательным бабушке с дедушкой. Мне достаточно, чтобы они достойно себя вели. А есть ли что недостойное в моих поступках?

Шмидт думал, что дал отличный ответ, но отчего-то не был доволен собой.

Он нашел Ренату в приемной, отведенной гостям. Черный трикотажный костюм — выглядит, как настоящая «Шанель», черные лакированные

лодочки, кожаная записная книжка на золотой цепочке, тревожно сияющие матовые черные колготки — что бы она ни замышляла сегодня, оделась она, конечно, для него. Напрасные усилия — с тем же успехом могла бы прийти в джутовом мешке. Хотя откуда она могла знать, что не больше четырех часов назад Шмидт поднялся с ложа Авроры?

Идемте в столовую, пригласил он Ренату. Здесь нельзя заказать столик. Ранняя пташка червячка клюет… Выпить можем и за столом.

Водворившись, Шмидт тут же оборвал восторги Ренаты насчет изысканности здания и того, как свежо выглядит он сам, — уж в этом он набил руку: и не счесть сколько лет он провел, председательствуя на совещаниях и направляя разговор прямо к сути дела. Итак, какой вопрос на повестке дня, и что она хочет сказать по этому поводу?

Шмидти, начала она, я буду предельно откровенна. Я думаю, Шарлотта не должна была так говорить с вами. Она хотела сообщить вам что-то важное, но не знала, как. И перевозбудилась, а люди ее психического склада в таком состоянии становятся агрессивными. Но вы были хладнокровны. Я вами горжусь.

Спасибо. Я так понимаю, Шарлотта рассказала

вам в деталях о нашем разговоре. Удивительно мило с вашей стороны посвящать столько времени отношениям отца и дочери, которые даже не относятся к вашим пациентам!

Ну вот, Шмидти, вы язвите. Это необходимо?

Нет. Это просто сказывается мое перевозбуждение.

Это уж точно. И, конечно, вы думаете, что смятение и агрессивность Шарлотты — моя вина?

В какой-то степени. Хотя, конечно, не *вы* же ее вырастили. По-моему, тут важно воспитание. То есть большая часть вины ложится на нас с моей бедной Мэри. Или вам кажется, тут дело в природе Шарлотты, что-то в ее генах? Ну так гены у нее тоже наши.

Не думаю, что причина полной неспособности справиться с конфликтом и сказать отцу то, чего он не хочет слышать, может корениться в генах.

Ну и прекрасно, значит, воспитание. Опыт раннего детства. И что же дальше?

Дальше нам надо как-то все это выправить. Сейчас и вы, и Шарлотта, и Джон — все переживают сильный стресс. Следует разблокировать отношения между вами.

Ну если Шарлотта подробно пересказала вам наш разговор, — кстати, ведь я спросил вас об

этом, вы забыли? — вы должны знать, что я все ей объяснил. Что она должна делать. Дальше я намерен все делать сам.

Дальше — но в каком направлении? А если в Шарлоттином письме будет совсем не то, что вы хотели бы прочесть? Не разверзнется ли между вами пропасть?

Пропасть уже разверзлась. Что делать, я решу, когда прочту его. Может, оно уже в ящике. Я вам сообщу. Вы за этим хотели меня видеть?

Шарлотта не просто рассказала мне о вашем разговоре. Она передала мне его запись. Вот кассета, возьмите. Себе я уже переписала. Я прослушала ее еще раз перед тем, как прийти сюда.

Шмидт двинул кассету обратно Ренате. Они сидели в углу. По четырем стенам зала висели портреты выдающихся нью-йоркцев, в разное время президентствовавших в клубе. Среди них не было предков Шмидта, но он смотрел в эти умные и проницательные лица, надеясь на поддержку, выискивая какой-нибудь знак, который он мог бы понять. Клубные старейшины, из тех, чей уклад жизни не сломать никаким холодам, либо допивали мартини внизу, либо со свежим коктейлем в руке проходили в другой обеденный зал, предназначенный для членов клуба, не обре-

мененных гостями. Они будут говорить обо всем, о чем обычно люди говорят за обедом: вероятном банкротстве «Мэйсиз», закате политической карьеры Джорджа Буша, сексуальном напоре губернатора Арканзаса. Когда дверь между залами распахивалась, Шмидт слышал гул их бодрых голосов. Может, встать со стула и кинуться туда, в гущу народа, просить убежища или исполненного племенной мудрости совета? На помощь, на помощь, на меня напал психотерапевт в черном, чей сын-юрист берет замуж мою дочь! Неподалеку от них за разными столиками сидели, развлекая своих гостей, два члена клуба, которые сами были психоаналитиками. Они скрутят его и вызовут «скорую». Все бесполезно.

И тогда он спросил: Разве это не противозаконно — записывать телефонные разговоры, не спросив согласия?

Джон так не думает. Понимаете, она сделала это лишь по одной причине: понимала, что от волнения не сможет точно запомнить сказанных слов.

Я исключу этого подонка из корпорации! Вышвырну из фирмы!

Но едва слова вылетели из его рта, Шмидт тут же мысленно посмеялся над собой. Ты бредишь, старик, сказал он себе. Неужели Джек Дефоррест

и его верные скопидомы станут трогать специалиста по банкротствам, когда банкротства сыплются одно за другим к их вящему слюноотделению? Зарезать курицу, несущую золотые яйца? А из-за чего? Неджентльменское поведение? А с каких это пор юрист-банкротчик должен быть слизняком? Очень жаль, что мистер Шмидт не в состоянии жить мирно с собственной дочерью — да он всегда был косным и не умел адаптироваться к новым условиям.

Рената отложила в сторону помаду и нацелилась на новое печенье. Шмидт попросил прощения и получил в ответ добродушную улыбку.

Ладно, сказал Шмидт. Давайте перейдем прямо к делу. Чего они хотят?

Милый Шмидти. Не могли бы мы выпить еще немного кофе? Из этой волшебной французской кофеварки? Я таких не видела уже много лет.

Они все куда-то исчезли.

Шмидт подозвал официанта.

Понимаете, Шмидти, Шарлотта боится вас и не хочет вас обидеть. Не хочет, поверьте мне. Я знаю. И Джон глубоко вас уважает. Не перебивайте. Это правда. Конечно, в подобных ситуациях неизбежно заметен Эдипов аспект. Он-то и делает ваше общение таким сложным. А по сути все просто. В

жизни молодых людей наступает момент, когда они вступают в новую общность — брак. Внезапно меняются объекты лояльности, и перемены могут быть разительны. Что касается Шарлотты, она искренне хочет влиться в нашу семью, что бы это ни значило. Во многом это вызвано тем, что она лишилась матери, не имея ни теток, ни дядьев и ни одного кузена, и тем, что мы захотели принять ее в семью. Понимаете?

Понимаю. Вы Ноеминь, а она Руфь Моавитянка.[42]

Шмидти, ну как вы можете, в самом деле! У Руфи муж умер!

Незначительная деталь. Ведь суть сюжета в том, что Руфь влюбилась в свою свекровь. У вас это происходит? Вы что, заколдовали мою дочь? Загипнотизировали?

Шмидти, пожалуйста, перестаньте. Джон любит Шарлотту, и она, как я пытаюсь вам объяснить, глубоко привязана к нам. Это большое счастье, и в этом нет ничего нездорового. Но последствия для вас неудобны — Шарлотта многое переосмысливает. Теперь она думает, что устраивать свадьбу в Бриджхэмптоне — не самая

---

[42] Примечания: 42

Персонажи библейской книги Руфи. Руфь Моавитянка после смерти мужа осталась в доме своей свекрови Ноемини.

удачная идея. Вы оба, очевидно, утратили контакт с местным населением, так что практически все гости будут привозные! Это выглядит странно.

А дом? Ей не хочется выйти замуж на лужайке перед родительским домом, где она проводила каждое лето, каждый выходной?

Конечно, она любит этот дом. Он прекрасен. Но для вас обоих дом становится чем-то вроде обузы. И для Джона он тоже проблема — в финансовом плане, — но у него это все-таки скорее вопрос стиля жизни: он не вполне представляет, чтобы они с Шарлоттой поселились в таком месте, как Хэмптоны. Ваше желание передать дом Шарлотте ставит все эти вопросы особенно жестко, можно сказать, жестоко. У Джона есть другое предложение. Мы надеемся, у вас оно не вызовет отторжения, ведь вы до сих пор были так удивительно великодушны!

Ага, подумал Шмидт, не иначе мне нужно в густой туман сброситься в машине со скалы, чтобы они получили две страховых премии и все мои деньги и потом преспокойно продали дом. Должно быть, это.

Хорошо бы мне узнать, в чем его суть. Вы мне скажете? У них-то, думаю, слишком много дел или они робеют говорить со мной, верно?

Шмидти, они не хотят ссориться с вами, вот и все. Идея Джона насчет дома состоит в том, что вы могли бы не передавать дом Шарлотте, не разоряться на налоге и не переезжать. Почему бы вам просто не выкупить у Шарлотты собственность на дом? Таким образом они приобретут некоторый капитал, а вы сохраните за собой дом. Никто не помешает вам оставить его Шарлотте по завещанию.

Хорошее предложение. А что они сделают с этим капиталом? Полагаю, купят квартиру, ну чтобы не пришлось занимать у вас с Майроном. Если только вы не собираетесь подарить им.

Рената обошла стороной характер внутрисемейной транзакции. Это зависит от стоимости дома. Джон не знает, успели вы его оценить или нет. Да, они намерены потратить эти деньги на квартиру, но не только. Летом мы всегда снимали дачу, но теперь мы собираемся купить загородный дом на севере штата, в окрестностях Клэйврэка. Знаете, где это?

Да.

Там рядом есть одна прелестная усадьба. Они считают, что она им хорошо подойдет. Там поблизости лыжные трассы.

Шмидт кивнул и закурил сигарилью.

Шмидти, вы разбираетесь в налоговых схемах, правда? Джон нам объяснял, но у меня все это вылетело из головы.

Это уже детали. На самом деле вопрос в том, смогу ли я содержать этот дом после того, как потрачу или отдам все эти деньги. Я рассчитывал поселиться в маленьком доме, который не потребует таких расходов. Знаете, я почти уверен, что смог бы поступить, как хочет Джон, да и Шарлотта, уверен, тоже. Дай мне подумать день-другой.

Шмидти, вы добрый и душевный человек. Если дом слишком велик для вас, вы могли бы продать его, после того как выкупите Шарлоттино право.

Как раз это и было у Мэри на уме. Мне нужно подумать. Ответ дать вам?

Да они будут счастливы с вами поговорить.

Не сомневаюсь. А что со свадьбой? Я так понимаю, жениться они не передумали? Пожениться друг с другом, я имею в виду. Где-нибудь.

Это не повод для шуток. Вы просто не понимаете, как сильно они друг друга любят. Они хотят устроить свадьбу в Нью-Йорке. Не в отеле, конечно. И не в нашей квартире — она все же слишком мала. Они присматриваются к этим новым заведениям в центре.

Ничего не знаю о них. Ладно, тогда я в это не

вмешиваюсь. Так всем будет проще. Вы слушали запись. Я что-нибудь сказал на эту тему?

Вы великодушно сказали, что оплатите свадьбу, даже если она будет не в Бриджхэмптоне.

И не отказываюсь. Так и передайте Шарлотте.

Но мы бы с удовольствием вошли в долю. Все-таки это будет современная вечеринка!

Спасибо, но никакой необходимости в этом нет. Возможно, этот новый план еще поможет мне слегка сэкономить. Не уходите! добавил он, заметив, что Рената убирает брезгливо отвергнутую им кассету в свою книжку. Я многое узнал от вас сегодня, но осталась еще одна вещь. Знаете, меня удивили эти Шарлоттины заявления, будто в «Вуде и Кинге» у меня была дурная репутация. Странно, что никто мне этого не дал понять. Эти обвинения никак не вяжутся с тем, что вы говорили: как меня уважает Джон и все его ровесники. Я понимаю, что вы преувеличивали, но неужели вы говорили прямо противоположное правде?

Я надеялась, что вы из головы выбросили все, что она вам об этом наговорила.

Как я могу?

Столовая опустела. Рената оглянулась вокруг: Наверное, все официанты только и ждут, когда мы уйдем?

Несомненно.

Шмидт собирался добавить что-то вроде: Не волнуйтесь, они не должны доставлять гостям неудобств, даже если у тех затянулся разговор, но вспомнил Кэрри — как от усталости туманится ее взгляд и то и дело никнет голова — и сказал вместо того:

Все равно я вас не отпущу. Пойдемте вниз, в библиотеку.

Еще кофе? — предложил Шмидт, когда они уселись. Вы можете позволить себе и бренди. Я нет: мне еще вести машину.

Нет, Шмидти, спасибо. Думаю, вы поймете, что эти высказывания Шарлотты — как раз проявления того, что я назвала агрессивным поведением. Она понимала, что, узнав об их планах на свадьбу и дом, вы расстроитесь, от этого чувствовала себя виноватой и несчастной и видела только один выход — напасть, обидеть вас еще сильнее. Вы сами дали ей повод, когда она заговорила о раввине и возможном обращении. Вот и все.

Не понимаю. В чем, по-вашему, состояла агрессия — в том, чтобы сказать мне правду или в том, чтобы наврать? Она что, на ходу все это придумала?

Не все. Она ведь знает, что вы невзлюбили Джо-

на, потому что он еврей.

На Шмидта вдруг навалилась усталость. Спать, ему надо поспать хотя бы несколько минут.

Он хотел сказать: Невзлюбил Джона — какая ерунда, и меня огорчает совсем не то, что Джон еврей, но к чему вдаваться в такие мелочи?

Рената, мне жаль, что я не сумел ответить помягче.

В нашу первую встречу я сказала вам, что у вас сильный стресс. Это, конечно, сказывается на вашем поведении. Но могу сказать — у вас сильные антисемитские предубеждения. Может, вам стоит пересмотреть их. Евреи не такие уж плохие. В общем и целом, они не хуже любой другой нации.

Разные евреи есть.

Но пусть и это вас не пугает.

Прежде чем сесть в такси, которое Шмидт остановил для нее на углу, Рената подставила ему щеку для поцелуя и сказала: Ох, Шмидти, я надеялась, мы будем хорошими друзьями! Возможно ли это еще? Нет, не отвечайте сейчас, вы рассержены.

Шмидт вернулся в клуб и зашел в туалет. Лицо слегка раскраснелось, но в остальном вполне узнаваемо. Умылся холодной водой и пропо-

лоскал рот «Листерином». Сигары ждали его на скамейке в холле — на Хулио можно положиться, он настоящий друг. И Гил Блэкмен тоже. Умница и циник и давным-давно знаком со Шмидтом. Шмидт попросил Хулио позвонить в офис Гила. С того конца провода с чисто английским, как у Уэнди Хиллер в «Я знаю, куда еду»,[43] выговором сообщили, что мистер и миссис Блэкмен находятся у себя дома в Лонг-Айленде. Ага! А не можете ли вы соединить меня с ними?

Эй, старый плут вернулся из рая, завопил в трубку бесцеремонный мэтр. Когда же я тебя увижу?

Я собирался сейчас заехать к тебе в офис. Я в городе. Но раз вас нет, поеду домой, вечером буду дома.

Вот и пообедай со мной. Такая удача! У нас тут муммичка с визитом. Вот и пусть они с Элейн поужинают вдвоем перед телевизором. Пусть девочки посекретничают. Ха! Ха! Ну что, в полвосьмого в «О'Генри»? Ну да, чем раньше, тем лучше! Мне лишь бы смыться поскорее. Чао!

Муммичкой называлась мать Элейн. По словам

---

[43] Примечания: 43

Уэнди Хиллер (1912–2003) — английская актриса. «Я знаю, куда еду» (1945) — романтическая комедия английских режиссеров Майкла Пауэлла и Эмерика Прессбёргера.

Гила, она до сих пор не смирилась с мезальянсом между ее дочерью, что по прямой происходит от самых знаменитых в мире производителей рабочей одежды, и этим выскочкой, чей дедушка родился в Одессе. Оскорбление глубоко проникло под ее кожу, которую пластические хирурги сделали такой же безразличной к ходу времени, как известняковый фасад ее особняка в Пасифик-Хайтс. Поможет ли ее беде терапия доктора Ренаты? Нет, решил Шмидт, слишком поздно.

На шоссе, включив круиз-контроль, Шмидт решительно занял крайний левый ряд. Обгоняя попутные машины, он обдумывал, что ему нужно и что ему предлагают. Выкупить у Шарлотты ее права на дом? Полтора миллиона, прикинул Шмидт. Куча денег, но ему это под силу. Наверное, в самом деле стоит принять совет доктора Ренаты: продать дом и переехать в другой, жизнь в котором не будет похожа на постоянное истечение стодолларовых счетов. Если не прямо сейчас, так позже. «Прах на зубах — это крыша, Стены, панели, мыши…»[44] Ему не придется продавать родовое гнездо Шмидтов. Кто-то сделал это задолго до него. А что ему в этом доме? Кроме его жизни

---

[44] Примечания: 44
Т.С.Элиот, «Четыре квартета». Пер. С. Степанова.

с Мэри, которая уже закончилась, да Шарлоттиного детства, которое закончилось тоже, — ничего. Волю Мэри нарушает не он, а Шарлотта. К чему корчить из себя мученика? Если он и не продаст дом, эти двое сделают это после его смерти. Привет, ты сегодня рано. Налить, как обычно?

Кэрри подмигнула ему. Утром, когда он уходил из дому, она еще спала, свернувшись под простыней, как большая кошка. Вместо ресторанной униформы Кэрри сейчас могла бы быть в той же розовой фланелевой рубашке с узором из синих и красных цветов, которая была на ней прошлой ночью, когда она бесшумно — так, что он продолжал читать, пока она не заговорила, — вошла в спальню и спросила: А кто это пришел поиграть со Шмидти? — и когда он поднял глаза и увидел на ней маску для Хэллоуина, добавила: Напугала, а?

Да, пожалуйста. Самого холодного.

Он сказал, что ждет Гила Блэкмена — парня, с которым тогда засиделся за обедом.

Ага, тот мужик. Я накрою на двоих. Отдыхайте. Как только захотите…

Ты придешь сегодня? спросил он тихо, но не переходя на шепот.

Молчание. У него замерло сердце. Приди в себя,

старый дурак. Она же сказала, что не собирается делать это каждую ночь. Оставь небольшую дистанцию. Иначе ты лишишься ее уважения.

Кэрри принесла мартини и без единого слова поставила перед Шмидтом на квадратную коктейльную салфетку. На салфетке крупными красными буквами было оттиснуто «О'Генри», и ниже — телефон. Подняв стакан, Шмидт увидел, что Кэрри что-то дописала на салфетке красными чернилами. В его представлении такими аккуратными печатными буквами пишут девочки из лучших школ, но оплатив столько заполненных ею счетов, Шмидт не мог не узнать руку Кэрри. Надпись гласила: «К любит Ш».

А вот и мистер Блэкмен. В длинной дубленке с поясом, черных брюках и черной кашемировой водолазке. Роскошные волосы острижены короче обычного. Да, мистер Блэкмен выпьет мартини. Такого же, как его друг мистер Шмидт. Чистого, с оливкой и похолоднее!

Отлично!

Гил смотрел вслед Кэрри, которая, склонив голову набок, удалялась к бару.

Однако, довольно хороша. Какая-то *латина.* Это она с тобой тогда кокетничала на улице, когда мы обедали здесь в последний раз?

Да, она здесь работает.

Идиотский ответ. Но Гил не восклицает: Неужели? — а спрашивает о поездке. Оправдалось ли все, что они с Элейн обещали ему на Амазонке?

Более чем.

А возил тебя тамошний Шмидт на своей лодке?

Да, только его зовут Оскар Курц. Впрочем, может, он поменял имя.

Но это же тот самый человек? У которого жена-скво с маленькой грудью? Да? Ну тогда точно он сменил имя или у него галлюцинации и он думает, что он где-нибудь в Конго. Ха! Ха! Ха!

А как Венеция?

Давай сначала закажем.

Заказывая — манхэттенская солянка и жареные куриные грудки, — Гил напропалую заигрывает с Кэрри. Шмидту забавно видеть соперника за одним столом. А ведь ресторан битком набит такими: богатыми с виду и скорыми на слова мужчинами. Да, только у них ведь есть жены. А Кэрри такие расклады ни к чему. Не терзай себя, Шмидти. Гил разберется с твоей проблемой. Надо рассказать ему про Кэрри, ведь это не то же самое, что выдать себя неосторожным поведением в ресторане.

Венеция — как обычно зимой. *Acqua alta,*[45] туман такой густой, что *вапоретто*[46] не ходили по несколько часов. Пару дней было просто сыро и пасмурно. Номера в «Монако» — даже лучшие — слишком тесны. Элейн простудилась и сморкалась всю ночь напролет. Я был готов ее убить.

Хорошо, что не убил. А как вся ваша шайка бездельников?

Утомили. Ну не идиотизм ли ехать в отпуск с теми же людьми, которых ты везде встречаешь круглый год и в Нью-Йорке, и на Побережье? Уму непостижимо, зачем я на это согласился? Я бы не возражал поехать с тобой: ты молчаливый тип, и кроме того, ты один. Это же сущий ад — заказывать в ресторане столик на шестерых и собирать остальных пятерых хотя бы примерно к назначенному часу! Кто-нибудь один обязательно отправится в какое-нибудь неудобное место — например, в Джезуити[47] — и, разумеется, заблудится и явится с опозданием на полтора часа.

---

[45] Примечания: 45
Высокая вода *(ит.).*

[46] Примечания: 46
Паровые катера *(ит).*

[47] Примечания: 47
Джезуити — барочная церковь XVIII в., достопримечательность Венеции.

Мне приходилось выносить это дважды в день ежедневно. Чтоб я когда-нибудь еще согласился!

Гил примолк, изучая винную бутылку.

Дрянь. Не возражаешь, если я закажу другое?

Кэрри нигде не было видно. Гил продолжил:

Надо было сказать, что сделка по новому фильму провалилась и мне нужно остаться в Нью-Йорке до конца года, чтобы все урегулировать. Тогда я отправил бы Элейн и Лилли в Венецию с Фредом и Элис, а сам остался бы дома.

Неужели все было так плохо?

Да. И было, и есть. Поверь. Я не только Венецию имею в виду.

Кэрри убирает посуду с соседнего столика. Гил доверительно улыбается ей и называет вино, которое хотел заказать. Справившись с этой задачей, снова мрачнеет.

Как ни странно, неотвратимость дальнейшего рассказа о Гиловых бедах не так уж раздосадовала Шмидта.

А что такое? Он попробовал принять заинтересованный вид.

Это, наконец, произошло. Моя молодость умерла. Ушла. Закончилась. Тот человек, каким я себя знал до сих пор, умер.

Гил, о чем ты говоришь?

Моя девочка, Катерина. Та, о ком я тебе рассказывал. Она меня бросила. Пока я был в Венеции, она уехала на Ямайку. Ты знаешь Перикла Папахристу?

Не думаю.

Да знаешь. Ты видел его у нас дома. ПП, «полный привод». Он агент. В общем, он снял дом в окрестностях Раунд-Хилл и пригласил кое-кого, в том числе Катерину — она ведь гречанка. И там она встретила того парня, тоже грека. Какой-то тридцатилетний брокер, разведенный, детей нет, бывший приятель Бьянки Джэггер. Он завалил Катерину в первый же вечер и оттрахал до посинения. Ясно, ей это понравилось. Она переехала к этому мудаку, как только они вернулись. Если бы я оставался в Нью-Йорке, она не поехала бы на Ямайку!

Не она ли спрашивала, хочешь ли ты, чтобы она была верной тебе? Надо было тебе сказать «да». Черт тебя дери, Шмидти! Как я мог? Я же говорил тебе, что не хотел внушить ей, будто могу оставить Элейн.

Да помню. Ну что ж, хотя бы теперь не надо врать Элейн. Серьезно, Гил, а чего ты хотел? До самой смерти натягивать ее на кушетке в офисе? Подобные вещи никогда не длятся долго.

Нет, длятся! Хотя да, ты прав. Не при такой жене, как Элейн. Мне надо было брать Катерину с собой в путешествия и все такое. Как Том Робертс! В Нью-Йорке он живет с женой, похожей на старую цыганку, ходит с ней на приемы и повсюду, но путешествует везде с секретаршей. За пределами города миссис Робертс — она. Но Элейн никогда бы на такое не пошла.

Вот видишь.

Ничего я не вижу, кроме того, что у тебя нет ко мне ни капли сочувствия!

Они допили бутылку, и Гил попросил Кэрри принести еще вина. На сей раз он спросил, как ее зовут.

Когда рассказывала мне про этого мудня — в подробностях, откуда мне еще знать про их первую ночь? — Катерина сказала: Знаешь, я по-настоящему тебя любила. Если бы ты не был таким старым, мы как-нибудь бы все устроили. Но мне лучше быть с кем-нибудь из ровесников. Убийственно бесспорно. Я никогда не воспринимал себя «старым». В конце концов, я в хорошей форме, работаю как никогда продуктивно, нравлюсь женщинам. Старший, но не старый! Но когда она это сказала, я вспомнил, как мы в ее годы воспринимали людей, которым было столько,

сколько сейчас нам, и это меня окончательно подкосило. Поверишь ли, она думала, что мне шестьдесят пять. И конечно, для нее не было большой разницы, когда я сказал, что мне только шестьдесят один. Что ей в этих лишних четырех годах? Потому я и говорю тебе, что я будто умер, моя молодость умерла! И знаешь что еще? Я тоскую по ней физически. Вот теперь в постели с Элейн я думаю о Катерине…

Я понял, что уже старик, без всяких катерин, сказал Шмидт. Я увидел это в зеркале и уловил в споем отношении к себе и другим. Радости в этом мало.

Они посидели в молчании. Шмидт подумал, сколько времени у него есть до того, как Гил сделает следующий шаг. Настал момент рассказать ему. Все равно ему этого хочется. Не упоминая ни Брайана, ни того. К чему?

Ну что ж, это здорово. В ней что-то есть. Не знаю, может ли она быть моделью. Но я не прочь устроить ей кинопробы — раз уж она хочет в кино.

Спасибо, Гил. Ты сохранишь это в тайне? Она просила меня быть осторожнее.

Кому я проболтаюсь?

Элейн, например. Если сможешь, не говори ей.

Ты уже знаешь, как ты с этим будешь разби-

раться?

Не имею понятия. Пожалуй, я ничего не стану планировать. Я слишком много планировал в жизни — напланировал чертову уйму планов. И большинство из них ничем особенно хорошим не обернулось. В моем нынешнем положении одно преимущество — можно ничего не планировать.

А как же Шарлотта? Ты дашь ей узнать о Кэрри?

А, по вопросу Шарлотты. Пожалуй, пусть и тут все идет своим чередом. Если у тебя есть время, можем поговорить о Шарлотте и ее новой семье. Я как раз об этом думал, когда позвонил тебе.

Еще бы у меня не было времени! Не забывай про муммичку, которая сидит у меня дома. Она любого научит считать в мерах вечности!

Закончив рассказ, Шмидт спросил Гила: Как ты думаешь, это я слетел с катушек, или они все идиоты, включая докторшу?

Да нет, не думаю, что дело в тебе. По-моему, с тобой обошлись дурно, но ты, учитывая все обстоятельства, вел себя замечательно. Но я бы позволил себе парочку замечаний. Сколько Шарлотте? Двадцать шесть? Двадцать семь? Ты должен отдавать себе отчет, что она взрослая женщина и сама отвечает за свои поступки. А это

совсем не то, что пытаться приструнить ребенка. И второе: имей в виду, что евреи остро реагируют на антисемитизм, даже такой безобидный, сказать ли — ненастоящий? — как твой. Вот возьмем меня. Я тысячу раз говорил, и, может быть, даже говорил это тебе, что мне все равно, антисемит человек или нет, если он не лезет в мои дела, не живет со мной рядом и, самое главное, не пытается затолкать меня в газовую камеру. Но это лишь половина правды. А может, даже четверть. В действительности это очень ранит, когда тебя не любят или отказывают в том уважении, которого, как тебе кажется, ты заслуживаешь, без всякой причины. Как будто ты урод, хотя на самом деле ты нормальный. Знаешь песню Луи Армстронга «Я виноват, что смугловат»? Таких обид человек не забывает.

Прости меня, сказал Шмидт. А я тоже обижал тебя этим?

Давно. Но тогда все так себя вели — если не чуже, много хуже. А ты все же был приличнее других. Ладно, в конце концов, теперь я тот, кто я есть, и все кругом старательно лижут мне задницу, и теперь мне действительно плевать.

Дети хотят все сделать по-своему, говорил Шмидт позже тем же вечером Кэрри, свадьба

пройдет в городе. Сначала эта новость меня пришибла. Но потом я подумал: ну и пусть их. Пусть, если они так хотят. И жить здесь они тоже не собираются. Им больше нравится одно местечко на севере — там рядом будут Джоновы родители. Я, наверное, выкуплю Шарлоттино право на дом. После этого я, видимо, стану слишком беден, чтобы содержать этот дом, так что я продам его и перееду в какой-нибудь маленький домик. Только теперь с этим можно будет не торопиться.

Вот и здорово. Знаешь, Брайан еще и строитель. Если хочешь посмотреть на дома, которые он строил, он тебе покажет.

Что ж, теперь у Шмидта появилось что-то впереди. Одна мысль потянула за собой другую, и Шмидт поинтересовался, как дела у бродяги.

У мистера Уилсона? Почему ты продолжаешь звать его «бродяга»? Наверное, ему тяжеловато болтаться по разным местам. Не знаю. Может, он в Нью-Йорке. Такая беда!

У меня такое ощущение, что он знает про нас с тобой.

Да, он умный! Кэрри хихикнула.

Но откуда? Ты сказала ему?

Да он бы убил меня! Он вычислил нас, когда я провожала тебя до стоянки. Он был где-то рядом.

Но тогда у нас ничего еще не было!

Я же говорю: он умный. Он понял, что ты мне нравишься. И, конечно, взбесился.

А Брайан? Про Брайана ты ему говорила?

Это другое дело. Брайан ему по барабану. Давай спать, ладно?

На следующее утро, когда Кэрри ушла на работу, Шмидт позвонил Ренате. У нее был пациент, и Шмидт попросил включить автоответчик, чтобы он мог оставить сообщение.

Рената, это Шмидти. Насчет дома. Будь добра, передай Шарлотте и Джону, что я готов выкупить Шарлоттино право. Пусть свяжутся с Диком Мёрфи из «Вуда и Кинга». Это мой юрист.

XIII

В среду — у Кэрри был выходной, и она только пробормотала: Нет, нет, нет, — и поглубже спряталась под одеяло, когда Шмидт в девять утра, целуя ее ухо, шепотом спросил, не хочет ли она позавтракать, — Шмидт, как обычно, ровно в девять тридцать приехал на почту за своей корреспонденцией. Эти ежедневные экспедиции были для него ритуалом, поскольку он не ждал ничего, кроме рекламного мусора да счетов, он мог бы с тем же успехом бывать на почте раз в неделю, скажем, по понедельникам. Уж конечно, он не оплачивает счета каждый день. Но в этот раз его педантичность была вознаграждена: на почте его дожидалось письмо от Шарлотты. Шмидту не хотелось читать его на глазах Кэрри, а она вполне может проснуться и на кухне застать его за чтением. Кроме того, потом ему понадобится какое-то время, чтобы прийти в себя. Шмидт решил открыть письмо в кондитерской и прочесть его за кофе.

Оказывается, сладкая парочка завела дома лазерный принтер! Или Шарлотта писала на

работе? Но в любом случае Джон Райкер просматривал письмо — в этом можно не сомневаться. Получилось как в официальной переписке, когда не знаешь, в самом ли деле письмо сочинил подписавшийся внизу мистер Уайт или мистер Браун.

Здравствуй, папа!

Говорить с тобой по телефону трудно, но и писать тоже нелегко. Но все же, кажется, это проще, вот я и пишу. Джон и Рената считают, что я должна извиниться перед тобой и поблагодарить тебя. Сейчас я делаю и то, и другое.

Мы с Джоном благодарны тебе за то, что ты согласился выкупить мое право на дом. Джон говорил с мистером Мёрфи, и тот сказал, что никаких затруднений не возникнет. Надеюсь, это не причиняет тебе неудобств. С тех пор, как я была ребенком, Бриджхэмптон стал другим, мне не нравится, как там все изменилось. Округ Ольстер, куда ездят Рената и Майрон, до сих пор деревня. Там мы будем с ними соседями, как и с несколькими парами из «Вуда и Кинга» и с моей работы,

которые купили там дома или как раз сейчас подыскивают. В Хэмптонах у нас друзей нет, и я не знаю, как бы мы могли найти себе компанию. Не думаю, что через ваших с мамой друзей.

Как ты думаешь, можно мне забрать кое-какую мебель из дома? Я составляю список лучших вещей из тетиной мебели. Полагаю, мама хотела, чтобы я их забрала. Я скоро пришлю тебе этот список. И когда мы купим дом, пожалуйста, пришли нам эти вещи. Джон просил меня сказать тебе: он считает, что за перевозку должны заплатить мы. И можно нам забрать серебро?

Я думаю, в конце концов ты рад, что тебе не придется хлопотать насчет свадьбы, тем более, почти все гости будут люди, которых ты не знаешь. Кроме тех, кто из вашей фирмы. Пришлось бы повозиться, а так ты можешь вздохнуть свободно и заниматься своими делами. Должно быть, это так приятно — быть на пенсии.

Мы посмотрели несколько ресторанов в Сохо и в Трибеке. Больше всего нам понравился «Нострадамус» — на углу

Бродвея и Спринг-стрит. Мне кажется, ты не знаешь этот район. Этот ресторан там уже около двух лет, и его шеф-повар — жена одного человека с моей работы. Там легкая каджунская кухня. Они могут разместить 250 гостей, и еще остается место для танцев. Музыканты нам не понадобятся, потому что у нас будет ди-джей. Цена, которую они запросили — двести долларов за каждого гостя, — в нее включено все. У них сплошь все вечера бронируют, так что нужна предоплата — 20 % к концу следующей недели. Ты можешь выписать чек мне. А я пока заплачу своим.

Свадьба будет 20 июня. Утром в мэрии нас поженят, а банкет назначаем на семь вечера. Джон согласовал дату с ведущими партнерами в фирме, а Рената и Майрон как раз за несколько дней до того вернутся из Торонто с психиатрического конгресса. Надеюсь, у тебя не слишком плотный график!

Надеемся, ты придешь и увидишь, что такое свадьба при ином стиле жизни.

Ты вскипел, когда услышал о моем об-

ращении в иудаизм. Это будет не прямо сейчас. Хотя я выбрала реформированный иудаизм, мне много еще нужно узнать, но я твердо намерена это сделать. Еврейская религия восхитительная, епископальная церковь никогда не давала мне столько. Если у нас будут дети, они не запутаются. Мы сможем дать им духовное воспитание. Для некоторых это важно.

Получается длинное письмо, так что закончу на этом.

До свидания!

Шарлотта

Шмидт из тех людей, что на деловое письмо отвечают в тот же день, когда оно получено, а на личные стараются отвечать не позже, чем назавтра. Так что мы почти не сбавим напряжения, если расскажем содержание его ответа сейчас, пока Шмидт еще раздумывает, что ему ответить дочери.

Четверг

Дорогая Шарлотта!

Я не обнаружил в твоем письме никаких особенных выражений благодарно-

сти или раскаяния, но не собираюсь из-за этого ругаться с тобой — я пишу тебе про вашу свадьбу.

В конверте ты найдешь чек на оплату задатка в «Нострадамусе». Знакома ли ты со знаменитой книгой предсказаний, которую написал в XVI веке философ, чьим именем, как я понял, назван ваш ресторан? Пожалуй, забавно было бы тебе посоветоваться с этой книгой. А может, и благоразумно. Мне сделать это за тебя будет непросто, поскольку в бриджхэмптонской библиотеке этой книги нет. Кстати, надеюсь, что Джон в деталях изучил список того, что включено в эти двести долларов.

Ты права — в моем календаре нет никаких планов на 20 июня, так что я рассчитываю приехать.

Поскольку я еще не умер, ты, очевидно, не сможешь забрать наше с мамой серебро прямо сейчас. Я пошлю тебе подсвечники, подносы и что там еще было у тети Марты. Ты, наверное, не помнишь, но столовое серебро Марты мама подарила на свадьбу одной из своих помощниц.

Это было лет пять назад. По той же причине — я еще жив — я просмотрю твой список мебели и решу, что смогу отдать, не нарушая привычного вида комнат. Надеюсь, Мёрфи объяснил Джону, что, выкупая твое право, я приобретаю и все находящееся в доме имущество — то есть ты лишаешься прав на него и после моей смерти, ведь до тех пор оно и так принадлежит мне. Все это включено в сумму, которую я плачу. Надеюсь еще, что Мёрфи сказал Джону, что деньги уже приготовлены. Мы можем завершить наше дело в любое время, когда вы только пожелаете.

Не помню, что ты говорила мне по телефону про ваши с Джоном планы на будущей неделе. Если захотите приехать на выходные — буду только рад, но лучше предупредите меня за несколько дней. Возможно, в будущем у меня появятся обязательства.

Твой отец.

Послать ли копию Шарлоттиного письма Ренате, спрашивал себя Шмидт. У нее уже есть та кассета, если будет еще и это письмо, она сможет

со временем собрать настоящую коллекцию. Но в итоге ничего не послал: ему стало стыдно.

XIV

Очередная среда, и у Кэрри выходной. Два дня до начала весны. Форзиции, растущие крупными купами на лужайке у заднего крыльца Шмидта, стоят в цвету. С каждым годом они как будто все ярче. Распускаются крокусы и нарциссы. В пруду за полем Фостера кричат дикие гуси, и примерно каждые полчаса раздается хлопанье сильных крыльев: стая, в беспорядке поднявшись с воды, улетает к океану, выстраиваясь на лету клином. Это просто дурацкая шутка, вроде вчерашнего парада толстых, посиневших от холода девчонок в честь дня Святого Патрика: гуси не собираются никуда улетать. Они покружат в небе и вернутся на пруд, туда, где они вылупились из яиц и где умрут. Как пьяницы, что после закрытия последнего бара, пошатываясь, бредут по Третьей авеню к станции метро на 86-й Улице и мочатся на железные шторы магазинов.

На крыльце хорошо. Только раз в неделю Кэрри может вот так посидеть с закрытыми глазами, подставляя лицо слабым солнечным лучам. Шмидт спрашивал себя, стоит ли ей так много ра-

ботать и не предложить ли ей дополнительный доход. Но не нарушит ли это равновесия, стоит ли рисковать и что-то менять? Кэрри лежит в шезлонге. К нынешнему дню она успела перемерить, наверное, всю Шмидтову одежду. Этот толстый вязаный белый свитер ей очень к лицу. В нем она выглядит еще экзотичнее, чем всегда. Дремлет? Проснувшись утром, они отчаянно занимались любовью, Кэрри довела его почти до изнеможения. Вечером накануне они легли поздно, и Кэрри слишком устала. Ей пришлось заезжать в Сэг-Харбор — завезти какую-то посылку для Брайана. Утром, когда Шмидт спустился на кухню приготовить завтрак, этот парень уже сидел там. Он мог бы и сам забрать посылку и не заставлять Кэрри мотаться туда-сюда среди ночи. Если только не… Если Шмидт спросит Кэрри, она скажет ему больше, чем он хочет знать. У Брайана и Кэрри эти телодвижения, должно быть, столь же монотонны, как забавы гусей на пруду. Всего два часа назад она шептала, уткнувшись губами в сгиб его локтя: Шмидти, я твоя. Так, так, возьми меня! Так чего ему еще нужно?

И ничего, что она не пришла на кухню вместе с ним, не запускала рук, дразня, ему под пижаму. Считается, что Брайан ничего не знает. Просто

Шмидту якобы понадобился кто-то в доме — человек, у которого мозгов побольше, а скорость поменьше, чем у полек. Не вместо них, а чтобы следил, сделаны ли нужные закупки, политы ли цветы и все такое. За это Шмидт выделял комнату с ванной, а если выпадет какая-то дополнительная работа, за нее будет немного приплачивать. Кэрри сказала Брайану, мол, этот старикан ест в «О'Генри». Выгодное дельце. И живет совсем недалеко от ресторана. Летом будет пускать меня поплавать в бассейне, когда не купается сам. Никому не будет лучше, если Брайан сбесится. Чтобы сгладить перемену и, как был уверен Шмидт, чтобы оставалось место, где Брайан мог бы трахать ее не в Шмидтовом доме, не на заднем сиденье своего пикапа и не у приятеля в Спрингсе, куда она не поедет, опасаясь группового изнасилования, Кэрри пока не отказывается от комнаты в Сэг-Харборе.

Брайан, художник и на все руки мастер, обладает ценным качеством: если нет особого повода для разговора, он молчит и, казалось, не возражает, если Шмидт молчит тоже. Если его о чем-нибудь спрашивают, он отвечает вежливо, говорит мягко, как ребенок, скрадывая окончания слов. Должно быть, прежде чем он уехал во

Флориду, мама успела научить его избегать плохих выражений и говорить обдуманно. Может показаться, что Брайану лет шестнадцать, а между тем ему, должно быть, под тридцать. Сложение у него совсем не мальчишеское: невысокий, но крепкий; наверное, он не забывает каждое утро пять минут позаниматься на турнике. Впечатление создает скорее нежный овал лица и щеки в золотистом пуху, которые так легко покрываются краской. Слегка неуместными кажутся маленькая серьга в ухе и хвост, в который он собирает свои длинные светлые волосы, браслет из фальшивого слонового волоса, обгрызенные до мяса ногти и что-то неприятное во взгляде. Сначала в этом взгляде читается искреннее «Кто? Я?» простодушного Малютки Эбнера,[48] но от внимательного наблюдателя не ускользнет, что белки Брайана на самом деле желты, и он никогда не смотрит собеседнику в глаза. Он смотрит в сторону, искоса. Выглядит ли он приятнее в столярных защитных очках? Трудно сказать. Свое ремесло Брайан рассматривает как способ заработать на хлеб, не более. На самом деле он художник. Он привозил показать Шмидту свои

[48] Примечания: 48

Малютка Эбнер — персонаж комиксов (1934–1977) американского карикатуриста Эла Кэппа (1909–1979).

картины. В этих громадных холстах, покрытых тантрическими узорами, несмотря на их полную банальность, тоже было что-то тревожное. Мальчишка питал слабость к ядовито-зеленому, фиолетовому, розовому и лиловому. Ну и что с того? Неужели дружок Кэрри обязательно должен быть из ордена «Череп и кости»?[49]

Однако не пора ли завести разговор? Брайан, у тебя сегодня выходной? спрашивает Шмидт. Или дела не идут? Спад, должно быть, ощущается даже в Саут-Форке?

Он ощущается, Альберт. Что-то ужасное.

Еще одно подкупающее качество Брайана. В девяти случаях из десяти люди его сорта тут же переходят на ты и обращаются по имени — как механик из гаража, который звонит сообщить, что масло залито. Но Брайан оказался не таким. Все «мистер Шмидт» да «мистер Шмидт». Когда Шмидт, ища его расположения, попросил отбросить «мистера» и пользоваться удобной уменьшительной формой его имени, Брайан, по-детски смутившись, пролепетал: Ой, я так не могу. Это так неуважительно звучит! Не возражаете,

[49] Примечания: 49

Тайный орден «Череп и кости» — оккультное общество, основанное в 1832 г. йельскими студентами Уильямом Расселом и Альфонсо Тафтом. Существует поныне.

если вместо этого я буду звать вас Альбертом?

Мой приятель, который живет в Спрингсе, очень беспокоится. Он выплачивает за свой грузовик. А мне повезло: у меня есть приработок.

Да? Ты где-то работаешь, когда нет спроса на столярку?

Ну да. Я сторожу дома. Если хозяин, например, едет в отпуск во Флориду или в Европу. И те, где хозяева бывают только на выходных. И еще я начал вылизывать машины.

Что это значит?

Ну если кто-то хочет, чтобы машина стала идеально чистой, чище новой. Я удаляю всю грязь и жир — дочиста, потом высасываю пыль и вощу. В том гараже, где я работаю, есть такие клиенты, которые вылизывают совершенно новую машину, прежде чем сесть в нее. У меня вроде уже довольно неплохо получается — это творческая работа.

Брайан хихикая, вертит самокрутку и лижет, покуда бумага не промокает насквозь. Да, сэр, лизальщик по призванию! Вместе с дымом в воздухе повисает густой непривычный аромат.

Не хотите попробовать, Альберт? Разок, а? Хорошая штука. Не тот второсортный товар, что обычно продают.

Нет, спасибо. Я как раз собрался закурить сигару.

Эй, дай-ка мне, вступила в разговор Кэрри.

Глаза открыты. Пыхнула самокруткой и полизала, еще пыхнула и снова полизала. Возвращает Брайану. Ох, Шмидти, успокойся, ради бога! Что тут такого — они ведь регулярно смешивают свои телесные соки.

Ух ты! Не соврал!

Знаете, Альберт, если кто-нибудь из ваших друзей захочет, я могу достать. И другое тоже. Здесь многие богатые люди просто не знают, где можно взять. Они бы и купили, и готовы брать самое лучшее, да не знают, к кому обратиться. А у меня только качественный товар.

Мать твою, отцепись от Шмидти! Ему это неинтересно.

Кэрри рыкнула — такого Шмидт еще не слышал. Тигрица! Да она готова драться за него. Шмидт ощутил нехорошее напряжение.

Да тут не о чем говорить. У меня не так много богатых друзей. Да я ни с кем из них и не вижусь.

Но вы их знаете, Альберт, вот что важно. Если кто-то заинтересуется, вам нужно только познакомить его со мной.

Отвали, мудозвон! Твой пакет я тебе отдала еще

вчера. Чего ты тут околачиваешься.

Эй, Кэрри, ты что, не помнишь? Мы с тобой собирались показать Альберту дом, выставленный на продажу. Не ори на меня. Это была твоя идея.

Я собираюсь сварганить кое-какой ланч. Шмидти, тебя устроит суп?

Конечно.

Теперь и Шмидт вспомнил. Кэрри говорила ему, что Брайан с партнером работали на одного подрядчика, и у клиента не хватило денег, чтобы закончить стройку. Он согласился посмотреть тот дом.

Славная девчонка эта Кэрри. И без ума от вас, Альберт. Ко мне она так никогда не относилась.

Я старик. Думаю, ей просто нравится о ком-нибудь заботиться.

Ага, как вчера. Я был с ней и вдруг — нате вам! — вечеринка окончена, ей нужно поехать узнать, все ли у вас в порядке. Как вы думаете, что я при этом почувствовал?

Шмидт пожимает плечами.

Кажется, я только что слышал, что вчера она привезла тебе пакет.

Брайан скрутил новый косяк и погладил пакет.

Доставила в лучшем виде. Вот оно. Стопроцентно чистый марокканский гашиш. Только лучшее!

Тут врать не станешь. Кэрри молодец. Она знает, когда нужна мне. Но к вам у нее что-то другое.

Шмидти, я хочу рулить. Ты можешь убрать крышу?

Кэрри никак не может убрать руки от его «сааба». Они пересекают шоссе и едут в направлении чахлых дубов за железнодорожным полотном по разбитой дороге с еле заметной разметкой. Осевая линия едва видна, асфальт по краям искрошился, за много лет изъеденный зимними морозами. Песчаные обочины густо поросли бурьяном. Их усеивает мусор, выброшенный из грузовичков вроде Брайанова да из машин проезжавших грязнуль, которые имеют или арендуют жилье в этой части обитаемого мира: пивные банки, бумажные тарелки, салфетки, испачканные губной помадой, битое стекло, сигаретные пачки и картонки из «Бургер-Кинга», жухлые пластиковые пакеты, вывалившие свое содержимое: гнилые овощи, бутылки от минералки, куриные кости. Прекрасный вариант — не надо ехать на местную свалку, а кому захочется везти мусор на заднем сиденье собственного микроавтобуса в Нью-Йорк, чтобы отдать там швейцару? Они миновали мрачного старика, который шел им навстречу по другой стороне дороги с таким же

изжеванным пакетом, только этот не разбрасывал, а собирал мусор. Бродяга, подбирающий еду? Нет, на нем чистые садовые перчатки. Значит, тронувшийся домовладелец. Кэрри нажала на клаксон, но прохожий не оглянулся.

Вот чудила! воскликнула она.

Эй, тормози, это здесь, направо.

Брайан расположился на заднем сиденье позади Кэрри. Он дотягивается до водительского кресла и кладет руки ей на плечи. Затем одна рука скользит вниз, находит грудь Кэрри и сжимает ее.

Отвянь, а? Ты хочешь, чтобы мы улетели в кювет?

Шмидт небрежно бросает в окно окурок сигары. Всего лишь табак, но его тут же берет досада на себя. Когда Брайан вслед за ним бросит у дороги прохудившийся глушитель, он будет думать, что поступает, как мистер Шмидт, и не делает ничего плохого.

Они сворачивают к дому — дорожки фактически нет, только прорезанная бульдозером полоса. В конце неровная площадка — подрядчик не потрудился даже вывезти строительный мусор, не говоря уже о том, чтобы закончить нивелировку — и странного вида одноэтажный дом в

форме буквы Х. У парадного входа — или того, что должно им стать, стоит мусорный контейнер, переполненный обрезками досок и фанеры и гофрированным картоном.

Шангри-ла,[50] говорит Шмидт.

Брайан хнычет: Не смотрите на участок, Альберт! Его можно благоустроить, как вы захотите.

Само собой.

Клянусь вам. Макманус просто не стал расчищать, потому что тот малый нарушил договор. У меня есть ключ. Хотите войти?

Одну из палочек «икса» целиком занимает длинная комната с двумя каминами, в ее дальнем конце — кухня, где нет стен, а только стойки. В других полусегментах — два отдельных крыла с рядом спален и ванных в каждом. Дубовые полы с роскошной полировкой и белые стены — в доме светло даже в такой пасмурный день.

Шмидту никогда не приходилось первым вселяться в дом или квартиру. Должно быть, удивительные переживания. Каждая царапина на свежей краске, каждая зарубка на деревянной панели — твои. Шмидт идет по дому, открывая дверцы шкафов, с видом знатока осматривая сан-

---

[50] Примечания: 50

Волшебная страна из романа английского писателя Джеймса Хилтона (1900–1954) «Утерянный горизонт» (1933).

технику и кухонное оборудование, спрашивает про подвал.

Подвал отличный, Альберт. Пойдемте посмотрим.

И верно — уютный чистый подвал с двумя техническими нишами и лазами под полом. *Basta*,[51] Брайан вот-вот махнет контрактом и предложит подписать — не иначе, зарабатывает комиссионные.

Спасибо, Брайан. Прелестный дом. Поехали?

Кэрри между тем тоже успела кое-что посмотреть.

Ты мог бы поместить меня здесь, объявляет она и ведет Шмидта в спальню в дальнем конце одного из крыльев. Тут есть выход — за этой дверью будет сад.

Договорились.

Если Альберт купит этот дом, тебе не обязательно будет ночевать у него: Сэг-Харбор совсем близко, верно?

Брайан обвил рукой ее талию.

В сэг-харборском отеле Кэрри заказала ром с колой, Брайан два пива, а Шмидт бренди. Пока ехали, Брайан успел скрутить еще один косяк

---

[51] Примечания: 51
Хватит! *(ит.)*

и выкурить его на пару с Кэрри. Шмидт, как оплеванный, просит счет, расплачивается наличными — чтобы не задерживаться, — встает, бросает Брайану: Пока, Брайан. Я подумаю насчет дома, — и спешит вон.

Но бесполезно: Брайан оставил свой пикап у Шмидта на подъездной дорожке. По шоссе Кэрри гонит сломя голову. Останови их полиция, и она обнаружит Шмидта в синих облаках гашишного дыма, за рулем девчонку-официантку и наркодилера на заднем сиденье. Для местной газеты новость на первую полосу. К счастью, до дому добираются благополучно.

Брайан не уезжает в своем пикапе. — он идет следом за ними в дом. Кэрри, не говоря ни слова, поднимается наверх — может, отделаться от своего дружка. Что делать Шмидту? Он возится с почтой, а Брайан сидит в углу библиотеки, сосредоточенно грызя ногти. Немного погодя Шмидт придумывает выход. Подходит к Брайану, протягивает ему руку и говорит: Я, пожалуй, пойду вздремну. Увидимся позже.

Брайан встает, жмет Шмидту руку и снова садится.

Я жду Кэрри, объясняет он.

Постель в Шмидтовой спальне раскрыта. Кэрри

протягивает к нему руки. Что так долго?

Брайан. Не знаю, как его выгнать. В конце концов, я сказал, что мне надо вздремнуть. Но он все сидит там. Говорит, тебя ждет.

Ага. Он хочет, чтобы я вместе с ним вернулась в Сэг.

Ну а ты?

Когда он вот такой, он невменяем. Ну же, Шмидти.

Уже голая. Сев на постели, она начинает расстегивать Шмидту брюки.

Чуть позже она задает старый вопрос: Ты меня еще любишь?

Все больше и больше.

А из-за Брайана ты на меня не сердишься?

Да пошел он.

Я твоя, Шмидти. Пожалуйста, люби меня. Я вернусь рано. Подождешь?

Пикап трогается и слишком быстро несется по гравию. Он только что так глубоко проник в нее, а сейчас она ляжет под этого парня, раздвинет ноги, заерзает ягодицами. Вернувшись, прижмется носом к шее Шмидта и скажет: Давай спать, любимый. Усталость? Пресыщение? А может, своеобразная благопристойность — хочет прийти к Шмидту со свежими силами.

Фотографии Мэри и Шарлотты со Шмидтом и без, что загромождали поверхность большого комода, поставленного у кровати, убраны. Они теперь на полке в шкафу — их легко достать, если захочется посмотреть. Так благопристойность поднимает он. Боль, которую терпела Мэри в этой кровати, за что она ей досталась? Какие уж такие грехи совершила Мэри, чтобы заслужить это, Шмидт представить не мог. Прошлое было одновременно и далеким, и совсем близким, и все грехи Мэри казались теперь пустяками: ложь по мелочам, непродолжительные приступы гнева, быть может, гордыня. Впрочем, нет, гордость, приличествующая выпускнице школы мисс Портер и Смит-колледжа, — качество, за которое девушек принято хвалить. Им приходилось уважать себя и всегда помнить, кто они такие и как много у них причин благодарить судьбу. Мэри определенно помнила. А что же он? Под гнетом противоестественной неприязни дочери и ледяного одиночества, запертый в ловушку Брайаном и психом из автобуса, обреченный проводить дни в вожделении и без надежды. Если это раньше времени ниспосланное наказание, то оно досталось Шмидту за Коринн, и в этом — подтверждение симметричности божествен-

ного промысла. Конечно, нельзя и подумать, чтобы кто-то осознанно старался привести в соответствие миллиарды индивидуальных судеб. Слишком тяжелая работа для бесстрастных богов, которые «из грешных радостей порока для нас орудья пытки создают».[52] Проблема решена в глобальном масштабе: бесконечная мука, распределяемая не поровну, однако всем. Достаточно вспомнить о том, что плохо кончается любая жизнь.

Обычно эти предметы толкуют упрощенно, особенно для детей. Шмидт вспомнил, как перед походом с восьмилетней Шарлоттой в «Метрополитэн» на «Дон Жуана» они с Мэри заводили ей пластинку и объясняли сюжет, а потом, когда вернулись из театра, Шмидт спросил дочь, что ей больше всего понравилось, и она сказала: когда статуя приходит на обед и шагает вот так: та-та-та-та. И пустилась повторять: та-та-та-та, та-та-та-та… Шмидта умилил этот ответ, и он сказал дочери, что она все уловила правильно. Сначала Дон Жуан убивает Командора. Потом насмехается над покойником, приглашая его статую на обед. Наконец, в довершение всего,

[52] Примечания: 52

У. Шекспир, «Король Лир», V акт, сцена 3, пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник.

оказывается настолько невоспитанным, что забывает о своем приглашении, садится за стол, не дождавшись гостя, и начинает набивать желудок. Тут Шмидт, фальшивя, напел *Ah, che piatto saporito* и *Ah, che barbaro appetito!*[53] Ничего странного, что каменный человек рассердился, вошел — та-та-та-та! — в столовую и утащил сердцееда прямиком в Ад.

Когда воздаяние так аккуратно воплощается в одном человеке, Шмидт, пожалуй, готов — пусть даже ненадолго *a la rigueur*[54] — поверить в систему. Автор либретто следом за Тирсо де Молиной[55] оставлял Дон Жуану шанс на спасение. Если бы он не насмеялся над Эльвирой, если бы послушался призрака Командора, и если бы он только мог раскаяться! А как собирается спастись он сам, Альберт Шмидт? Отпустив Кэрри? *Sei pazzo!*[56] Ни за какие коврижки! Есть догадка, что

---

[53] Примечания: 53

Ого, какое объеденье! А что за зверский аппетит! *(ит.)*

[54] Примечания: 54

Зд.: в конце концов, на крайний случай *(фр.)*.

[55] Примечания: 55

Тирсо де Молина (1571–1648) — испанский драматург, автор первого драматического произведения о Доне Хуане («Севильский озорник, или Каменный гость»).

[56] Примечания: 56

Да ты с ума сошел! *(ит.)*

ему вполне по силам заплатить Брайану, чтобы он оставил их в покое. А если снова объявится псих, Шмидт сможет устроить так, что малого арестуют и отправят в дурдом, где запрут на порядочный срок, так что если его когда-нибудь и выпустят, для Шмидта это уже не будет иметь никакого значения. Скажем, в Уингдэйл, если он еще работает: позвонить старому другу, который там секретарем главврача, и попросить его потолковать с нужными людьми. Понятно же, что это опасный тип и нарушитель порядка. Только вот Брайан может взять и не «купиться». Спокойно возьмет денежки да и посмеется над Шмидтом. В прошлом, предостерегая клиентов против дачи взятки и понимая, что доводы, основанные на моральных принципах или апелляции к вероятности быть пойманным за руку, никого не убедят, Шмидт обычно упирал на вопиющую неэффективность подобного метода. Во-первых, не исключено, что чиновники в правительстве сделают то, что тебе нужно, в любом случае, и без твоих денег — нужно ли платить, непонятно. Во-вторых, если чиновник возьмет деньги, а обещанного не выполнит, жаловаться будет некому. Вот и настала пора хоть раз прислушаться к собственной мудрости. А вот Уингдэйл — это,

наверное, здравая мысль.

Поразмыслив еще, Шмидт понял, что и это не годится. Кэрри может прознать, что он сделал, а этим рисковать нельзя. Лучше не строить никаких планов.

Проснувшись — в конце концов он все же задремал, — Шмидт видит, что уже стемнело. Он торопливо одевается, ему нужно сбежать из дому куда-нибудь, где есть люди. В доме, куда ни сунься, он чувствует себя как оплеванный: присутствие Шарлотты и отсутствие Шарлотты как комическая и трагическая личины, соединенные в некой аллегории, которую Шмидт не в силах разгадать. В любой другой вечер он направился бы прямиком в «О'Генри», но сейчас это немыслимо.

Сразу после университета, еще до того, как познакомился с Мэри, Шмидт встречался с одной девушкой из «Вуда и Кинга», она работала секретаршей в приемной и приходилась двоюродной сестрой той бостонской выпускнице, что, словно по волшебству, так нечаянно и так живо вспомнилась Шмидту, когда он услышал в телефонной трубке голос Гиловой переменчивой гречанки. Секретарша была с ним мила, но не так, как хотелось Шмидту. Он подозревал, что

одному из важных сотрудников фирмы, за которого девушка в конце концов и вышла замуж, позволено больше. Это было недолго, но оттого не менее стыдно: он звонил ей каждый вечер, когда задерживался допоздна на работе или когда она отказывалась с ним увидеться. Если она не подходила к телефону, Шмидт тут же делал вывод, что она с тем, другим, и давал полную волю воображению. Ему никогда не приходило в голову, что в свободное время у нее могут быть другие занятия, кроме мужчин, что она может пойти на концерт или, например, с подругой в кино. Автоответчиков в те времена еще не было, так что он не мог даже утешиться звуком ее голоса, обещающего перезвонить. Если же она отвечала, Шмидт трусливо прикрывал микрофон ладонью, слушал ее голос и через минуту-другую вешал трубку. Но ему нужно услышать Шарлотту! Шмидт решает, что если Райкер еще не вернулся с работы, он обязательно услышит голос дочери — по крайней мере, записанный на пленку. Набирает номер и ждет, пока включится автоответчик.

Восемь тридцать. В каком-нибудь из маленьких странных зальчиков, на которые разделен пропахший плесенью старый саухэмптонский кинотеатр, наверняка есть сеанс на девять часов.

Любой фильм подойдет.

За пятнадцать минут до сеанса Шмидт ставит машину на углу у кинотеатра. Очереди в кассу нет. Купив билет, он идет к витрине салона «Дженерал Моторс» в соседнем доме взглянуть на кабриолеты и микроавтобусы. Что делать с машиной Мэри? Надо отдать ее Кэрри. Какой смысл заставлять ее ездить на старом драндулете, когда в гараже простаивает «тойота»? Или можно продать «тойоту» и купить Кэрри новую машину. Так будет элегантнее, хотя он потеряет деньги, и вообще глупо избавляться от автомобиля, который едва ли прошел и двадцать тысяч миль. Была еще машина Шарлотты, которую она в свой последний приезд оставила в гараже и не упомянула в письме. Может, теперь, проконсультировавшись с правоведом Райкером и доктором Ренатой, Шарлотта думает, что машина, записанная на Шмидта, фактически ей не принадлежит? Те двое, не иначе, сказали ей на совете: Если ты заведешь речь о его серебре и сразу же заикнешься еще и о «фольксвагене», старик встанет на дыбы!

Шмидт смотрит на часы. Есть время пропустить стаканчик в заведении через дорогу. Он направляется было туда, но вдруг видит, что в проулке у бара каменным изваянием стоит,

внимательно глядя на Шмидта и не выказывая ни малейшего удивления, псих. Одет в бежевый плащ по сезону, на голове засаленная фетровая шляпа набекрень, а к груди прижимает коричневый бумажный пакет.

А ну иди сюда, ублюдок, старый козел! орет он. Я тебя давно поджидаю. Я с тобой разберусь!

Шмидт ретируется. В зале он выбирает место поближе к экрану, в середине ряда, и так, чтобы соседние кресла с обеих сторон были заняты. К концу сеанса он немного успокаивается. Невозможные грязь и вонь, а вовсе не физическая сила — вот что пугает его в том человеке. Это как страх перед крысами, копошащимися на помойке. Этот страх он преодолеет.

Мэри подолгу лежала в ванне. Кэрри предпочитает душ. Шмидт сидит в плетеном кресле прямо в ванной и наблюдает, как моется Кэрри, — она вернулась из Сэг-Харбора следом за вернувшимся из кино Шмидтом. Наблюдение необыкновенно волнует Шмидта: это юное тело абсолютно свободно от изъянов. Контраст между ее тяжелой грудью и удлиненным туловищем, которое всегда выглядит изнуренным, не кажется Шмидту недостатком, напротив, в этом ее непередаваемое очарование. Кэрри напоминает ему печальных

танцовщиц Дега,[57] например, ту, что завязывает обувь, поставив ногу на стул и подняв на зрителя недоуменное лицо. В постели Кэрри становится ужасно серьезной — поначалу Шмидт думал, не делает ли он ей больно, и как ее утешить. Но потом понял, что дело в другом — серьезность ее оттого, что она приносит себя в дар целиком и целиком растворяется в мощной волне оргазма. Бурный и продолжительный оргазм, как решил Шмидт, был дарован Кэрри в награду за эту ее серьезность и самоотдачу.

Моется Кэрри крайне тщательно. Шмидта смешит, какое внимание она уделяет своему пупу. Она объяснила ему, указав на крохотный булавочный укол: Я носила тут колечко. Это было что-то! Шмидту хотелось бы знать, который из ее любовников захотел пометить ее таким образом, но он не стал спрашивать, опасаясь, что это был мистер Уилсон, хотя с бродягой такое желание и не очень вязалось. Когда Кэрри выходит из душа, Шмидт встает ей навстречу с полотенцем, обертывает и нежно обхлопывает всю, вытирая. Зубы Кэрри уже почистила. Шмидт берет ее на руки и, по пути выключая в комнатах свет, несет

---

[57] Примечания: 57
Эдгар Дега (1834–1917) — французский художник-импрессионист.

в постель. Жаль твоего малыша, шепчет она в ухо Шмидту. И тут же добавляет: Любимый, я сегодня не могу. Я люблю тебя. Он чуть не расколол меня пополам. Целый час, как заведенный. Этот придурок так обкурился, что никак не мог кончить. Ее пальцы не останавливаются. Ты меня еще любишь? Тебе так нравится, Шмидти?

Позже, когда голова Кэрри уже покоилась, удобно угнездившись у него на груди, Шмидт рассказал, что видел бродягу, и спросил, знала ли Кэрри, что он снова объявился. Она знала — псих околачивался у ресторана.

Скажи, Кэрри, он тебя харит?

Смешно сказал! Почему ты не говоришь «мистер Уилсон»? Его так зовут.

Так как?

Он пытался, когда объявился в первый раз. У меня дома он вымылся. Старался и так, и сяк. Бесполезно. Не смог. Он так разъярился, что ударил меня. Нет, не сильно. Ну шлепнул разок-другой.

Что ты будешь делать, если он снова попытается?

Он не попытается. Ни за что — пока я с тобой.

Почему? Откуда ты знаешь?

Он так сказал. Ты вроде как стал для меня тем, чем был он. Он не хочет, чтобы я сравнивала.

Значит, он захочет меня убить.

XV

Жители Куога, который недвижимость в бухте делала в глазах многих коллег и клиентов Шмидта одним из самых привлекательных мест на побережье, проникновению евреев сопротивлялись героически и вполне победоносно. Тем не менее к этому городку и всем его обитателям, не деля их на местных и приезжающих на лето и по выходным дачников, Шмидт чувствовал затаенную неприязнь.

Во-первых, в Шмидтовой географии городки западной части лонг-айлендского округа Саффолк населяют одни никчемные алчные торгаши, самые ушлые из которых живут перепродажей тех самых домов, что портят Шмидту вид, а кто помельче — продают машины и страховки. Этой части округа, по мнению Шмидта, принадлежал — независимо от его географического положения — и Куог. Жители восточной половины Саффолка стояли в Шмидтовой иерархии живых существ выше, поскольку добывали хлеб более достойным образом: кто не принадлежал грубой, но благородной и опасной профессии рыбака, тот

постригал лужайки, обслуживал канализационные коллекторы или выращивал овощи. Но отвращение к Брайану не было связано с тем, что парень родился в Куоге. Брайан — скользкий тип, имел доступ к телу Кэрри и тем был гадок Шмидту. Были ли домогательства Брайана нежеланны для Кэрри и в какой степени, этого Шмидт предпочитал пока не выяснять.

Присутствие тех партнеров и клиентов, что имели здесь дома, ничуть не облагораживало образ Куога. Хотя это были те самые знакомые, которых Джон Райкер вменил Шмидту в вину, открывая Шарлотте глаза на отца-антисемита, Шмидт не чувствовал себя с ними легко. На его вкус, они были слишком общительны и слишком подвержены стадному чувству, увлеченно планировали совместное веселье, зная, что здорово развлекутся в компании друг друга, а потом в мельчайших деталях, демонстрируя абсолютную память, вспоминали, как восхитительно все было, несмотря на то, что Джимбо сломал коленную чашечку, свалившись с лестницы на Площади Испании, а врачи так и не смогли вылечить Мэри Джейн от дизентерии, которую она подхватила в Канкуне. Любовь к людям, как известно, не отличает Альберта Шмидта. Кроме того, и Мэ-

ри с трудом терпела этих персонажей, которые раздражали ее полным непониманием ее образа жизни, а жены их, чье существование замыкалось в воспитании детей и благотворительности, наводили на нее тоску и беспокойство.

Словом, когда Шмидт развернул многократно сложенное многословное приглашение на тридцатилетнюю годовщину свадьбы Уокеров, празднование которой состоится в их загородном доме в Куоге во вторую субботу мая, его первым побуждением было отказаться. Приглашение доставили на офисный адрес; письма с соболезнованиями Шмидт, насколько он помнил, от Уокеров не получал: что прошло, то прошло, да и никогда они не были особенно близкими друзьями. А ведь среди гостей будут и другие люди из этой же неудобной категории бывших друзей. Пары, с которыми Шмидт подружился в университете, те, с которыми они с Мэри регулярно обедали в последующие годы, а также обломки распавшихся браков. И трудно было угадать, кого из тех бывших супругов выбросило на берег, а кто под новым парусом уплыл в другие моря, — красота и обаяние нередко определяют характер, и более привлекательный из двоих находит новую судьбу.

Все эти дружбы родились и цвели давным-давно, когда большинство из этих людей жило в верхнем Вест-сайде или между Вашингтон-сквер и Грамерси-парком. В те времена солидные фирмы, в которых все они работали, платили молодым юристам какие-то жалкие крохи, но притом старшие партнеры, предполагая, что у каждого человека есть небольшой доверительный фонд, позволяющий делать необходимые траты, всерьез ждали от своих сотрудников, что они сами и жены их будут, как Папочка и Мамочка, шикарно одеваться и во всем Папочке и Мамочке подражать. И молодые справлялись — это умение было их племенной чертой, такой же, как умение ходить под парусом. Бывало, двое юристов-гарвардцев, однокурсников или с небольшой, в год-другой, разницей в возрасте, сообща арендовали для своих семей — крепких, красивых и благополучных — большой дом на море, где-нибудь в Амагансетте или к северу от шоссе в Уотер-Милл, и приглашали одиночек вроде Шмидта отдохнуть на выходных: выпить джину, погрызть вареной кукурузы, полюбоваться резвящимися в волнах детьми — здоровыми, светлокудрыми, прелестными, как с картинки. Вот в один из таких выходных у Уокеров Шмидт,

приглашенный Тедом, и очаровал его жену, филадельфийскую тростиночку Мими, подав ей целого лосося и украсив его аппетитным желтым майонезом, который сам приготовил по вдохновению, взбив в чашке яичные желтки с ореховым маслом, чем вызвал многочисленные комментарии, суть которых сводилась к тому, что любой другой на месте Шмидти взял бы и протянул руку за банкой «Хеллманса».

Чего ради он поедет к ним на вечер? Разве они ему теперь интересны? А он им? Не возьмешься же в самом деле за стаканом вина или за тарелкой холодной телятины объяснять, в какие игры жизнь играла с Уокерами и со Шмидтом с тех пор, как развела их — вскоре после того, как Шмидт женился на Мэри. А прочие из тех! Половину непросто будет даже узнать: потребуется моментально восстановить в воображении былой цвет волос, если не сами волосы, замазать ямы, оставленные на коже удалением мелких опухолей, отсечь животы и зады. Тем не менее, погрузившись после завтрака в чтение приглашения, настоящей истории рода, размеченной на всех этапах восклицательными знаками и проиллюстрированной фотографиями Уокеров и их детей в разном возрасте, Шмидт ощутил

острое любопытство. Жизнь Теда и Мими казалась такой безоблачной и очаровательно простой историей. Какой она была? И как им это удалось? Он должен это выяснить. Итак, он отправляется в социологическую экспедицию, которую ему было бы не так-то просто предпринять, если бы Кэрри уступила неблагоразумным просьбам бросить работу и поселиться у него. Там будет фуршет, так что уехать он сможет в любой момент, никто по нему не заскучает.

Проехав тридцать с чем-то миль и оказавшись в доме Теда и Мими, Шмидт едва не расхохотался над своими недавними сомнениями и над своим любопытством — так просто все оказалось, — да помешала нахлынувшая зависть. Дом у Теда Уокера был почти такой же, как у Шмидта. Та же облицовка темной рейкой, остекленный портик у входа, небесно-голубые ставни на окнах, старые деревья вокруг. За домом на аккуратной лужайке оркестр играл орлеанский джаз. Милые ребята из местных раздавали гостям напитки, канапе и другие стильные закуски пожилым гостям, большинство из которых Шмидт все же узнал и без подписей, и молодым, выкроенным из тех же материй, что и самые представительные сотрудники сегодняшнего «Вуда и Кинга» и, конечно,

столь же благополучным. Наверное, друзья младших Уокеров, банкира и юриста. Шатра не было. В доме, наверное, хватит места, чтобы разместить всю эту кучу народу, да и все равно вечером уже слишком свежо — если, конечно, не поставить под шатром обогреватели. На свадьбу Шарлотты Шмидт хотел установить большой шатер рядом с задним крыльцом, чтобы люди свободно текли через него. Это первое отличие. А второе — Шмидту не повезло. Простое невезение: сначала Мэри, а потом вся эта кошмарная история с Шарлоттой. Если бы не досадная полоса неудач, у него все было бы не хуже. Денег у него ничуть не меньше, чем у Теда. Шмидт закатил бы роскошный праздник, а уж с Мэри они устроили бы такое даже со связанными за спиной руками. Нужно только придумать, что праздновать. Хотя подожди-ка, ведь можно задать пир для Кэрри, представить ее обществу! Брайан будет парковать машины приезжающих гостей, а в баре, раскрашенный под негра, — псих, если, конечно, удастся его найти и отмыть. В том, что он видит здесь, нет решительно никакой загадки. Обычная вечеринка с фуршетом в доме немолодых супругов, чьи жизни еще не полетели под откос. Их время еще придет.

При его полном равнодушии к делам Уокеров и бывших приятелей из «Вуда и Кинга», мелькавших среди гостей, Шмидта почему-то угнетало, что люди, с которыми он некогда был близко знаком и не виделся целую вечность, не проявляют к нему никакого интереса. Тот же Тед — безукоризненно вежливый и доброжелательный, он сбежал от Шмидта, озвучив дежурный текст хлопотливого хозяина: Никуда не уходи, я сейчас вернусь! — но не позаботившись представить его кому-нибудь, с кем можно поговорить. Всеми покинутый Шмидт бродил туда-сюда по лужайке, подходил то к одним, то к другим, влезал в разговоры, задавал вопросы, прекрасно понимая, насколько неинтересны они ему самому и тому, к кому он цепляется. Досадуя оттого, что другие встревают в разговор, который он начал лишь затем, чтобы почувствовать себя лишним, Шмидт пил больше обычного, быстрее опустошал стакан и надеялся, что его частые появления у бара сделают его фланирование по лужайке не таким демонстративным. Его окликнул хорошо знакомый голос. Голос из «Вуда и Кинга». Партнер Лью Бреннер. Вот те раз, не обрушились ли стены Иерихона?

Рад тебя видеть, Лью, сказал Шмидт. Что ты тут

делаешь?

То же, что и ты, полагаю. Веселюсь. По-моему, прекрасный повод!

Я к тому, что не думал, будто ты знаком с Уокерами.

Мы уже много лет дружим. Вообще-то мы с Тиной каждую неделю играем с ними в теннис пара на пару, если все в городе. А то кто-нибудь, знаешь же, обязательно в разъездах.

За спиной Шмидта! Уж это слишком!

Это мило, Лью! Ну а что там, в конторе?

Нормально, выбираемся из ямы. Доходы по девяносто второму году должны быть на уровне прошлого. Не бог весть что, но это лучше, чем в девяносто первом! Партнеры ходят кругами и говорят, что готовы убить, только бы заполучить какую-нибудь сделку. Я-то, конечно, и тогда не жаловался, и сейчас пожаловаться не могу: по международным сделкам не бывает спадов. И этот твой Джон Райкер, и остальная банкротская шайка проворачивают большие дела.

Вот и славно, Лью. И Джон молодец. Я ведь теперь не знаю, как дела в «Вуде и Кинге».

Сам виноват. Надо заходить, бывать на корпоративных обедах. Люди по тебе скучают.

Невероятно! Скажи, Лью, тебе здесь весело?

Тебе хорошо на таких сборищах?

О чем ты? Конечно, мне здесь нравится.

Да это я вижу. Я спрашиваю о том, как тебе это удается? Что ты делаешь, чтобы получать от этого удовольствие?

Сегодня случай особый. Мы любим Теда и Мими, и детей. Но если в общем… Не знаю. На таких вечерах обычно немного выпиваешь, болтаешь с кем-нибудь да подыскиваешь клиентов. Так? Я не отношусь к этому серьезно.

Пожалуй, ты прав, Лью. Но меня это все почему-то всегда оглоушивает.

Не хочешь пойти поздороваться с Тиной?

Через минуту. Я сначала поздороваюсь с Мими. Ты хороший человек, Лью. Жаль, что за все эти годы мы с тобой не сошлись поближе.

Никогда не поздно!

Хотя был уже двенадцатый час, Шмидт уходил одним из первых. Оркестр перебрался в дом, откуда доносились звуки «Женщины из Сент-Луиса». В высоких окнах пожилые затанцевали в стиле пятидесятых: дамы прилипли к кавалерам. Ну что же, он будет дома раньше Кэрри.

Выехав на автостраду, Шмидт увидел, что туман сгустился. Но это его не беспокоило. Мой «сааб» — моя крепость. Шмидт включил противотуман-

ные огни, поймал глазами свеженарисованную осевую линию и вдавил педаль газа. По радио шла дискуссия о расовой ненависти и насилии: лос-анджелесские полицейские избили Родни Кинга, в ответ черные избили Реджинальда Денни.[58] Шмидт видел обоих по телевизору. Никто не задал главного вопроса: как может статься, что человека не мутит, когда он слышит, как его дубина лупит по голове, плечам и спине другого человека? Почему он не чувствует этих ударов на собственном корчащемся теле, почему не остановится? Может быть, это прилив адреналина? Шмидту было ясно, что сам он страдает от недостатка адреналина. Иначе почему он до сих пор не напустил на психа сержанта Смита с доброй дубинкой? Именно потому, что сам он не сержант Шмидт. Как смешно! А между тем тот человек кружит где-то рядом. Чокнутый тут, чокнутый там. Вполне возможно, что он ночует в домике для гостей. А что, может, и так. А Кэрри его украдкой подкармливает.

Едва представилась возможность, Шмидт свер-

---

[58] Примечания: 58

Заснятое на видео избиение чернокожего водителя Родни Кинга белыми полицейскими в марте 1991 г. послужило причиной крупнейших в истории США расовых волнений в Лос-Анджелесе. Реджинальд Денни — белый водитель грузовика, избитый и изувеченный во время лос-анджелесских волнений чернокожими хулиганами.

нул на 27-е шоссе и, не проехав и полумили, понял, что сделал ошибку. Ладно бы туман, но теперь ему приходится ехать словно бы сквозь облако. Как быть? Вернуться на трассу — не так просто, да и в конце концов все равно придется выезжать к берегу. К черту! Он наизусть помнит каждый поворот этой дороги. Других машин он не встретит, можно быть спокойным. Прения знатоков человеческой природы стали действовать Шмидту на нервы. Он покрутил колесико настройки, пытаясь поймать джаз. Никакого джаза — только разговоры или кантри. К черту радио! Он и сам себе споет. На всех парах вперед под *L'amour est enfant de Boheme.*[59] Нет-нет, не мычать! Слова, пожалуйста! *Toreador, toreador, l'amour, l'amour t'attend.*[60] Подходящая песня! Он даже не в облаке — его черный кабриолет попал в громадную, бесконечную бутылку молока. Возбуждение нарастало. Не то Шмидт, как конь, почуял родное стойло, не то адреналин в кои-то веки закипел в крови. Он был почти в конце пер-

[59] Примечания: 59

«Любовь — дитя богемы» *(ит.)* — строка из арии Кармен в одноименной опере Жоржа Визе (1838–1875).

[60] Примечания: 60

«Тореадор, любовь ждет тебя» *(ит.)* — куплеты Эскамильо из оперы «Кармен».

вого прямого участка трассы и кожей чувствовал приближение поворота, за которым будет новая прямая, а там уже Оушен-авеню. Плевое дело. Вот сейчас уже показался бы поворот к дому — если бы хоть что-то было видно. Оперный репертуар у Шмидта был небогатый. Он запел из Моцарта, арию Дон-Жуана: *Vivan lefemine! Viva il buon vino! Sostegno e gloria d'umanita![61]* Да, вино у Уокеров неплохое. А что до Кэрри — *brava![62]* И он пел бы так до самого дома, но вдруг грохот взрывает машину — будто все ударные в оркестре разом впали в буйство, — и неодолимая сила бросает Шмидта вперед на ремень безопасности так, что боль обжигает плечо, и Шмидт, выворачивая шею, пытался увидеть, чего хочет эта огромная белая рыба, что плавно проплывает над капотом «сааба» и вплотную приближает свое лицо к лицу Шмидта с той стороны ветрового стекла. Ну конечно — псих! И хотя Шмидт уже не поет, музыка не остановилась. Два устрашающе медленных такта и еще более пугающая пауза, и тут же во

---

[61] Примечания: 61

«Да здравствуют женщины, да здравствует доброе вино — они опора и слава человечества» *(ит.)* — строка из арии Дон Жуана в опере Моцарта «Дон Жуан».

[62] Примечания: 62

Зд.: молодец *(ит.)*.

всю мощь все струнные ударили в унисон, а с ними — медь. «Тема Судьбы»!

Все шторы в спальне раздвинуты, и в открытые окна течет послеполуденный свет и воздух, пропитанный запахом сирени. Сирень всюду — белая и бархатно-фиолетовая — в разнокалиберных вазах, расставленных на двойном комоде, некогда уставленном фотографиями Мэри и Шарлотты, на длинном чиппендейловском столе в простенке между окон, на складном столике в дальнем углу комнаты. Поскольку прогуляться по саду, пока сирень цветет, Шмидту не удастся, он велел Брайану срезать ветки и приносить в комнату, чтобы можно было любоваться ими и вдыхать их запах. Брайан принес обед, потом унес посуду, оставив Шмидту недопитую за едой бутылку «Гевюрцтраминера» и стакан. Шмидт попивал вино маленькими глотками, и оно постепенно туманило голову. Его состояние — вполне подходящее извинение дневному пьянству. Как говорит Брайан, «раз вы никуда не собираетесь, можете доставить себе удовольствие».

Едва Шмидт вспомнил эти слова, Брайан спросил: Альберт, не хотите посмотреть фильм? Я привез то, что вы хотели. «Леди исчезает» и «Как

выйти замуж за миллионера».[63]

Шмидт не хотел. Как не хотел ни читать, ни чтобы кто-нибудь почитал ему. Он хотел думать свои думы и пить вино, покуда не соскользнет в дрему, а там придет с работы Кэрри, примет душ; он услышит, как она плещется и напевает, потому что она специально оставит дверь открытой, и придет к нему в постель, свежая и слегка влажная, как африканская Венера, только что родившаяся из морской пены. Сломанные ребра и плечо нисколько не мешают их удовольствиям. Пока он дожидается Кэрри, выписанное хирургом болеутоляющее — приходится в оба смотреть за Брайаном, чтобы не запускал туда руку, — навевает Шмидту удивительные сны. Если раздавать такие таблетки за деньги, в два счета озолотишься.

Брайан принес трубочку с прозрачным шаром на конце, в котором, если подуть, танцуют маленькие голубые мячики. Дважды в час по пять минут Шмидт должен как следует дуть в эту трубку: ярмарочное развлечение должно предохранить левое легкое от нового коллапса.

---

[63] Примечания: 63

«Леди исчезает» (1938) — фильм Альфреда Хичкока. «Как выйти замуж за миллионера» (1953) — романтическая комедия Жана Негулеску с участием Мэрилин Монро и Лорен Баколл.

Легкое спадалось уже дважды: первый раз в Саутхэмптонской больнице, второй — уже дома, на попечении Брайана и к его к ужасу. Просто поразительно, насколько серьезно этот парень все воспринимает. Кажется, никогда Шмидт не был таким чистым, как теперь, когда его моет Брайан. Его жуткие пальцы умеют прикасаться деликатно. Может, он представляет себе Шмидта поломанной мебелью? Например, викторианским креслом-качалкой, которое купила на домашней распродаже и попросила починить хозяйка одной из доверенных присмотру Брайана дач. А может, Брайан «вылизывает» его, как машину? Шмидт решил, что, пожалуй, слишком плохо думал об этом парне, подозревая, что он может позариться на «перкодан». В других обстоятельствах — да, но грабить своего пациента он не станет. Это уже совсем другое дело. Когда в больнице Кэрри заверяла его, что Брайан будет полезнее любой сиделки и прекрасно позаботится о Шмидте, когда тот вернется домой, Шмидт первым делом подумал, что, пожалуй, сам того не желая, развил в ней способность к черному юмору. Брайан? ответил он. А почему тогда не бродяга? Ради тебя он восстанет из мертвых! От такой шутки она расплакалась, и Шмидт поспе-

шил взять ее за руку и пообещал, что он возьмет, возьмет Брайана. Но Кэрри оказалась совершенно права. Парень может сделать великолепную карьеру в каком-нибудь гериатрическом центре — по данным «Нью-Йорк Тайме», у этого бизнеса практически неограниченные перспективы развития. Он пришел поговорить об условиях, пока Кэрри была на работе. Шмидт лежал один.

Альберт, сказал Брайан, я вам очень признателен. Я знаю, что не очень-то вам по нраву. Обещаю, что буду делать все как следует. Вот увидите.

Да, конечно.

Мне кажется, я многому могу у вас научиться, Альберт. Это как будто я снова вернулся в школу!

Да ну!

Я не шучу. Если вы позволите мне остаться в доме и после того, как поправитесь, я буду заниматься домом только за комнату. Я буду чинить все, что сломается, и делать, что захотите, в саду, на что не хватит времени у Джима Богарта. Если хотите, я останусь в комнате при кухне.

Ага! Шмидту и невдомек было, что он нанимает себе домашнего санитара. Довольно неожиданная замена Коринн в той комнате. С другой стороны, что Брайан ни собирался бы делать с

Кэрри, он спокойно может делать это не только ночью, но и днем — пожалуй, днем это будет даже проще, поскольку ночью, как надеялся Шмидт, Кэрри будет занята другим в постели Шмидта.

Оставайся в комнате при кухне, пока я не поправлюсь, если я вообще поправлюсь! А там посмотрим. Я не могу заглядывать так далеко в будущее.

Шмидт уже начал уставать и подумывал, не позвонить ли дежурной сестре.

Знаете, Альберт, у нас с Кэрри больше ничего нет. Вы победили.

Шмидт несмело улыбнулся. Какая-то ловушка?

Я ведь сразу все понял, еще до того, как она переехала к вам. И это правильно. Мы-то с ней были просто ради секса. Я для нее ничего не значу. А на вас она крепко запала!

Может, так оно и было, может, так и будет, ответил Шмидт. Посмотрим. Поговорим об этом, когда Кэрри будет здесь.

Днем раньше этого разговора, перед тем как легкое Шмидта спалось, панически перепугав милую практикантку, которой никак не удавалось — был воскресный вечер — разыскать хирурга, Шмидта навестили Шарлотта с Джоном. Когда Шмидт спросил, из Нью-Йорка ли они при-

ехали к нему, те ответили, что ночевали в доме. Пересчитывали серебряные ложки, подумал Шмидт. Как только он вышел из реанимации, они звонили, сначала говорила Шарлотта, потом Джон. Джон немедленно продемонстрировал, что работа в первоклассной нью-йоркской правовой фирме сделала его человеком, полезным в любых обстоятельствах.

Бродяга, которого ты сшиб, к приезду полиции и «скорой» уже умер. К счастью, вскрытие показало, что он здорово накачался. К тому же след протектора показывает, что ты ехал по своей полосе и с нормальной скоростью. Я поговорил с Винсом (один из старших партнеров «Вуда и Кинга», работавших по судам, в прошлом был прокурором), он не думает, что тебя в чем-нибудь могут обвинить. Но чтобы подстраховаться, мы наняли парня по имени Шонесси из Риверхеда. У него есть свои рычаги в суде.

Интересно, что же было в моей крови, думал в эту минуту Шмидт, могло ли так случиться, что мне не сделали анализ?

Рената звонила врачу, он сказал, что все будет отлично. Ушибов и разрывов нет. Мы приедем навестить тебя в воскресенье.

И приехали, точно вовремя. Ни цветов, ни чего

другого, отметил Шмидт, чего баловать-то? А может, в своей семье такие сентиментальные жесты и не положены. С удовольствием он отметил, что кожа Шарлотты так и светится. Как же она хороша! Шмидт тут же сказал ей это и добавил, что с годами она все больше походит на свою двоюродную бабку, англо-ирландскую красавицу Марту. Не иначе, слово «англо-ирландский»[64] с его религиозным значением (если Шарлотта знала его!) оказалось некстати. Дочь сразу перешла к делу.

Пап, «сааб» убит полностью. Если у тебя не заберут права, придется тебе, наверное, ездить на маминой машине. А вот «фольксваген», он еще мой? Если так, то мы оставим машину из «Эйвиса»[65] здесь и вернемся в Нью-Йорк на «фольке».

Я его тебе подарил. На мое имя он записан только из-за страховки. Ты же знаешь.

Отлично, значит, договорились. Папа, а что в нашем доме делает эта мексиканская девчонка? И что она делает в вашей с мамой спальне?

Твою мать! Как же он забыл? Но рано или позд-

---

[64] Примечания: 64

Англо-ирландская (иначе Высокая) — протестантская церковь Северной Ирландии.

[65] Примечания: 65

Фирма по прокату автомобилей.

но это должно было открыться.

Ты имеешь в виду Кэрри? Она там спит.

С тобой!

Да. Когда я там.

Пап, и долго это у вас? Она ведь, наверное, младше меня.

Она младше. Забыл, как тут говорится? Роман зимы и весны, кажется. Или весны с зимой?

Знаешь, мы не думаем, что это смешно. Эта девушка будто из гангстерского фильма.

Возможно. Я думаю, на такие роли отыскивают самых красивых девочек.

Тут в разговор вступил зять-адвокат.

Она обдерет тебя как липку, Шмидти. Ты имеешь полное право жить, как хочешь, и поступать по своему усмотрению, но ты должен быть защищен. Я поговорю с Диком Мёрфи. Пусть предложит какой-нибудь способ не дать ей завладеть твоими деньгами.

Думаю, я и сам способен поговорить с Диком, если возникнет необходимость. Кстати, Кэрри много работает — она официантка — и откладывает деньги. И не проявляет никакого интереса к моим.

Кто-нибудь поможет ей ими заинтересоваться, дай только срок! внесла свою лепту и Шарлотта.

Как бы там ни было, я не хочу ее видеть на своей свадьбе. Надеюсь, ты не собирался ее привести?

Боже правый, Шарлотта! А ты, оказывается, старомодна. Значит, ты планируешь половинную дискриминацию: иудеи приветствуются, а цветным хода нет? Очень мило! Джон, ты проверял, как это соотносится с принятой в нашей фирме политикой равных возможностей?

В таком случае ты вычеркнут из списков! Не смей так говорить!

Не повышай голоса, Джон. Я тебе еще тогда объяснил, когда ты только начинал работать, что это дурной тон и проявление неуверенности в себе.

Вскоре после этого Шарлотта с Джоном ушли, а Шмидт почувствовал, что не может как следует вздохнуть.

Не надо строить планов. Глубокая мудрость, но — и сам Шмидт признавал это первым — не в любой ситуации она годится. До того, как решилась проблема с психом, Шмидт собирался позвонить своему бывшему партнеру Мёрфи (которого в мыслях неизменно именовал «этот клоун Мёрфи») и спросить, сможет ли он уклониться от налога на дарение, если вместо того, чтобы дать Кэрри денег, он сам заплатит за ее обучение в саутхэмптонском колледже и сделает

за нее другие необходимые траты. Зачем отдавать правительству, которое пустит твои деньги на ветер: на космическую программу и превращение Афганистана в страну западных ценностей больше того, что ты безусловно должен. И как бы между прочим он собирался спросить, какие законы применяются при рассмотрении дел о назначении алиментов гражданским женам. Но после того, как этот клоун Райкер — еще один клоун! — открыл рот, Шмидт понял, что не унизится до такого — обстоятельства изменились.

Он потянулся к тумбочке за почтой, но боль удержала его.

Альберт, вам что-то нужно? Вам нельзя так двигаться.

Да, подай, пожалуйста, тот толстый конверт и мои очки.

Шмидт перечитывал бумаги в третий раз. Адвокаты мачехи извещают его, что Бонни скоропостижно скончалась, умерла во сне, предположительно от сердечного приступа. Все свое имущество она завещала Шмидту, в том числе и то, что передал ей при посредничестве Шмидтова отца ее первый муж. Вот и приложенное завещание, сформулировано предельно ясно. И письмо от Бонни.

Дорогой Шмидти, — читал он строки, написанные всегда умилявшим его старательным почерком, — когда твой отец завещал мне все свое имущество, мне было неловко: ведь и бедняга Созон оставил мне более чем достаточно. Я сказала твоему отцу свое мнение, но он захотел поступить так. Он сказал, что ему было со мной хорошо — бог свидетель, я старалась, и он был такой милый человек, такой мягкий! Он сказал, что я могу оставить это все тебе в завещании — если не передумаю и ты будешь хорошо себя вести. Ты был добр ко мне в тот тяжелый момент и ничем не показал, что разочарован. Так что теперь я делаю, что должна. Я оставляю тебе также и то, что лежит в фонде Созона. Твой отец так все устроил, что я могу передать фонд, кому захочу, он сказал, что так будет проще с налогами. Сыновья Созона и так получили сполна и даже больше, и они всегда плохо ко мне относились.

Возможно, при моем образе жизни я проживу еще лет пятьдесят, но если я умру, трать эти деньги в свое удовольствие и закажи себе побольше костюмов у того портного, что шил твоему бедному отцу. Они тебе так нравились! Эти замечательные люди из Бостона, которых твой отец нанял распоряжаться его деньгами, замечатель-

но поработали! Поверь мне!

Письмо было датировано Рождеством 1990 года. На то Рождество Шмидт, как обычно, послал ей открытку с добрыми пожеланиями, и она, как обычно, ответила. Очевидно, она не поставила Шмидту в вину, что на следующее Рождество он не прислал открытки: он писал ей про Мэри, и Бонни знала, что у него неблагополучно.

Брайан, сказал Шмидт, у меня такое чувство, что, когда я поправлюсь, мне понадобится кто-нибудь, кто сможет присматривать за большим домом во Флориде, в Уэст-Палм-Бич. Там много работы. Почти все нужно будет чинить или менять. Трудная задача и займет много времени. Как ты думаешь, ты бы справился?